

ЦУ# Р
А 544

Анархический Вестник

№ 1-4

Июль 1923 — Октябрь 1923

4411024

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННЫХ АНАРХИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Июль
1923 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

на редакции	1	Русское обозрение:	
На переломе П. Аршинов.	9	Промышленность России в условиях изпа. Металлист	44
Положительные задачи анархизма:		Исторический отдел:	
Программы созидательные и программы разруши-		Трагедия Николаевская на Амуре . . . М. Володин	47
тельные Д. Сантхалин.	13	Анархическое движение в Италии с 1914 г. до наших	
Записки Нестора Магно	16	дней. Очерк I Луизо Грой	50
Об индивидуализме (Очерк I) Ефрем Полонский,	16	Литературный отдел:	
Анархизм и насилие:		Политот зав. Т. Паппе	53
Единственное средство Рабочий,	23	Сказка (стактоноренне) В. Э.	55
Письма о пережитом. — Краткое содержание первых 7-ми		Анархо-большевизм:	
писем. — Письмо восьмое: Смысл разруше-		Анархо-большевизм и его роль в русской револю-	
ния (продолжение) Волин.	80	ции П. Аршинов	56
Организация анархистов:		К вопросу об анархо-большевизме и его роли в револю-	
К вопросу о формах анархической организации —		ции (от Гр. Русск. Анарх. в Германии).	59
Гай Ванден.	40	Вести из России Д. С.	73
		В Германии Обозреатель	77
		Среди книг и журналов	80
		Разное: воззвания, обращения, отчеты и пр.	81

ЦУНІР
А 544

Л. С. 76
Обозреватель 77
ия, отчеты и пр. 80

~~сп. 35~~
уп 16

чужбину русских анар-

Анархическая среда расплына. Движение, в большинстве стран, разбито или чрезвычайно ослаблено. Идеиный разброд наш весьма значителен. Понижение морального уровня в нашей среде еще значительнее. Товарищеские связи — слабы. Энтузиазм борьбы временно придушен...

Со всеми этими обстоятельствами нам приходится определенно считаться.

Еще печальнее обстоит дело с окружающей средой.

Рабочее движение всюду обесилено и дезорганизовано. Массы истощены, и революционные ряды их расстроены. Политические партии вносят в движение губительные начала подавления свободной инициативы, политики, обмана, упадка и разложения и так или иначе отвлекают трудящихся от их прямых задач, от их прямого дела. Рабочие организации, в своем подавляющем большинстве, бродят по ложным путям компромиссов и копейной борьбы...

Нам приходится, поэтому, преодолевать громадное сопротивление среды.

Между тем, голос наш слаб. Он теряется в шуме других — наглых и зычных — голосов. Голос заводящих рабочее движение в безнадежный тупик «коммунистических» партий — самый наглый и самый зычный из них.

Тем временем, реакция активно организуется для решительной борьбы и формирует непосредственно свои боевые кадры. Она наступает по всему фронту, стремясь уничтожить всякий зародыш массового движения и не встречая, пока, серьезного отпора.

Но и это еще не всё.

12K3.

Жизнь сама по себе — текущая, повседневная жизнь — настолько тяжела, неустойчива, так сильно раздерганы ее ткани, расшатан весь ее механизм, что каждое, малейшее дело требует затраты огромных — и нередко бесплодных — усилий.

К тому же, мы оторваны от родной почвы и вынуждены действовать в обстановке, в которой не можем рассчитывать ни на необходимый круг сотрудников, ни на широкий и живой отклик, ни на организованную массовую поддержку.

Наши силы крайне ограничены.

Задачи же, стоящие перед нами, громадны...

* * *

Если мы всё же не опускаем рук и, вопреки всем трудностям, энергично беремся за дело, то прежде всего потому, что, рядом с темными, имеются в нынешнем положении вещей и свои яркие светлые стороны. Ураган на этот раз не только нагнал тучи и бросил тени: он открыл и широкие просветы.

Прежде всего — массовое движение. Отмеченные выше отрицательные явления в этой области — несомненно, внешни и временны. В основе — дело обстоит иначе. События последних лет дали духовной жизни трудовых масс — их внутренним переживаниям, их настроениям, исканиям, устремлениям и движениям — такой богатый, поучительный материал и такой мощный толчок вперед, что эти массы теперь — не то, чем они были накануне мировой войны. Вся их психология пережила сильнейший сдвиг. Внутренне — они готовы ко многому. И в общем, наше слово может теперь звучать в гораздо более обширном и несравненно сильнее резонирующем пространстве, чем прежде.

Затем — общее положение вещей, в его существе. Тягость и расстроенность жизни — лишь обратная, неизбежная и несущественная, сторона медали. Существенна ее лицевая сторона. В международном масштабе разворачивается разрушительный процесс, который оказывает на массы непрерывное революционизирующее влияние, не дает и не даст им успокоиться, психологически сплачивает и исподволь организует их. Взрывается почва для крупнейших грядущих событий, которые неумолимо надвигаются. Революция — подлинная, социальная революция — вносится в порядок дня. Революция становится — психологически и реально — основным стержнем социальной жизни нашего времени.

В этой обстановке неизбежно будут революционизироваться, будут проникаться более широкими задачами и рабочие организации.

Вот что важно. И вот что зовет нас к делу.

Далее — уроки событий. Бесплодие и ужас партийно-политической («коммунистической») революции в России — лишь неизбежная теневая сторона явлений. Важен свет. Свет же состоит в том, что отныне — не только в недоступной для широких масс теории, но и наглядно, на живом, для всех открытом и отчетливом опыте революции — эти массы могут убедиться в бесплодии и гибельности идей и путей, развиваемых и диктуемых политическими партиями. Все ложные социально-революционные идеи, за исключением идеи подлинной трудовой революции — безвластной и равенственной — терпят явный и окончательный — физический — крах. Массы приближаются, таким образом, к своей революции. Путь к ней очищается от последних заблуждений и препятствий. Этот результат чрезвычайно важен.

Наконец — общее нарастание реакции. В создающейся ныне обстановке оно, в конце концов, положительное явление. Оно понуждает массы к большей сознательности, к большей бдительности, к большей активности и организованности. Борьба становится более определенной и решительной. Интенсивная организация одних сил толкает к интенсивной организации сил противоположных. И если в Италии самоорганизация реакции (фашизм) смогла застичнуть массы врасплох и разбить их, то лишь потому, что это был первый, сравнительно неожиданный и заранее массами хорошо не учтенный, наскок. Он дал массам хороший урок. В других странах организация реакции едва ли приведет к тому же эффекту. Ея нарастание во-время вызовет энергичное противодействие и нарастание сил на противоположном — революционном — фланге, по другую сторону баррикад.

Вот почему, все отмеченные отрицательные явления служат, в наших глазах, только лишним стимулом к тому, чтобы бодро взяться за дело и, преодолевая тени, помочь использовать свет.

* * *

Что касается анархизма, то из пятилетнего революционного опыта он вышел, по существу, гораздо более мощным, чем был когда-либо прежде.

Он является ныне единственной социальной идеей, которая не дискредитирована, которая призвана сплотить и скоро сплотит массы труда в одну подлинно непреодолимую силу, — единственной идеей, которой принадлежит ближайшее будущее.

Отмеченные выше отрицательные явления нашей среды должны быть отнесены, конечно, не на счет самого по себе анархизма, как идеи, а лишь на счет тех или иных слабостей и недостатков его носителей. Эти явления связаны также с некоторыми особенностями анархического движения и свойствами окружающей среды. Эти явления зависят, далее, в значительной степени от того крайне тяжелого, поистине трагического положения, в котором временно оказалось анархическое движение в результате как большевистского искажения русской революции, так и последовавшей всеобщей реакции. Наконец, явления эти — в известной мере, плод недостаточной теоретической разработанности некоторых сторон нашей идеи.

Мы приступаем к делу тем бодрее, тем энергичнее именно потому, что, — в связи с обрисованным положением вещей, — перед нами, перед нашим словом, перед нашим движением вырастают ныне действительно громадные задачи; что эти задачи требуют неотложного освещения и разработки; что они зовут к напряженной, неустанной, самоотверженной работе каждого, кому дороги судьбы грядущей революции.

* * *

Каковы же главные, стоящие перед нами на очереди, задачи?

Во-первых — чисто-теоретические.

1) Дальнейшая теоретическая разработка самых основ нашего учения и мировоззрения.

Нынешний разброд анархической мысли и анархического движения зависит в большой степени от того обстоятельства, что анархизм всё еще не представляется научно обоснованной (не в марксистском, а в истинном смысле слова), строгой и стройной системой. Обще-философские, биологические и со-

циологические основы его остаются разрозненными и смутными. Даны лишь некоторые отдельные руководящие линии, развиты лишь некоторые стороны, обновлены лишь некоторые положения. набросана общая схема. Самое же здание едва начато.

Можно, конечно, поставить вопрос, нужна ли анархизму, вообще, система? Нужно ли здание? И еще — не слишком ли теперь поздно думать о научной системе? Но уже сами по себе эти вопросы заслуживают обсуждения.

Можно, также, считать, что журнал — неподходящее место для такого рода работы, и что научное обоснование анархизма — дело серьезной книги. Но мы полагаем, что, если только удастся поставить журнал на твердый фундамент, — то часть его страниц должна быть предоставлена общей теории анархизма — попыткам целостного построения его системы и новым шагам в деле его обоснования. Необходимо теперь же укрепить — углубить и расширить — теоретический базис анархизма, без чего нельзя серьезно думать об изживании нашего разброда. Между тем, тяжелая книжная литература в наше время — вещь почти недоступная, ни для авторов, ни для читателей. Серьезный журнал представляется, в данном случае, единственной практической возможностью.

2) Независимо от отсутствия научно обоснованной общей системы анархизма, — отчасти же в связи с этим отсутствием, — многие чрезвычайно важные отдельные, живые вопросы анархизма, непосредственно связанные с его практикой, остаются до сего времени неясными. Одни из них целиком заброшены; другие — не доведены до конца; третьи — едва затронуты. (Таковы, например, вопросы: о разрушительном и созидательном элементах в анархизме; о насилии; о взаимоотношении между обще-человеческим, классовым и личным началами в анархизме; о взаимоотношении между личностью и обществом, о принуждении и целый ряд других).

Этот пробел необходимо пополнить, и пополнить возможно скорее.

К сожалению, до сих пор анархическая печать почти не имела возможности отдалиться этой задаче. При ограниченности наших сил, в спехе повседневной работы, в погоне за злобой дня — мы на каждом шагу оставляем без должного внимания серьезные и крупнейшие вопросы нашего мировоззрения и нашего дела, ограничиваясь зачастую в этом отношении пустыми фразами, скользя по поверхности и не заглядывая в существо вопросов. К тому же, наши печатные органы, по большей части, крайне эфемерны и просто не успевают развернуть свою деятельность в необходимом масштабе.

Мы полагаем, что серьезный анархический орган должен уделить достаточно внимания и места основательному анализу ряда важнейших вопросов анархической теории. Ибо только такой анализ может бросить яркий свет и на ряд непосредственных практических вопросов анархизма.

Мы имеем, при этом, особенно в виду необходимость разработки положительных сторон и задач анархической концепции: выяснения созидательных начал, на которые анархизм опирается; выявления творческих задач социально-революционного строительства вообще; намечания и разработки положительных пунктов анархической пропаганды и деятельности до революции и в течение революционного процесса.

3) Сюда же близко подходит задача постоянного учета современного положения, — то-есть, задача принципиального (и практического) рассмотрения ряда острых, боевых вопросов современного анархизма, этим положением выдвигаемых и ставимых. Тщательный анализ самого понятия «социальной революции»; анализ роли масс и «инициативного меньшинства»; роль анархистов в революции; анархизм и синдикализм; понятие «диктатуры»; вопрос о «переходной стадии»; вопрос об организации общественных сил во время революции; вопрос о защите революции; вопрос об экономической стороне революции, о крестьянстве и об отношениях между деревней и городом во время революции и т. д., — таковы некоторые из этих проблем.

Читатель видит, что мы приводим эти вопросы в связь с обще-революционным характером нашей эпохи. Мы считаем, что эта эпоха возлагает на работников анархизма вообще, а в частности на анархическую печать, определенную обязанность отчетливо поставить, основательно проанализировать и попытаться исчерпывающим образом решить все подобные вопросы.

4) Перейдем к главному пункту нашего теоретического замысла.

Анархизм — и в теории, и отсюда на практике — до сих пор страдает отсутствием ясного, определенного и, в то же время, достаточно широкого синтеза, который освободил бы как анархическую мысль, так и анархическую деятельность от целого ряда заблуждений, уклонов и извращений; синтеза, который ликвидировал бы в наших рядах — с одной стороны, обычное узкое сектанство, взаимную, не имеющую под собой серьезных оснований, нетерпимость, с другой — свойственную анархизму расплывчатость, разбросанность мысли и действия.

Анархическая идеология разбивается ныне на три основных ветви: анархо-синдикализм, анархический коммунизм, анархический индивидуализм. Каждую из них мы считаем чрезвычайно ценным, но односторонним анализом одной из составных частей целостного анархизма. Мы полагаем, что анархизм в целом — шире каждой из них в отдельности и может, следовательно, вместить в себя те элементы истины, которые заключаются в каждой из этих идей. Мы думаем, таким образом, что все три элемента могут быть синтетически примирены в анархизме и что, следовательно, нет никакой надобности противопоставлять их друг другу — ни по существу, ни во времени.

С другой стороны — анархизм, всё еще, не установил отчетливой позиции среди элементов: романтического революционизма, трезвого классового духа и — уклона к туманному либерализму. И в этом отношении анархизму необходимо найти и формулировать ясный синтез различных начал — личного, классового и обще-человеческого, — начал, которые по существу естественно, правильно и плодотворно сочетаются в нем.

Мы считаем, что без такого синтеза анархизм не может стать мощным активным фактором социальной жизни, социального развития. Мы полагаем, что единственно такой синтез может привести к ясной концепции революционного анархизма, способного избежать уклонов и играть в процессе социальной революции самостоятельную действенную роль.

Мы считаем, что теперь, когда вопрос о социальной революции становится в порядок дня, попытка найти этот синтез должна быть главной идеологической задачей анар-

хизма и, следовательно, важнейшей задачей серьезного анархического органа. К такому именно синтезу, — думаем мы, — должна стремиться и стягиваться ныне вся теоретическая работа анархизма.

Искание, построение и обоснование такого синтеза мы и считаем центральной теоретической задачей нашего журнала, — задачей, имеющей, притом, не только теоретический, но и живой практический смысл.

Мы отнюдь не хотим, при этом, навязывать товарищам и читателям непременно только наш собственный синтез. Мы хотели бы лишь толкнуть в этом направлении мысль читателя и помочь последнему самостоятельно искать этот синтез.

Поэтому, — наряду, конечно, с постоянным выявлением нашей собственной позиции, нашего собственного отношения к разного рода вопросам, наряду с разработкой и обоснованием нашего синтеза, — мы считаем необходимым предоставить страницы журнала самому свободному обмену мнений, самому широкому изложению, освещению и защите различных точек зрения в анархизме.

Соответственное построение журнала и всестороннее освещение в нем всех насущных вопросов анархизма дали бы возможность читателю — с одной стороны, самостоятельно ознакомиться с различными направлениями в анархизме и уяснить себе действительные разногласия наши, а с другой — постараться найти те точки соприкосновения и сближения, на которых анархисты различных направлений могли бы сойтись.

Мы предоставляем, таким образом, страницы нашего журнала самому широкому сотрудничеству товарищей — без ограничения этого сотрудничества условиями того или иного определенного анархического мировоззрения.

Есть и еще одно соображение, побуждающее нас оказать различным анархическим идеям (за исключением, конечно, анархо-большевистских, место которым — в большевистской прессе) самое широкое гостеприимство на страницах нашего органа.

События последних лет воочию обнаружили и в наших рядах множество недочетов, ошибок, слабых мест и заблуждений. Они дали, в то же время, огромный толчок нашей мысли и освежили ее. Они требуют, поэтому, равно внимательного отношения ко всем искренним выводам из них, — диктуют нам самую широкую и идейную терпимость, самую строгую объективность. Никто из нас более не вправе считать лишь свое «верую» безусловно правильным.

Неужели мы опять, после великой бури последних лет, будем упрямо жевать — каждый — свою жвачку, считая ее единственной истиной и с тупой злобой набрасываясь на всякую иную мысль? Такое отношение к делу мы считаем убийственным. Мы можем спорить, обсуждать, критиковать. Но мы не должны ставить дело на почву узкой, не терпящей возражений, непогрешимости.

Надо широко, вдумчиво искать истину. Надо дать в нашей литературе одинаковое право гражданства всем выводам анархизма из событий последних лет, всем точкам зрения, — так, чтобы, при помощи беспристрастного освещения, обсуждения и сопоставления их, выяснялась эта истина.

* * *

Второй основной задачей нашего журнала является разработка ряда существеннейших для анархического движения вопросов чисто-практического характера.

1) Организационные вопросы: понятие «организации»; организация анархистов; организация движения; организация масс.

2) Ряд тактических вопросов.

3) Центральным вопросом в этом отношении мы считаем вопрос практического (организационного) объединения анархистов. Вопрос этот теснейшим образом связан с задачей теоретического синтеза анархизма. Подобно тому, как в области теоретической мы должны начать подходить к обобщению идей анархизма, к назревшим итогам анархической мысли, так в области практической — соответственной задачей нашей должно быть искание конкретных путей к объединению анархической деятельности, к единству анархического действия.

* * *

Таковы основные задачи нашего журнала.

Отметим, что при их разработке мы будем широко пользоваться великим опытом русской революции.

* * *

Разумеется, сказанным еще далеко не исчерпывается наша программа.

Мы имеем также в виду ряд других задач меньшего значения.

Так, мы не должны упускать из вида задачи широкой пропаганды и популяризации идеи анархизма вообще.

Мы должны, далее, уделить место историческому отделу.

Русская революция, как таковая: материалы по ее истории; всестороннее ее изучение, освещение и учет; разработка вопросов, непосредственно с нею связанных; анализ вопросов всемирной революции в освещении революции русской и т. д., — такова одна из значительных наших задач. В частности, мы должны продолжать освещать в нашем журнале роль и положение анархизма и анархистов в русской революции.

Мы должны, затем, поставить информационный отдел: давать общие обзоры международного положения; осведомлять о ходе революционного, рабочего и анархического движения в разных странах; сообщать непосредственные сведения из России и делать обзоры современной русской действительности.

Мы хотели бы, также, поставить и серьезно развернуть в журнале популярно-научный отдел.

Обзоры текущей анархической литературы и некоторые другие — мелкие — отделы должны тоже быть включены в рамки нашего журнала.

Наконец, мы предполагаем уделять несколько страниц художественной литературе.

* * *

Для того, чтобы журнал отвечал нашему замыслу и своему назначению; для того, чтобы он мог приобрести широкий круг читателей и встретить живой интерес; для того, чтобы он мог надеяться стать, в близком будущем, твердо и прочно на ноги, — он должен быть широким, разносторонним и разнообразным по своему содержанию. Было бы ошибкой заранее ограничивать круг интересующихся им. Он должен отвечать на самые многообразные запросы; должен удовлетворять умственные и духовные пот-

ребности возможно более широкого круга лиц, — притом не только оформленных анархистов, но и смутно симпатизирующих анархизму, или лишь интересующихся последним, или даже — читателей случайных, которым книжка журнала попадет на глаза нечаянно...

Журнал должен иметь в виду как читателя рабочего или крестьянина, так и читателя - интеллигента; как рядового работника анархизма, так и серьезного пропагандиста или теоретика.

* * *

Как видит читатель, мы задаемся весьма обширными задачами.

Но именно и только такой подход к делу оправдывает наше начинание.

Органов анархической печати—немало. Увеличивать, без достаточно веских оснований, их число еще одним, отрывая на него и силы, и средства, было бы непростительно.

Если мы, тем не менее, признали необходимым издание еще одного анархического органа, то лишь потому, что ставим этому органу совершенно особую задачу и надеемся поставить его на более широкий, глубокий и прочный фундамент, чем это обычно бывает.

* * *

Удастся ли нам наш замысел?

Справимся ли мы с поставленными задачами?

Сумеет ли добиться, чтобы наше дело хоть несколько приблизилось к нашей цели?

Разумеется, судьба этого дела зависит, в конечном счете, от целого ряда обстоятельств, многие из которых нельзя даже заранее предвидеть и учесть.

Но прежде всего ясно, что дальнейший рост и успех журнала возможны лишь при широком сочувствии и при энергичном участии многих: при щедром сотрудничестве, при активной поддержке товарищей, читателей, организаций. Успех будет зависеть, главным образом, от того, как встречено будет наше начинание заграничной — и отчасти русской — анархической средой: от того, насколько действительная и серьезная поддержка будет ему оказана.

Мы не приписываем только себе идею такого журнала и не считаем его нашим личным делом. Мы лишь надеемся суметь осуществить давнишнюю мечту анархистов о серьезном анархическом органе и думаем, что каждый анархист должен считать поставленную задачу и своей задачей.

Дело журнала — общее наше дело. Оно касается всех и принадлежит всем.

Мы призываем, поэтому, все братские организации, всех товарищей, всех сочувствующих и интересующихся — оказать нам самую активную поддержку.

Лишь при этом условии мы сумеем, преодолев все трудности, поднять наш журнал на должную высоту и обеспечить ему то значение, которое он может иметь. За нашей же собственной энергией и работой дело не станет.

В той надежде, что товарищи повсеместно и горячо откликнутся на наш призыв и всеми силами поддержат наше начинание, мы шлем всем им наш братский привет.

НА ПЕРЕЛОМЕ

Несомненно, последние годы революционные массы России и заграницы переживают громадный внутренний перелом.

В России сейчас нет той мощной поступи рабочих и крестьян, от которой в 1917 году падали стены капитализма.

Среди рабочих Европы, Америки и прочих стран нет того всеобщего подъема и ликования, которыми они жили в первые дни октябрьского переворота, казавшегося им началом мировой социальной революции.

Стихли как-будто массы.

Но социальная борьба во всех странах продолжается по-прежнему. По-прежнему массы борются со своим врагом. Однако, позиции их уже не те, что были в 1917—18 гг. Активной наступательной силой в этой борьбе являются уже не трудящиеся, а капитал и власть.

Реакция всюду проявляется агрессивно, стремясь взять в свои руки инициативу действия и восстановить покачнувшееся положение мировой капиталистической системы.

Реакция в России, реакция в Италии, реакция в Болгарии, в Австрии, в Венгрии, во Франции, в Германии, в Испании, в Америке и т. д.

Конечно, рабочий класс всех стран, выступая на социальную борьбу, должен был ожидать контр-выступления со стороны своего врага. Мировая социальная революция трудящихся не может пройти, не вызвав сопротивления, а затем наступательного движения капитала. Не раз еще в ходе социальной революции революционные приливы и отливы будут чередоваться между собой. Не раз инициатива борьбы и наступления будет переходить из рук в руки, — от труда к капиталу и обратно. В широкой социальной борьбе это неизбежно и это ни в какой степени не может смущать революционных бойцов революционного труда.

И не этими, вполне обычными и естественными на фронте социальной борьбы, переменами объясняется наблюдающийся перелом в массах и идущая во всех странах реакция.

Среди многих причин имеется одна, главная, проложившая дорогу мировой реакции. Этой причиной является «великий опыт» большевизма, точнее — великий обман его над революционными массами.

Обратимся к истории нашей революции.

Кто наблюдал рабочих и крестьян в величественные до-октябрьские и октябрьские дни, тот видел, что нашу революцию творили широкие массы народа, стремившиеся разрешить в революции вековой спор между «черной» и «белой» костью, между трудом и капиталом.

До декрета какого бы то ни было правительства крестьянство отбирало земли у помещиков и крупных собственников и распределяло их по строго-трудовой норме, предоставляя право бывшим помещикам пользоваться землей на обще-трудовых основаниях. Несогласных изгоняло из своей среды.

Этим крестьянство ясно и точно показывало, как оно решало спор между собой и господским классом. Оно низводило последний на обще-трудовое положение и провозглашало свою полную свободу и независимость.

Рабочий класс в городах делал то же самое по отношению к промышленной и торговой буржуазии, стремясь обобществить всё промышленное хозяйство на началах товарищества и равенства. И если он не проделал это столь решительно и полно, как проделало крестьянство в земельном вопросе, то причиною этому — многочисленные политические партии, оказывавшие на рабочий класс больше задерживающего влияния, чем на крестьянство. Но в общем революционное творчество рабочего класса устремлялось к тому же, к чему устремлялось революционное творчество крестьянства: к низведению господствующего класса на обще-трудовое положение и к установлению полной свободы и социальной независимости трудящихся города.

По своему замыслу, по своим начинаниям русская революция являлась в глубоком смысле социальной революцией, осуществляющей вековые надежды поработанного труда — социальное равенство и социальную независимость.

Вот почему русские рабочие и крестьяне беззаветно служили ей. И вот почему трудящиеся всего мира слали ей свои симпатии и свое доверие, считая ее началом мировой социальной революции.

Всё то время, когда революция развивалась свободно, не имея над собой властной руки политической группы, она ширилась и крепла, подходя вплотную к разрешению основного спора между трудом и капиталом.

Лишь с воцарением в русской революции большевизма, после его продолжительного «социального опыта», революция остановилась и стала свёртываться, и в рабочих массах России, а затем и за границы, начал намечаться тяжелый внутренний перелом.

Начав на словах с светлого царства свободы и равенства, большевизм постепенно, насилием и обманом, подменил это царство своей единодержавной властью и под-конеч прибрал всю русскую революцию к своим рукам.

В течение пяти лет, путем террора, путем беспощадного подавления революционных начинаний трудящихся, под обманым лозунгом «диктатуры пролетариата» проделывалась в России чудовищная операция государственного коммунизма, в результате которой трудящиеся оказались в безысходном рабстве.

Этот факт огромной тяжестью лег на сознание трудящихся России и за границы и снизил в них первую революционную волну.

Мировой капитал, пришедший, было, в смятение от первых ударов революции, быстро оправился, как только заметил снижение революционной волны, и перешел в общее наступление. С этого началась мировая реакция.

Что бы ни говорили коммунисты-большевики, как бы ни ругали они буржуазию, а факта опровергнуть они не смогут — мировая реакция началась с них.

В годы начавшейся социальной революции они первые приступили к решительному и беспощадному подавлению революционных движений масс. Их кровавая борьба с революционными повстанциями рабочих и крестьян, разгром Кронштадта, вся их диктаторская деятельность в революционной стране несомненно вдохновили буржуазию на общее наступление на труд.

Правда, свою борьбу в России коммунисты-большевики стараются выставить, как борьбу за упрочение советского строя и революции, но лишь безнадежно слепым не ясно, что это — обманная политическая фраза, под прикрытием которой коммунистическая власть ведет настоящую классовую войну с революционными массами.

Буржуазия всех стран прекрасно это сознает. Поэтому-то она так уверенно начинает переходить к общему наступлению. В самом сердце русской революции, приводившей первое время в смертельный страх мировой капитализм, она нашла себе союзника.

Несмотря на некоторые чисто формальные расхождения с большевизмом, буржуазия в самом главном, — в эксплуатации и государственном порабощении трудящихся, в подавлении их революционных движений, — считает большевизм своим несомненным союзником. Она не только уверена в том, что в недалеком будущем вступит в формальный союз с ним, но сознает, что уже теперь идет рука об руку с ним в наступление на социальную революцию.

Это отчасти чувствуют и сознают революционные массы разных стран. Вот почему в их рядах нет сейчас того цельного революционного подъема, который наблюдался в первые дни их революционного сдвига. Враг обнаруживается в своих рядах. И это невольно вносит некоторое смятение в психику борющегося труда и в его революционные ряды.

Вот где начало внутреннего перелома, происходящее сейчас в мире трудящихся.

К чему приведет этот перелом? К революции или к замиранию революционных верований и устремлений масс?

Несомненно, к революции.

Революция в России и во всем мире началась не в силу деятельности партийных организаций, а самостоятельно, движимая внутренними революционными силами масс. Источник ее обширен и глубок и не может быть до дна загрязнен наносной деятельностью той или иной политической партии.

Больше того, — самый «опыт» большевизма в России, сдавивший в настоящее время революцию, возможен был лишь благодаря могучему революционному подъему и революционному сдвигу масс: по этому сдвигу равнялся большевизм, стараясь представить свой опыт государственного коммунизма в ореоле революционных требований и лозунгов трудящихся, что и дало ему возможность, заручившись некоторым доверием масс, пробраться к власти и закрепиться потом над этими массами.

И если последнее время место революционных сдвигов трудящихся заняло сомнение их, то сомнение это — оздоравливающее. Оно направлено против «вождей» революции, против политики государственного социализма, который всё яснее и яснее вырисовывается перед трудящимися, как новое грядущее на них рабство.

Большевистская революция в мировом масштабе не удастся потому же, почему не удалась политическая революция в России в 1905—6 г.г. Последняя, ввиду чисто политических лозунгов, навязанных ей демократией, не смогла поднять на борьбу достаточно широкие массы крестьян и рабочих. Во второй фазе своего развития она обнаружила в себе классовые противоречия — несовместимость интересов труда с интересами капитала — и, бессильная вдохновить широкие массы, остановилась, благодаря чему царизм легко раздавил ее.

Большевистская революция испытывает точно такой же крах, но не в узком национальном масштабе, а в мировом. Захватив во время октябрьского движения трудящихся власть, большевизм обратил затем все силы революции на построение новой государственности и этим вскрыл глубокие классовые противоречия в своей революции — несовместимость интересов труда с интересами той властической эксплуататорской касты, которая, укрепившись в революционной стране, воздвигла новую систему экономического и социального рабства.

Былого подъема масс, которого большевики добиваются (не в России, конечно, а лишь там, где они стремятся захватить власть) им не видать. Они могут производить партийные «путчи», но не великие сдвиги в массах. К последним им пути заказаны.

Первая фаза социальной революции, — со всеми ее ошибками, недочётами, организованными заговорами на трудящихся со стороны многочисленных властвующих каст, — изживается, остается позади.

Перед миром труда открывается следующий этап социальной революции.

Богатый поучительный опыт последних лет повелительно подсказывает трудящимся их дальнейший путь в этой революции, — путь самоорганизации, революционной самостоятельности и революционного самотворчества.

Из недр своей трудовой среды масса должна выдвинуть и укрепить свой разум, свою волю, свой план строительства свободной жизни.

Решительно и беспощадно она должна отсечь от себя всякие попытки многочисленных политических групп, стремящихся руководить ею. Дело своего социального освобождения она должна взять в свои руки.

Первым актом самоосвобождения и революционного творчества трудящихся должно быть немедленное разрушение государственной системы и организация трудового самоуправления в области производства, распределения и общественности. В этом — задача дня начинающейся теперь второй фазы социальной революции.

Роль анархистов при этом ясна и отчетлива. В настоящий тягчайший момент, когда массы со всех сторон окружены обманом, заговорами и предательством, анархисты должны находиться среди них, словом и делом помогая им встать на путь подлинной самостоятельности и подлинного самоосвобождения.

Следует признать, что в первый период социальной революции анархисты России и других стран оказались крайне пассивны и малодетельны. В этом — огромное упущение анархистов, благодаря которому политические партии смогли почти беспрепятственно разлагать революционное движение масс, подчинять его своим программам.

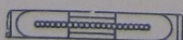
Анархисты должны обрести в себе необходимую организованную активность и наверстать упущенное. Ни один идеал, как бы ни был он положителен и высок, не может укрепиться в жизни иначе, как активнейшей деятельностью, активнейшим служением ему.

Историческая миссия, падающая сейчас на анархизм, — велика. Он должен помочь массам выявить и осветить программу сегодняшнего дня социальной революции; должен разоблачить все многочисленные махинации в революции политических партий, парировать всю их огромную и настойчивую деятельность, направленную на овладение революционным движением масс. Между тем, при той неорганизованности, какая была до сих пор в анархических рядах, анархизм несомненно не сможет проявить в должной мере требуемой активности.

Ближайшей боевой задачей дня анархистов является задача организации ими своих сил. Лишь войдя организованной силой в революционную массу, мы сможем проявить максимум активности и пафос действия.

И тогда, в ходе борьбы рабочего класса и в социальной революции, мы займём свое место, сможем все свои силы отдать на служение своему идеалу и будем видеть, как этот идеал — свободное, равное общество трудящихся — начнет претворяться в жизнь.

П. Аршинов.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ АНАРХИЗМА

Вопрос о положительной программе — или, по меньшей мере, о положительных задачах — анархизма является, несомненно, одним из существеннейших и острейших наших вопросов. Роль разрушения и созидания, место того и другого в социальном процессе, взаимоотношения между обоими этими факторами, отношение к ним анархизма — все эти вопросы имеют немалое значение для определения нашей подлинной роли в грядущей социальной революции.

Должны ли мы ограничиваться одной разрушительной критикой и деятельностью, или же должны намечать в социальной революции также и те или иные положительные вехи? И если намечать вехи, то какие именно?

Таков вопрос. Он связан также, до известной степени, с вопросом об отношении анархизма к синдикализму.

Мы будем, на страницах нашего журнала, не раз возвращаться к этой теме, стремясь осветить ее со всех сторон. В то же время, мы выявим и нашу собственную точку зрения.

Открывая этот отдел, мы даем место статье товарища, полагающего единственной задачей анархической деятельности — разрушение и совершенно отбрасывающего для анархизма всякую самостоятельную положительную платформу.

Мы приглашаем товарищей высказываться по этому вопросу в дальнейших номерах журнала.

ПРОГРАММЫ СОЗИДАТЕЛЬНЫЕ И ПРОГРАММЫ РАЗРУШИТЕЛЬНЫЕ

Тот, кто не знает, к какому пункту плыть, не знает также, какой ветер ему попутен, какой нет.

Ананда Кумарасвами.

Около 1842 г. Бакунин написал знаменитую статью, кончавшуюся смелым утверждением: дух разрушающий есть в то же время созидующий дух. Мы думаем, что в этой фразе заключается вся бакунинская идея — идея положительной и революционной ценности анархизма.

Когда нас спрашивают относительно нашей программы, то, — в противоположность революционным синдикалистам и даже многим анархистам, пытающимся строить нечто прочное, так-как-де до сих пор мы занимались только неудачными и бесполезными утопиями, — мы отвечаем, что не строим программ, тем более программ созидательных. Мы говорим, что строить ныне будущее в положительном смысле — значит заранее создавать законы относительно неизвестных нам реальных яв-

лений и подгонять ход общественного развития под предвзятые шаблоны с более или менее анархической видимостью. Мы не претендуем на компетентность политических партий, которые предполагают в правителе и в законодателе свойство и способность создавать человеческое счастье. Как бы совершенны ни были наши построения предполагаемого будущего общества, наши романы о грядущем рае, — не подлежат никакому сомнению невозможность учесть все коллективные интересы и устремления: нет такого человеческого воображения, которое способно было бы предусмотреть и предвосхитить всё бесконечное разнообразие самой жизни, все общественные возможности в эпохи творчества, какими являются революционные и разрушительные периоды.

Посмотрим, кто из нас — мечтатели, и кто — реалисты, т. е. люди, идущие об-руку с действительностью.

Мы не имеем созидательной программы

для будущего и не стремимся ее иметь; но мы имеем то, что мы могли бы назвать программой разрушения. Сознание современного зла и несовершенства доступно для каждого, может быть приобретено всяким, чей ум не совсем закрыт пониманию и рассуждению. Разрушить зло и несовершенство, которые мы осязаем, — вот наша программа, программа разрушения. Где здесь утопизм? Оставаясь верными разрушительной задаче, мы останемся верными и анархизму; и окажемся лучшими подстрекателями к созидательной работе. Программа социального строительства есть всегда след государственной теологии, остаток недоверия к человеку, признак боязни свободы. Строительная программа, подобная той, какой желают многие товарищи, чтобы очистить нас от греха идеализма и поставить на путь практического дела, есть ничто иное, как политическая платформа, пытающаяся заключить жизнь будущего в определенные рамки, которые лишают эту жизнь свободного творческого разбега, полного всяких возможностей, богатого оттенками и формами взаимоотношений и комбинаций. Строительная программа — всегда гипотеза, стремящаяся возвести здание будущего общества, притом гипотеза произвольная, ибо ничто не дает нам права предполагать, что то, что нам рисуется прекрасным и справедливым, будет прекрасным и справедливым вообще.

Утопизм — в программах созидательных, но не в разрушительных. Ибо первые базируются на предположении, а вторые исходят из осязаемой действительности. Мы, анархисты, не должны ни на одну минуту забывать, что революция, что социальное преобразование будет делом широких масс. У революционного меньшинства имеется своя роль — роль инициаторов и возбудителей чувств и действий, но отнюдь не роль управителей. Если бы анархисты захотели руководить строительством будущего общества, — это общество, несомненно, страдало бы теми же недостатками, что и общество, построенное по директивам членов политической партии. Широкие массы, побуждаемые и поощряемые нами, ведущими свою проповедь примером и убеждением, должны быть единственными действующими лицами и каменщиками революционного строительства будущего. Но в эпохи социальных потрясений широкие массы действуют не по указаниям предвзято-

го плана, а в соответствии с уровнем их развития, с их потребностями и с обстоятельствами. Поэтому, наша программа в отношении эксплуатируемых и поработенных должна быть только разрушительной. Существующее зло доступно пониманию каждого и может быть разбито дружными усилиями всех тех, кто испытывают его последствия на самих себе или сочувствуют страданиям других. Разрушение зла есть уже творческий процесс. Широкие массы могут созидать существующие зло и несовершенство, и могут поступать соответственным образом. Но они никогда не будут действовать по указаниям «Республики» Платона, «Утопии» В. Морриса или «Мой Коммунизм» С. Фора.

Мы, анархисты, можем желать организоваться после революции тем или иным образом: в синдикаты или в свободные Коммуны, в группы по склонности или же в одиночку. Но эти устремления имеют ценность только для нас самих. Для масс — имеют значение лишь свободная инициатива и непосредственное действие.

Если мы хотим в революции повести массы по нашей программе, то мы должны будем установить правящие учреждения — либо на манер большевистских, либо полу-скрытые в синдикальных организациях, регулирующих производство, распределение, — словом, всю экономическую деятельность. Но если наша программа ограничивается разрушением зла, — всего несовершенного и вредного, — и распространением идеи этого разрушения, то нас легко поймут, и мы, таким образом, бросим в сознание масс семя глубокого самовозрождения.

Борясь против государства и разоблачая его постоянную несправедливость, мы невольно возбуждаем желание иной формы социальной жизни — без государства и без власти.

Мы ни в коем случае не имеем права не доверять творческой силе революционного народа и навязывать себя в правители, боясь, что трудовые массы не построят для самих себя основ своей собственной жизни. Впервые в истории, анархизм призван распространять и отстаивать ту идею, что массы должны иметь возможность взять на самих себя риск свободы. Но где же она — эта свобода вольного и непосредственного организационного творчества, если анархизм оставит в неприкосновенности или же устано-

внутренний, внутри капиталистического и властного общества, программы, которым надо будет завтра подчиняться? Мы выходим из тисков строя, которому массы пассивно подчинялись, и мы хотим, во имя анархизма, чтобы общественные силы будущего тоже пассивно осуществляли наши великодушные мечты?! Нет, мы должны давать различным созидательным программам ту или иную оценку, но придавать больше значения разрушению. Разрушение существующих ныне зла, несправедливости, несовершенства, — вот наша роль.

Вы хотите иметь программу более положительную, более практическую, более анархическую, более соответствующую интересам организационной свободы в будущем?

Все анархисты сходятся в признании задачи разрушения капитализма и государства; в том, что необходимо бороться со злом властной психологии и традиции. Но их единство разбивается, как только они начинают претендовать на задачу строительства будущего здания. Каждая группа, чтобы не сказать — каждая личность, обладает своим собственным пониманием мира, своей собственной идеей справедливости, красоты и т. д. Каждая хотела бы ввести будущее общество в рамки своих устремлений и построений. И каждая имеет полное право на это личное понимание, но — не должна забывать того, что революционное строительство свободного общества будет результатом действия, мысли, потребностей и степени развития широких масс. Об'единим же анархизм, не медля, на том пункте, на котором мы все сходимся, — на разрушении, и предоставим творческой силе масс практическую выработку программ строительства; или, — говоря словами Бакунина, — «доверимся вечному духу, который разрушает и уничтожает лишь потому, что он — неисчерпаемый и вечно творящий источник всякой жизни» (цит. по франц. тексту).

Разрушение включает в себе все идейные и практические проблемы, которые ставит и развивает анархизм. Бороться с государством, это — больше, нежели вести борьбу только против института организованного и легализованного насилия: это означает, в то же время, вырабатывать в людях анархический строй

мышления, predisposing их к пониманию и приятию системы социальной жизни без угнетателей и эксплуататоров. Мы можем, таким образом, сказать, что нет более положительной революционной задачи, чем задача разрушения. Эта мысль ясна сама собой, если вдуматься в сущность разрушительной работы.

Вдумываясь в положительные элементы разрушения, мы целиком присоединяемся к словам индусской писательницы Ананда Кумарасвами: тот, кто не знает, к какому пункту плыть, не знает и того, какой ветер ему попутен, какой нет. В самом деле, надо знать, чего мы хотим, к чему мы стремимся, и тогда мы будем в состоянии судить — как о силах и факторах, которые благоприятствуют нам, так и об элементах, которые вредят нам в наших построениях. Но именно те, кто стремятся к разрушению, отлично знают направление своих шагов и могут установить отчетливую разрушительную программу, которой предстоит стать шире и точнее при соприкосновении с действительностью. Эту программу нельзя назвать утопической: она вверяет будущее самим массам и обстоятельствам, которые и определяют его.

Политические партии скрывают будущее предвзятыми концепциями и стремятся подчинить его игре воображения своих вождей. Мы не хотим скрывать и подчинять будущее; и, в то же время, — повидимому, с той именно целью, чтобы не стеснить его! — нет-нет да и поговариваем о том, чтобы наметить в известной программе законы и пути его развития... Нет большего противоречия, чем данное.

Современный человек, — так же, как человек прошлого и человек будущего, — не в состоянии установить вперед формы справедливости, свободы, истины, совершенства, красоты. Пусть революционные массы сами выковылаивают эти формы. Анархисты же — эти вечно недовольные дня вчерашнего, дня нынешнего и дня завтрашнего — пусть неустанно и безостановочно развивают все эти относительные понятия — всё дальше и дальше, в прогрессивном направлении, то-есть в направлении наибольшего счастья и наибольшей свободы человеческого рода.

Д. Сантильян.

ОБ ИНДИВИДУАЛИЗМЕ

(Очерк 1).

Из всех «проклятых вопросов», которые во все времена и эпохи волновали умы реформаторов, новаторов, социологов и философов разных течений и направлений, одним из кардинальных является, вне всякого сомнения, вопрос о взаимоотношении между личностью и обществом. Уже сам факт параллелизма этих понятий на протяжении чуть ли не всей истории человечества, от зары ея вплоть до наших дней, а также постоянный, почти не угасающий антагонизм между ними и взаимное игнорирование являются достаточными доказательствами всей необъятной важности этой проблемы. Между тем, сама природа выпела в этот вопрос какое-то фатальное недоразумение, столь роковое для судеб человечества. И подлинно! С одной стороны, логика жизни, трезвый разум и вытекающие отсюда законы

доказывают необходимость координирования, гармонии, симметрии, хоровой согласованности личностей для более продуктивной, рациональной и успешной борьбы за те или иные условия существования. Но, с другой стороны, в природе человека таится очень много необъяснимого, непонятного, непостижимого (хотя бы в области психики), что делает его, против его воли, без его ведома и согласия, порою даже во вред ему, — антиподом общества, диссонансом в последнем, бунтарем. С одной стороны, законы, являющиеся плодом интеллекта и стремящиеся обнять возможно большее количество индивидуумов, не считаясь с их психологическими и физиологическими особенностями и наклонностями, требуют естественно пассивности, консерватизма, а с другой — мощно проявляет себя закон гравитации.

ЗАПИСКИ НЕСТОРА МАХНО

ОТ РЕДАКЦИИ. — Печатаемые нами записки т. Нестора Махно написаны им уже после того, как он покинул пределы России. Они не охватывают махновского движения во всей его широте и разнообразии, а являются, главным образом, повествованием автора частью о себе, частью о некоторых проявлениях революционного повстанчества в русской революции. Но повествование это построено на историческом материале и представляет огромную ценность для всякого интересующегося личностью Махно и явлением махновщины в русской революции.

О махновском движении в заграничной прессе уже печатался ряд документов точного исторического смысла. Укажем на статьи П. Аршинова на разных языках — в европейских и американских газетах: «Махновщина и антисемитизм», «Нестор Махно», и «Махновщина» (концентрированный очерк махновского движения).

В самое последнее время из печати вышла «История махновского движения» того же автора (см. о ней рецензию в настоящем №-ре «Ан. Вестн.») — книга в 258 страниц, где явление махновщины изображается с исчерпывающей широтой и глубиной.

Записки Нестора Махно, как одного из непосредственных и активнейших участников движения, пополняют собранный материал о махновщине, проливают на него дополнительный свет и представляют собою документ большой исторической ценности.

Глава первая.

КРАТКИЕ ДАННЫЕ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ ДО РЕВ. 1917 г.

1.

Отец мой — бывший крепостной помещика Шабельского, жившего в одном из своих имений, в деревне Шагаровой, что в семи вер-

стах от села Гуляй-Поля, Александровского уезда, Екатеринославской губернии.

Большую часть своей жизни он прослужил у того же помещика, то конюхом, то воловником.

Ко времени моего рождения (27 октября 1889 года), он оставил уже службу у помещика

тации, движения, метаморфоз, — и не только в «идеалистическом» смысле (жизнь есть движение), но и в «физиологическом» (атомизм).

Красной нитью проходит вопрос этот через все до-христианские этические учения, через само христианство с его центральной заповедью любви к ближнему, как и через всю современную философию вообще и социологию в частности. И по прошествии многих веков, несмотря на все интеллектуальные и физические усилия, которые были направлены на разрешение этой антиномии, мы, не боясь преувеличения, можем заявить устами Фауста: «Wir sind so klug wie zuvor» («Мы не умней, чем были раньше»). Эта важная, но столь же сложная проблема не только имеет своих репрезентантов в лице передовых и выдающихся людей всех эпох и народов: она проходит через всю литературу и живет, — быть-может еще эмбрионально, — в самих народных массах.

С одной стороны, личность рассматривается только, как атом всего организма, только как член целого, — член, без коего существование этого целого немислимо, но задача которого только к тому и сводится, чтобы исполнять свои партикулярные функции, крупицу в с е й деятельности, выпадающей на до-

лю всего целого, — подобно рабочим в современной индустрии, которые всю свою жизнь употребляют на выделку кружечка от часов или игольной головки. Человек причисляется к разряду социальных животных — муравьев, пчел, бобров ес. — и все необятные достижения в области наук и искусств (которые, кстати, ни на йоту не сделали его довольней, благородней и счастливей, что может быть доказано сравнением с «нецивилизованными» народами востока), всё триумфальное шествие его от каменных топоров, деревянных ножей, кремней, пещер, звериных шкур до более усовершенствованных предметов домашнего обихода, до парня, электричества и небоскребов включительно, приписывается благотворной деятельности общества, которое, таким образом, является единственным носителем прогресса и цивилизации. Общество поглощает личность и первопричину всех бед и зол видит только в недобросовестном исполнении этой личностью своих обязанностей по службе обществу; в этом случае, общество рассматривает личность, как больной член, влияющий естественно на состояние всего организма, — член, который поэтому, не взвизывая ни на какие чувства гуманности, морали и сострадания,

и поступил кучером к гуляйпольскому заводчику, богатому еврею Кернеру.

Отца своего я не помню, так-как он умер, когда мне было только одиннадцать месяцев. Пятеро нас, братьев-сирот, мал мала меньше, остались на руках несчастной матери, не имевшей ни кола ни двора.

Смутно припоминаю свое раннее детство, лишенное обычных для ребенка игр и веселья, омраченное сильной нуждой и лишениями, в каких пребывала наша семья, пока не поднялись на ноги мальчуганы и не стали сами на себя зарабатывать.

На восьмом году мать отдала меня во 2-ую гуляйпольскую начальную школу.

Школьные премудрости давались мне легко. Учился я хорошо. Учитель меня хвалил, а мать была довольна моими успехами. Так было в начале учебного года. Когда же настала зима, и река замерзла, я по приглашению своих товарищей стал часто, вместо класса, попадать на реку, — на лед. Катанье на коньках с сотней таких же шалунов, как и я, меня так увлекло, что я по целым неделям не появлялся в школе. Мать была уверена, что я по утрам с книгами отправляюсь в школу и не по-

ром возвращаюсь оттуда же. В действительности же я каждый день уходил только на речку и, набегавшись, накатавшись там вдоволь с товарищами, проголодавшись — возвращался домой.

Такое прилежное мое речное занятие продолжалось до самой масленицы. А в эту неделю, в один памятный для меня день, бегая по речке с одним из своих друзей, я провалился на лед, весь измок и чуть было не утонул. Помню, когда сбежались люди и вытащили нас обоих, я, боясь идти домой, побежал к своему родному дяде. По дороге я весь обмерз. Это веселило дяде боязнь за мое здоровье, и он сейчас же разыскал и сообщил обо всем случившемся моей матери.

Когда явился встревоженный мать, я, растертый спиртом, сидел уже на печке.

Узнав, в чем дело, она разложила меня через скамью и стала лечить куском толстой скрученной веревки. Помню, долго после этого я не мог сидеть, как следует, на парту, но помню также, что с этих пор я стал прилежным учеником.

Итак, зимою я учился, а летом занимался хуторянам пасти овец или телят.

должен быть исцелен или удален, будь то петлей, тюрьмой или смиренной рубахой. Личность приносится на заклание обществу, и единственным оправданием этого акта служит только арифметическое, пропорциональное противопоставление их, т.е. то обстоятельство, что общество и его законы руководствуются интересами большинства.

Социализм подкрепил это положение указанием на то, что большинством являются угнетенные массы. Таким образом, получается в своем роде этическое оправдание общественного насилия над личностью. Это насилие, по мнению социалистов, должно вполне естественно прекратиться, как только общество будет основано на здоровых началах справедливости. В чем же эта справедливость найдет свое выражение? Опять-таки, в свободе и равенстве тех же индивидуумов. Так-то получается какой-то *circulus viciosus* (закладываемый круг). И мы знаем, с каким ожесточением набросился на это заключение Ницше, увидевший здесь не прогресс, а декаденство, намекающее конечную цель стремлений человечества в «низменности» (*Niederung*) большинства. Как антитезу, Ницше создал свое учение об олигархии сверх-человека. («Das Ziel

der Menschheit liegt in seinen höchsten Exemplaren» — «Цель человечества — в его высших экземплярах»).

Если Ницше с таким ожесточением ополчился на проповедников этого учения, усматривая в этом последнем только опасные зародыши дегенерации и в перспективе — регресс и закат, но всё же, подобно социалистам, беря исходным пунктом имморализм и релятивизм (относительность) всех понятий морали, то иной, не менее могущественный, гений этого столетия — Ибсен задался уже целью анализировать этот релятивизм между большинством (*compakte Majorität*) и меньшинством. Уже с самого начала своего творчества скептически относясь к сложившемуся предрасудку об абсолютной справедливости притязаний большинства, заявляя энергично устами Норы: «Сперва я должна установить, кто прав — я или общество?» — он, став на этот путь, вполне konsekвентно дошел до того, что совершенно отрицает за большинством его будто-бы законные привилегии, мощно заявляя устами Д-ра Стокмана, что «за большинством сила, но не право», что «большинство является только врагом свободы», etc., etc. А если за большинством только сила, а сила пра-

Во время молотбы, гонял у помещиков в арбах волов, получая по 25 коп. в день.

По окончании начальной школы, я то служил у помещиков, то учился и работал в красильной мастерской; и поднявшись немного и окрепнув — поступил в гуляйпольский чугуно-литейный завод, в литейный цех.

В 1906 году, когда революция была уже подавлена, я вступил в кружок молодежи украинской группы хлеборобов анархистов-коммунистов.

В конце 1906 года я был заподозрен в убийстве стражников, схвачен и предан военнополовому суду. Вскоре меня оправдали и освободили. По освобождении я продолжал свою работу в группе, которая то жила открыто, то временами надолго уходила в подполье.

В конце 1907 года я был вторично арестован. Меня обвиняли в целом ряде политических убийств и экспроприаций. Однако, следствием это не было доказано и, спустя несколько месяцев, меня под залог имущества одного заводчика выпустили из тюрьмы. В это время группа сильно преследовалась со стороны полиции. Полицейские агенты и стражники так и рыскали по району и выхватывали отдель-

ных товарищей. В августе 1908 г., по показанию члена нашей группы Альтгаузена, оказавшегося, как мы потом узнали, провокатором, я был опять схвачен и посажен в тюрьму.

В марте 1910 года я, во главе шестнадцати обвиняемых, был осужден одесским военным окружным судом в г. Екатеринославе и приговорен к смертной казни через повешение. 52 дня сидел я под смертным приговором, после чего, благодаря несовершеннолетию в момент преступления, а отчасти благодаря хлопотам матери, смертная казнь была заменена мне бессрочной каторгой.

Каторгу я отбывал в московской центральной тюрьме. Сидя в тюрьме и до суда, и после, и даже в московской каторге я делал попытки к бегству, но все эти попытки оканчивались неудачей.

В течение всех семи лет сиденья в московской тюрьме, я не покидал заниматься самообразованием, пользуясь богатой библиотекой, находившейся при тюрьме, и услугами более образованных товарищей политических — учителей и студентов. С особенным усердием изучал три любимейших отрасли знания — историю, географию и математику.

ва не дает, то — следовательно — незаконно и произвольно и то право, которое общество присвоило себе по отношению к личности. И не удивительно, поэтому, что Плеханов в своей книге об Ибсене всё острее своей критики направи́л, главным образом, на этот пункт.

Итак, с другой стороны — личность рассматривается как нечто самодовлеющее, центральное, как космос, как мир «an sich», вокруг которого вертится вся жизнь, подобно земле вокруг своей оси, как микрокосм, как нечто абсолютно автономное и независимое. Личность, это — все, а общество — фикция, абстракция, понятие в высшей степени релятивное. Приверженцы этого взгляда находят корень зла в абсурдных и произвольных гегемонических притязаниях этого общества, узурпировавшего личность, посягнув на её абсолютную свободу и независимость. Личность является творцом истории и носительницей прогресса в его широчайшем понимании, доказательством чего обыкновенно служит та огромная роль, которую играли в поступательном движении человечества Цезари, Боржи, Наполеоны с одной стороны, Ньютоны, Коперники, Дарвины etc. с другой. И само слово прогресс (в его всеобщем освещении) имеет, по мнению одного

из самых последовательных сторонников социологического субъективизма — Михайловского, смысл только по отношению к человеку, «на интересах которого и должно быть построено всё здание правды».

Но, тогда как апостол аристократизма духа — Ницше, нещадно разя и разбивая все теологические и философские традиции, создает свою пирамиду ранговых распределений, основой которой являются массы, а вершиной — сверх-человек; тогда как Ницше синтез всего человеческого и цель существования этой массы, составленной из тех же индивидуумов, видит только в содействии и сотрудничестве по созданию тех культурных условий бытия, которые сделали бы возможным появление этого грядущего сверх-человека, осуждая ее, таким образом, на роль костра, из которого должен появиться феникс, — Михайловский, беря исходным пунктом ту же индивидуальность, но как-бы предвидя появление Заратустры, заявляет: «Теория борьбы за индивидуальность истинна; но именно стоя на точке зрения этой борьбы, я и объявляю, что буду бороться с грозящей поглотить меня высшею индивидуальностью. Мне дела нет до её совершенства. Я сам хочу совершенствоваться.

Наступил 1917 год.

Грянул гром, вспыхнула революция, и тюремные двери раскрылись.

II.

Помню 1 марта, часов в 8—9 вечера нас начали освобождать. Об этом освобождении никто из заключенных ничего не знал. Все знали и видели, что по одному по два человека из отдельных камер куда-то зачем-то вызывают, а обратно не приводят. Нам не говорили, куда и зачем уведили этих людей, и это для нас было загадкой. Загадка эта нас всех мучила и беспокоила. Мы терялись в догадках и начинали нервничать.

Помню, было около часу ночи. Из 25 человек в камере осталось только 12; остальные были куда-то уведены. Несмотря на столь поздний для тюрьмы час, мы, оставшиеся еще в камере, нервничая, мучаясь неизвестностью, спать и не собирались ложиться. Наконец — свисток. Проверка. К нам в камеру заходит дежурный помощник начальника тюрьмы и с ним какой-то неизвестный нам военный. Дрожащим от волнения голосом спрашиваю: «Го-

сподин помощник, будьте добры, объясните нам, куда и зачем увели наших товарищей?»

Услышав мой вопрос, помощник быстро произнес: — «Успокойтесь и не волнуйтесь. Нашей стране дал Бог переворот, объявлена свобода, к которой примкнул и я. Кто имеет 102 статью (статья о принадлежности к политическим партиям), тот завтра обязательно будет освобожден. Сейчас комиссия по освобождению устала и поехала отдохнуть».

Сказав это, он вежливо раскланялся с нами, чего раньше никогда не делал, и вышел из камеры. Многие из нас от радости подпрыгнули чуть ли не до самого потолка. Другие, со злобой, посылая проклятия по адресу комиссии по освобождению политических, заплакали.

Когда я спросил их: «О чем вы плачете», то мне ответили: «Мы десятки лет томимся по застенкам тюрем и не устали, а они (комиссия) там на воле поработали всего только несколько часов и уже устали. А вдруг восторжествоует снова контр-революция, и мы останемся опять на долгие годы в этих гнусных застенках»...

Эти слова многих из нас натолкнули на разные мысли и на час-другой каждый из нас

Пусть она стремится побороть меня, — я буду стремиться побороть ее. Чья возьмет — увидим». Таким образом, в то время, как Ницше очень мало важности уделяет роли личностей вообще в истории и цель человечества видит только в его высших экземплярах, Михайловский совершенно уничтожает антитезу между высшей и низшей индивидуальностью в том смысле, что видит в каждой индивидуальности возможность совершенства, обусловленную, конечно, степенью воли, и совершенно оспаривает гегемонию высшей индивидуальности, считая ее столь же незаконной и произвольной, как индивидуалисты вообще — гегемонию общества. Нет, таким образом, места старому предрассудку, что с самого рождения некоторые предназначены быть рабами, а другие — господами (на основании чего Ницше и построил свою *Herren- und Herdenmoral*), предрассудку, как известно, высказанному еще Аристотелем и нашедшему затем очень много приверженцев, не только в высших господствующих сферах общества, что вполне естественно, но и в порабощенных и угнетенных массах, благодаря лживым проповедям церковников всех оттенков и направлений, как и лживой многовековой общественной морали.

погрузился в уныние... Сколько тревог, надежд и волнений уместилось в наших душах...

III.

Рассвет... Спать в эту ночь никто из нас не ложился. Каждый погрузился в самого себя и с нетерпением ожидал утра, а с ним и обещанного освобождения. Какой бесконечно желанной, прекрасной и дорогой нам, бессрочникам, казалась в эти минуты свобода. И не получив еще ее, как мы волновались, как трепетали наши сердца в тревоге, в страхе, что у нас ее, свободу, или вернее — мечту о ней, отымут.

Мы настолько изнервничались за эти несколько часов, настолько каждый из нас вошел в себя, что мы возненавидели друг друга...

Время шло страшно медленно и часы казались вечностью.

Наконец-то среди мертвой тишины камеры послышался шум говора со двора и раздался выстрел. Окно нашей камеры выходило на широкий двор тюрьмы с церковью и с большой площадью впереди нея. Услышав шум и вы-

Таким же решительным сторонником социологического субъективизма является Лавров, центром мировоззрения которого служит та же критически мыслящая личность, и который установил историческую, этическую и философскую роль этой последней в развитии человечества, видя ее основную черту, ее высшее достоинство и верховное значение не столько в физических или интеллектуальных качествах, сколько в ее воле, развившейся в характер. И для него, подобно Протагору, которого Лавров считал своим предшественником, «человек — мерило всех ценностей». «Сознание присутствует только в живых, действительных личностях; отвлеченные общественные единицы суть только формы, в которые отдельные личности вкладывают свое сознание. Они суть всегда орудия личностей... Вне личности нет ни блага, ни справедливости, и она вооружается критикою относительно форм, ею созданных».

Почти к аналогичным выводам, хоть и совершенно иным путем, пришел и великий пророк непротивления — Толстой. Если он, в противоположность Лаврову, оспаривает самодовлеющую роль личности в истории (Наполеон — Кутузов); если она — личность, — в

стрел, мы все моментально ринулись к окну. Видим, вся площадь тюремного двора заполнена солдатами в форме конвойной команды. То и были конвойные, которые кричали: «Товарищи заключенные, выходите все на свободу. Свобода для всех дана!»

Из окон тюремных камер послышалось: «Камеры заперты».

«Ломайте двери!» все, как один, крикнули конвоиры.

И мы, не долго думая, сняли со стола полуторавершковую крышку и, раскатав ее на руках, сильно ударили ею по двери. Дверь открылась. С шумом, с криком выбежали мы в коридор и направились было к другим камерам, чтобы посоветовать, как открыть дверь, но там без совета проделали то же, что и мы, и все уже были на дворе.

Тогда мы поспешили все к воротам, ведущим на одну из улиц Москвы. Там были уже тысячи каторжан и каждый из них спешил первым выйти на улицу. На Долгоруковской улице по дороге к городской думе всех нас выстроили по четыре человека в ряд, для регистрации, как пояснили нам. Вдруг видим — летят от городской думы военные и граждан-

противовес Михайловскому, Ницше, — не является по Толстому творцом истории, не творит над ней суда, не определяет, подобно сверх-человеку, мировых ценностей и не стремится воплотить их в общественной жизни, но стремится исключительно к достижению высшей ступени совершенства, т.е. своего наибольшего саморазвития и высшего духовного развития; если Толстой (в противоположность Ницше) отрицает за государством его воспитательную роль и совершенно его игнорирует, считая единственными воспитателями совесть и разум и приписывая им также роль регуляторов во взаимоотношении личностей, то всё это — потому, что Толстой был моралистом, и христианским моралистом, видевшим единственную основу человеческой жизни в христианском учении, освобожденном от всех искажений церковников, от чертополоха всех догм и мистерий. Подобно Ницше, Ибсену, Михайловскому, Лаврову, Толстой совершенно отрицал обязательность внешних людских законов и общественной морали, заменяя их божескими законами и христианской моралью, основанной на заповедях таинственной проповеди: на любви, правде, смирении, сострадании etc., видя в них основные черты человеческой нату-

ры, не дегенерированной губительным влиянием цивилизации. Толстой основывал свое учение на моральном долге и любви к ближнему, считая, что «всякое осмысливание личной жизни, если она не основана на отречении от себя для служения людям, человечеству — сыну человеческого, — есть призрак, разлетающийся при первом прикосновении разуму».

Другой, воскресший гений индивидуализма — Штирнер — в своем бессмертном произведении: «Единственный и его достоинство», исходя, подобно Ницше, из релятивизма всех понятий о морали, но рассматривая личность через призму действительности, а не с птичьего полета и не в перспективе будущего, совершенно освобождает ее не только от всех уз государства и его законов, от всех общественных условностей и моральных пут, но также от всякого рода обязательств и по отношению к себе подобным — и не во имя Бога, сверх-человека, прогресса или человечества, а во имя законного эгоизма поработанной личности, во имя Я. «Для меня нет ничего выше Меня»... «Я образую собственную категорию без нормы, без закона, без образцов». Нет, таким образом, ни правовых обязательств по отношению к государству, ни гражданского долга по отношению

ские и с возмущением в голосе кричат конвоирам: «Что вы наделали... Обратило в тюрьму!... Освобождение будет производиться по порядку».

И нас моментально охватили войска и загнали обратно в тюрьму.

Среди криков и проклятий моих товарищей по адресу и властей, и комиссий по освобождению, просидел я еще часов 5—6.

Наконец заходит какой-то офицер в чине поручика с какими-то бумагами в руках и кричит: «Кто такой Махно?» Я откликнулся.

Он подошел ко мне, поздравил со свободой и попросил следовать за ним. Я пошел. Товарищи бросились за мной вдогонку, плачут, бросаются на шею, целуют. — Не забудь напомнить о нас...

По дороге этот офицер многих еще вызывал, и, следуя за ним, мы пришли в привратничью. Здесь на наковальне солдаты разбили наши ножны и ручные кандалы, после чего нас попросили зайти в тюремную контору. Здесь заседала комиссия по освобождению. Она сообщила нам, кто из нас по какой статье освобождается и поздравила со свобо-

дой. Отсюда уже без провожатых мы сами свободно вышли на улицу. Здесь нас встречали толпы народа, которые также приветствовали нас со свободой. Зарегистрировавшись в городской думе, мы отправились в госпиталь, где для нас были отведены помещения.

Наладив связь с анархическими организациями, я поспешил выехать домой к себе в свое родное село Гуляй-Поле.

Глава вторая.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РАБОТА В ГУЛЯЙ-ПОЛЬСКОМ РАЙОНЕ.

Приехав домой, я застал старушку мать сильно постаревшей, согбенной, беспомощной. Девять лет моего отсутствия ее сильно изменили. Братья в мое отсутствие обзавелись семьями и теперь были на войне.

Весть о моем приезде быстро разнеслась по Гуляй-Полю, и ко мне стали сходить крестьяне и крестьянки.

к обществу, ни человеческого долга по отношению к человечеству, ни моральных обязанностей по отношению к остальным индивидуумам. Любовь, правда, справедливость etc. постольку положительные, поскольку они соответствуют эгоистическим требованиям Я.

Один из самых выдающихся современных теоретиков и проповедников индивидуализма Ган Ринер, базируясь на учении Эпиктета, определяет «индивидуализм, как моральную доктрину, которая, не опираясь ни на какую догму, ни на какую традицию, ни на какую внешнюю волю, апеллирует только к индивидуальной совести» и признает персональные, а также универсальные обязанности, исходя лишь из принципа любви к ближнему и любви вообще.

Как бы мы ни отнеслись ко всем этим постановкам проблемы индивидуализма и к попыткам их разрешения, — будь то в социологическом субъективизме Михайловского и Лаврова, в индивидуалистическом аристократизме Ницше, в личном совершенствовании Толстого, в абсолютном эгоизме Штирнера etc., — одно несомненно и неоспоримо: если только подойти к этой проблеме не со стороны близо-

ругого догматизма, а с более широкой, эклектической, — вопрос этот столь же созрел и разрешение его столь же актуально, как и разрешение вопроса социального, с которым он так же тесно связан, как вопрос социальный — с общечеловеческим, универсальным. Эта актуальность и эта связь были, вне всякого сомнения, — быть-может еще сублиминально, — сознаны Толстым, видевшим единственное разумное разрешение проблемы в синтезе индивидуального, социального и универсального.

В высшей степени симптоматично и характерно то обстоятельство, что XIX век, который знаменует собою небывалый расцвет учений социализма, был также веком чрезвычайного развития учений индивидуализма, и что в золотой, увенчавшей его, диадеме, — наряду с такими звездами, как Маркс, Энгельс и др., — красуются, хоть и светящиеся иным светом, но не менее яркие звезды Штирнера, Толстого, Ницше, Ибсена и других. Не служит ли это предвестником близкого рассвета, — симптомами того, что недалеко уже час решения этой старой тяжбы, — или, быть-может, уже предлюдией начинающегося исторического суда?

Ефрем Полонский.

Всю ночь я провел в беседе с ними и через них ознакомился с положением организации общественного самоуправления.

Утром 23 марта я был уже на трибуне перед всем гуляй-польским населением.

Я призывал крестьян реорганизовать свой общественный комитет, который был организован произвольно и возглавлялся не местными, а офицерами 8 сербского полка, стоявшего тогда в Гуляй-Поле. Я призывал крестьян, рабочих и трудовую интеллигенцию взять всю жизнь села в свои руки.

Скоро общими усилиями крестьян, рабочих и местного учительства был реорганизован сначала только местный, а потом и волостной и общественный комитет.

Одновременно с реорганизацией комитета, я начал организовывать в селе крестьянский союз, который из местного расширился скоро в волостной, а потом и в районный.

Занимая пост председателя крестьянского союза, я одновременно был помощником председателя общественного комитета, председателем земельного комитета, председателем профессионального союза металлистов и дерево-

обделочников и председателем больничной кассы.

Время шло, события развертывались, революция быстро шла вперед...

В первых числах августа 1917 года на губернском съезде в г. Екатеринославе было постановлено реорганизовать все крестьянские союзы в советы крестьянских и рабочих депутатов. Проводя в жизнь это постановление, мы у себя на местах реорганизовали союзы в советы. В ожидании новых распоряжений, наш совет работал очень мало.

Состоя председателем совета, я в это время мало работал в нем, а отдался всецело работе по земельному вопросу, который по постановлению крестьянского съезда гуляйпольского района требовал немедленного разрешения.

Собрав в средних числах августа всех помещиков и крупных собственников района, я отобрал у них официальные документы о количестве находящейся в их владении земли, инвентаря и т. п.

Подготовив все это, я выступил с докладом сначала на волостном объединенном собрании совета и общественного комитета, а потом

АНАРХИЗМ И НАСИЛИЕ

Вопрос о насилии, о его месте и роли в историческом процессе и об отношении к нему анархистов — один из кардинальнейших вопросов анархизма (и не только анархизма, но и всей социологии и философии истории).

В то же время, это — один из наименее, до сих пор, научно разработанных и выясненных вопросов.

Мы будем, поэтому, уделять ему самое пристальное внимание и постараемся осветить его возможно шире и полнее.

Мы начинаем, в настоящем номере, со статьи товарища, стоящего на точке зрения абсолютного отрицания насилия и — логически — революции в обычном смысле этого слова.

Мы считаем, что эта статья, что даже ее заглавие — служат характернейшим образчиком того, до какой необычайной узости можно дойти, если изымать из сложного жизненного синтеза какой-либо один элемент (напр., элемент личного совершенствования), какое-либо одно — хотя бы, само по себе, и верное — зернышко и возводить его в перл создания, отбрасывая всё остальное. При таком подходе, теряется вся-

ЕДИНСТВЕННОЕ СРЕДСТВО

Всякое рабство есть прямое следствие нравственной и умственной ограниченности.

Когда холодное железное кольцо нищеты, бездолия, голода и болезней начинает, — вследствие неизменных законов природы, жестоко мстят за всё ненатуральное, за вся-

и на районном съезде. На этих заседаниях было постановлено оставить кулакам и помещикам по общей трудовой норме как земли, так и живого и мертвого инвентаря.

По примеру гуляйпольского района, такие же постановления были вынесены на съездах целого ряда уездов екатеринославской и таврической губерний.

Для проведения в жизнь этих постановлений август месяц оказался неблагоприятным, в виду выступления Корнилова.

В связи с Корниловским походом, и в нашем районе все недовольные новыми порядками зашевелились и стали организовываться.

Тогда комитет спасения революции взял на учет всю буржуазию и отобрал у нее огнестрельное оружие.

Начались возмущения, протесты, доносы и заявления на меня правительственному комиссару уезда Мыхно. Последний в скором времени присылает бумагу Гуляйпольскому общественному комитету с требованием немедленного устранения меня от общественной работы, так-как я, за свои действия в Комитете Спасения Революции, предан Уездным Общественным Комитетом суду.

кне ложь и насилие, — всё крепче и крепче стягивать шею поработанного человека, он принимается роптать, жаловаться, восставать, проклинать правительство, армию, полицейскую власть, церковные организации, капиталистов, — всех и всё, что имеет общее с его

Глава третья.

ОКУПАЦИЯ УКРАИНЫ. — НАЧАТИИ РЕВ. ПОВСТАНЧЕСТВА. — ОТСТУПЛЕНИЕ. — ПОЕЗДКА В МОСКВУ.

Март месяц 18-го года принес нам в Гуляй-Поле весть, что Центральная Украинская Рада заключила с Германией и Австро-Венгрией военный договор, при помощи их войск заняла Киев и движется в глубь Украины.

Это ошеломляющее подействовало на наш район, так-как крестьяне и рабочие хорошо знали, что им может принести Украинская Центральная Рада своим святейшим союзом с Карлом австрийским и Вильгельмом II.

Правда, агенты Центральной Рады крестьянам и рабочим Украины проповедывали, что эта Рада везет с собой много обуви, мануфактуры, сахару и соли. По пути своем она устраивает всестороннюю здоровую мирную жизнь. Но крестьяне и рабочие к этому мало прислушивались. Они спешно готовились к вооруженной встрече своей спасительницы.

По зову гуляй-польского революционного комитета группы анархистов-коммунистов и левых эсеров (большевиков у нас не было), профессионального союза, весь гуляйпольский

кое представление о подлинных социальных процессах, явлениях и проблемах. И вместо попытки синтетического решения сложного социального вопроса, вместо стремления учесть множественность сил и факторов исторического процесса — всё сводится к «единственному средству»... Словно в истории существуют единственные средства!..

Ответ на предлагаемую статью редакция рассчитывает дать в следующем номере.

страданиями. Одно только — самого себя — он забывает. Он не только не подозревает, но ничего знать не хочет о том, что он сам, своими собственными руками, сковал и одел на свою шею это ужасное кольцо, которое всё сжимается и сжимается; и когда горло уже сжато до потери дыхания, он приходит в ярость: хватается за дубину, за нож, за ружьё, и бешено убивает и уничтожает всё, что попадаете ему на пути, — всё, что столетиями его трудом, его потом было сооружено; и, таким образом, неистовствует до тех пор, пока правительство, так сильно любящее могильную тишину и порядок, с помощью пушек и всяких боевых снарядов, им же изготовленных, закрывает ему рот и связывает руки. Слабый, разбитый физически, совершенно одичалый нравственно, он, усмирен-

ный, вновь, без веры, без идеала принимается за свое старое дело, т.е. за изготовление всех предметов и учреждений, необходимых для его дрессировки в мирном состоянии его духа и для его приручения во время вспышки его бешенства. Во всем разуверенный, озлобленный и замкнутый, он отдает себя тому, что купцы называют — практической жизнью. Критикуя и высмеивая всё революционное, он всякими грязными средствами старается вынырнуть из лагеря «униженных и оскорбленных» в лагерь «унизителей и оскорбителей»; и проскользнув, он проделывает всё то, что так недавно с ним проделывали другие; и с жестокостью и бессердечием преследует всё, что так недавно защищал, за что так ожесточенно боролся.

Эта печальная, бессмысленная история

район объединился вокруг этого комитета в недельный срок времени.

Немецко-мадяро-австрийские войска с проводившими их разведывательными отрядами Центральной Рады подходили к Екатеринославу.

Поэтому гуляйпольский революционный комитет поручил мне, как главе своему, организовать себе полевой штаб и создать из крестьян и рабочих вольные батальоны, которыми и руководить в борьбе против Центральной Рады и немцев.

В это время большевикско-лево-эсеровский блок на всех парах отступил на Таганрог. Поэтому мне без затруднений удалось у начальника юга резервных войск Белинькевича достать 6 орудий, 9 вагонов к ним снарядов, три тысячи винтовок и два вагона патронов.

Были организованы батальоны и отряды, и вооружены. Мы со дня на день ожидали момента, когда придется сразиться со своими «спасителями».

О нашей организации дошли вести в штаб Егорова, командующего крымским направлением. Последний вызывает меня в штаб в Федоровку (мелитопольского уезда). Я выехал

в Федоровку. Пока я отыскивал штаб, который уже вместо Федоровки очутился на Волновахи, Гуляй-Поле было без боя сдано немцам.

В мое отсутствие к крестьянам и рабочим Гуляй-Поля была допущена делегация немцев и Центральной Рады, которая нарисовала крестьянам картину сожжения всех сел, кто будет сражаться против немцев, и крестьяне и рабочие согласились сложить оружие без боя. Они его сложили. Немцы и украинцы вошли в Гуляй-Поле.

Гуляй-Поле сдано! — разнеслось по всему району... Об этом быстро донесли и мне. Я вместо Гуляй-Поля принужден был повернуть на Таганрог.

В Таганроге я долго не задержался и направился в глубь России, где спустя месяц, полтора услышал о том, что немцы Центральную Раду вышвырнули из правительства крепса. Ее заменил гетман.

Торжество гетманщины меня страшно бесило. Это торжество напомнило мне мое пребывание на каторге, сидки по карцерам и одиночкам, а временами и избиения.

Я сопоставил все мною пережитое с пере-

повторяется из века в век, от одной революционной эпохи до другой, под названием «классовой борьбы», и будет повторяться до тех пор, пока «негодующие и возмущающиеся» не придут к единому, глубокому убеждению, что нет в бесконечном человеческом идеале классовой борьбы, а есть только «борьба за культуру»; и возмущаются за водворение истины, справедливости, любви к природе и ко всему, что есть в ней захватывающего и прекрасного, на прочной непоколебимой почве.

Уже ввиду одного того, что нет на всем земном шаре рабочих, которые добровольно, с сознанием своих человеческих обязанностей, отдавали бы себя на все страдания и лишения рабочей жизни; как нет собственников, которые, раз глубоко сознав всю преступность своего тунеядства, своей праздной жизни, не роздали бы свое богатство, нажитое трудом рабочих рук; уже ввиду одного этого нет ни классов, ни — следовательно — «классовой борьбы», но есть общая некультурность, дикость, жадность, глупость, тупоумие, отсутствие глубокой, теплой любви, холодное равнодушие ко добру и злу, глубокий хаос в понимании и созерцании блага и зла, красивого и безобразного, тупое непонимание сво-

их настоящих интересов, совершенная отчужденность от природы и ее красот, болезненное, до-нельзя исковерканное понимание справедливости, слабая воля и, наконец, «научный», фальшиво изложенный материализм.

Все теории, целые кучи литературы о всемирной революции, о восстании масс, внесли в ум и душу рабочего тот же хаос, какой внесла в умы религиозных людей вера в пришествие Мессии и в воскресение Христа, — с той только разницей, что вторые считают нужным, — в ожидании этого счастливого дня, — молиться, поститься, ставить свечи святой богородице, а первые — читать Маркса и всякую политическую дребедень, посылать своих избранных в парламент, организовывать рабочие союзы, красные армии, всякого рода интернационалы. А сам он, т.-е. рабочий этот, в счастливом ожидании «восстания масс», спокойный, довольный своей широкой классовой деятельностью, разряжается в модные неестественные костюмы, с удовольствием животного уничтожает всякого рода мяса убитых им животных, пьет вино, посещает кафе-шантаны, кинематографы, бегаёт за женщинами, исправно платит всякие подати, поддерживающие враждебные его интересам учреж-

живаниями под владычеством гетманщины украинского крестьянина и рабочего.

Это напомнило мне мою клятву, данную в гнусных тюремных застенках, вырваться на волю и всецело посвятить себя делу подлинного освобождения трудящихся не на, торгашеских митинговых словах, а на деле.

В этот момент я упрекал себя за выезд из Украины. И тут же, не задумываясь и ни перед чем не останавливаясь, я собрал свои жалкие вещишки и уехал на саратовский вокзал в поезд. Прибыл в Москву, мечтая через Курск быть на Украине. По пути, в уме, я уже выработал план похода против немцев, гетмана и всей возглавляемой ими буржуазии.

Эта мысленная подготовка возбудила во мне какую-то внутреннюю тревогу — тревогу, которую увеличивал каждый шаг моего скитания вне своего народа.

Вспоминая его, пусть даже наивное, но, во всяком случае, искреннее доверие ко мне во всех отношениях социально-общественного строительства, я чувствовал в себе беглеца от него.

И это чувство такой болью отзывалось во мне, что я давал временами себе слово трижды

отречься от кружковой замкнутости, от своих убеждений, — хотя бы, если надо, и анархических, — и от всего того, что во имя их делал хорошего и во всеуслышанье сказать, что нет партий, нет групп, нет политических организаций, а есть кучки политических шарлатанов, которые, во имя личных выгод и острых ощущений на путях к достижению своих целей, уничтожают трудовой народ, но что этих целей без сплоченности, желаний и целостности трудового народа никогда не достигнуть.

Это меня настолько удручало, что я временами считал себя полусумасшедшим. Но не мог об этом ни с кем поделиться.

И не мог не потому, что не хотел, а потому, что не осмеливался, боялся, и боялся не столько плохого мнения о себе своих товарищей, не столько сурового осуждения противников, сколько самого себя...

В Москве я отыскал членов союза идейной пропаганды анархизма: А. Борового и П. Аршинова. С ними я поделился своими намерениями как можно скорее выехать на Украину и с какими целями. На эту тему много между нами говорилось, и в особенности с Аршиновым. Порыв мой быть немедленно сейчас же на

деня, и повсюду оставляет за собой смрад эксплуатации, пьянства и разврата. И это проделывает каждый и всякий из той массы, от которой мы ожидаем устройства новой, свободной и счастливой жизни. Какой абсурд! Возможно, что в массе имеется также серьезная, интеллигентная молодежь; но она до того шатка, непостоянна и неопределенна, что её созидательной силой считать никак нельзя.

Глубоко ошибаются всякие теоретики, уверяющие, что только и всецело капиталистический строй виноват в низком уровне человеческой нравственности. Гораздо вернее и правдоподобнее будет, если мы скажем, что безнравственность, некультурность и узкий жадный эгоизм создали и поддерживают существующую варварскую жизнь.

Чтобы освободить себя от угрызений совести, от тяжелой необходимости перевоспитать себя, в корне изменить свою жизнь, свои привычки и взгляды, — рабочий всегда и везде находит причины своей невыносимо тяжелой жизни не в себе, не в своих поступках, не в своем образе жизни, а в ком-или чем-нибудь.

Он избирает человека, которого он совершенно не знает, которого он никогда в своей

жизни не видел, не встречал и говорит ему: — «Властуй надо мной. Я буду работать, я обеспечу тебя всем, не только необходимым, но и всякой роскошью, и за это ты должен властвовать, приказывать и распоряжаться мной по моему собственному усмотрению, как ты это делаешь с твоей кошкой, собакой и мебелью. Своей грудью я обязываюсь защищать тебя; изготовлять моими собственными руками всё необходимое для моего наказания — нагайку, ружья, пушки, тюрьмы и гильотины; и когда я в чем-нибудь провинюсь, ослушаюсь, — секи, сажай, запирай и расстреливай меня, если только ты найдешь это нужным». Но когда его начинают сечь, сажать и расстреливать, он начинает негодовать, протестовать, выходить из себя и бунтоваться. Он начинает находить, что человек, которого он выбрал, обманул его, не оказался способным правителем: «Надо другого». С пеной на губах, с громадными физическими, материальными и духовными потерями, он сбрасывает одного, другого, четвертого и пятого, и все пять оказываются, как одна капля воды; о он всё продолжает кричать, что «настоящего» еще не нашел, но надо найти; и когда бесчисленное множество фактов, сотни лучших, замечатель-

Украине немного остыл. Я на две-три недели решил задержаться в Москве. За это время я посетил ряд лекций анархистов, большевиков, эсеров. Кроме этого участвовал в заседании анархистов в гостиннице «Флоренция» по вопросу о тактике борьбы на Украине против гетманщины и водрузившего ее немецко-мадяро-австрийского юнкерства.

Посетил съезды профессиональных союзов текстильщиков и других профессий.

Все вопросы и решения их на этих съездах меня, крестьянина, и радовали, и угнетали.

Радовали они меня оттого, что я видел в пролетариате сознание своих пролетарских интересов, свои стремления, свой пролетарский фронт в достижении тех или иных целей.

Угнетало меня именно то, что я в этом пролетариате, как классе, не видел его прямой воли при решении тех или иных вопросов.

Представительство пролетариата на этих съездах, разрешая те или другие насущные вопросы, хотя и делало это от имени своего класса, но волей политических партий, из которых каждая по своему понимала и истолковывала пролетарские цели и обязанности в момент строительства социалистического государства.

А это по-моему, во-первых, резко отмеживало пролетариат от трудового крестьянства, без взаимного сотрудничества с которым в социалистическом обществе, не говоря уже в полусоциалистическом, полукommунистическом государстве, каким было в это время государство большевико-лево-эсеровского блока, нормальной трудовой классовой жизни быть не может.

Во-вторых, такое автоматическое подчинение пролетариата, как класса, каким бы то ни было политическим партиям отдаст его в распоряжение этих партий на самое позорное глумление, как в духовном, так и физическом отношениях.

И вот, зарождается нездоровое мышление среди части городского пролетариата России и Украины: о необходимости своей — пролетарской государственной политической власти или её диктатуры, во имя которой эта часть разбивает единство своего трудового организма, создает новые в мыслях рознищиеся пролетарские кадры; совершает поход и борется зачастую за то, что в будущем во имя Свободы вольного труда и равенства обездоленного человечества сама же будет отбрасывать в сторону. Благодаря этому во всех тружениках села и города

нейших людей уверяют, поучают его, что хороших правителей никогда не было, нет и быть не может, ибо сам по себе тот фокт, что человек соглашается властвовать, уже доказывает, что человек этот не может быть ни правственным, ни хорошим, ни полезным, — он раскрывает большие глупые глаза и с удвоенным упорством настаивает, что без «правителей» никак нельзя, никак невозможно.

Вместо того, чтобы заниматься честным, свободным сельскохозяйственным трудом среди чистой, прекрасной природы, человек уходит в темный, пыльный город и занимается там куплей и продажей, или же мараньем всяких ненужных и даже вредных бумаг; если его положение или способности не подходят для этих занятий, он идет к фабриканту, заводчику, хозяину мелкой мастерской и говорит ему: «Я готов для тебя работать, удвоить, утроить, удесятерить твоё состояние, и за это ты должен заботиться о том, чтобы я не умер с голоду, не замерз зимой на улице». И когда, затем, предприниматель этот эксплуатирует его согласно их условию, он начинает протестовать, делать забастовки, умышленно портить выработанные им вещи и продукты, и не успокаивается до тех пор, пока получает

повышение на несколько копеек, которые он, впрочем, отдает своему же хозяину обратно при покупке тех продуктов, какие сам вырабатывает. И после этого считает себя великим победителем.

Все жалкие остатки своего мизерного заработка он отдает на покупку предметов далеко не первой необходимости, и даже на удовольствия, вредные его здоровью: он относит их кабачнику, ресторатору, синемаграфу, торговцам женщинами, продавцам всякого тряпья, обогащая всех не желающих работать, всех, стремящихся жить на его счет; и когда его карманы и желудок совершенно опустошены, он начинает разбивать, грабить лавки, магазины и всякие торговые учреждения, и кончает тем, что сам, своими руками, своим трудом приводит в полный порядок всё им разбитое и разоренное.

Он отдаёт громадную часть своей жизни на изучение низкого, бесчеловечного военного дела, на изготовление всего, что необходимо для мелкого и крупного убийства людей; и затем, когда те, которых он сам над собой поставил начальниками, посылают его для усмирения восставших рабочих, — тех самых несчастных людей, с которыми он всю свою

закрадывается и развивается недоверие одних к другим.

Идеологи политического авантюризма это недоверие подхватывают и на нем строят свои партийные принципы, указывая этим труженикам, что только следуя этим принципам можно отыскать, понять и устранить причины этого недоверия.

Городской пролетариат, а также и трудовое крестьянство, потеряв свою целостность, — единство, из которого можно было черпать силу, поддержку, знание, поддаются на эту удочку. Они бросаются в объятия какой-либо из этих политических партий, и этим распылив своей трудовой фронт, обессиливают свою классовую мощь, за счет которой во всех отношениях все везде и всюду живут и наживаются и в то же время кто хочет и как хочет повелевают.

Политические же партии считают такие явления в виду таких-то и таких-то причин (как они обыкновенно выражаются)... неизбежными, даже необходимыми.

В этом единственно может-быть и кроется успех политических партий, которые упорно убеждают трудящихся, что последние без них,

т.е. без политических партий, со своими аполитическими профессиональными союзами и кооперативами бессильны и неспособны оградить свою социальную жизнь от своих противников на политическом горизонте и ковать свое счастье на поле экономического.

Политические партии серьезно не задумываются над последствиями своих действий и, увлекаясь сами, увлекают за собой и слепо доверяющиеся трудовые массы зачастую в омут такой сумятицы и неопределенности, которого и сами они не в состоянии ни понять, ни разрешить. Такое положение чувствовалось в июльские дни 18-го г. в России для большевикко-лево-эсеро-эсеровского блока, когда с одной стороны Вильгельм II через своего посланника Мирбаха и через большевиков ставил препятствия развитию русской революции, а с другой стороны — пролетариат и крестьянство на всех своих съездах требовали для революции широкого простора.

Правда, благодаря этому блок дал трещину.

Левые эсеры опирались больше на крестьянство, тогда как большевики и на пролетариат, и на крестьянство. Выиграли, конечно, большевики, ибо они остались у власти. Этот вы-

жизнь, бок-о-бок разделяет одну и ту же печальную участь, одно и то же унижающее рабство, — или же на войну с людьми, которых он совершенно не знает, которые перед ним никогда ни в чём не провинились, — он убивает, давит, калечит несчастных, ни в чём невиновных людей, разоряет, сжигает города, села и деревни, уничтожает всё, что страданием и потом людей построено и изготовлено; и затем, когда, в результате его безобразной, глубоко преступной деятельности, его преследуют голод, холод, нужда и болезни, он начинает возмущаться, проклинает Вильгельма, Николая, Вильсона, Ленина, Троцкого и т. д. Он разбивает троны, убивает тех, кого считает виновниками своих бед, меняет вывески и надписи на старых учреждениях, меняет имена старых властелинов; одного только он не делает, — он не думает о том, что он сам, и никто другой, виноват во всем случившемся; что он пожал то, что сам посеял; что хлещет его по лицу та самая грязь, которую он сам внес в жизнь.

В общем, это — вся деятельность «широких масс» и даже интеллигенции; и всякие восстания, революции этих людей никогда не будут теми, к каким анархизм, — живой, твор-

ческий дух маленькой кучки людей, — стремиться. И поэтому, анархисты и все идейные организации, — все, кто глубоко возмущены глупостью, жадностью и ненатуральностью существующего человека, кто задыхаются в смраде, в угаре существующего общественного порядка, — все, кто не могут и не хотят выменять свои духовные потребности на жалкие, разноцветные мыльные пузыри, которые хозяева «толкучего рынка» называют счастьем, — все они должны раз навсегда бросить все старые теории «классовой борьбы» и «всемирной революции», и взяться собственными руками строить новую жизнь, новую культуру.

Для этого нужна тесная духовная связь и сердечная солидарность между всеми, во всех странах живущими, анархистами, натуралистами-революционерами, которые, с помощью всех имеющихся у них материальных средств, духовных ценностей, знаний и любви к природе и работе, устраивали бы сельскохозяйственные колонии на прочных началах анархического коммунизма. Главная цель этих коммун должна состоять в освобождении от тяжелой и унижающей эксплуатации, от всяких предубеждений и предрассудков, от физических и духовных слабостей, от безнравственного,

игрыш слишком дорого стоил трудящимся не только России, но вообще всем трудящимся, которые так глубоко верили в чистоту принципов октябрьской революции.

Все это действовало на меня удручающе.

Я лишний раз убедился в том, что, подымая революцию, пролетариат прежде всего приносит пользу политическим партиям, зачастую во вред тем идеалам, во имя которых он подымал революцию.

Правда, таков исторический ход всякой революции, кроме подлинно социальной. Последняя только в своем стихийном беге сметает всякий авантюризм.

В период ее развития, политики со своей демагогией болтаются больше в хвосте, а те, которые идут совместно с массами, но не как повелители, а как их друзья и советчики в рядах бойцов и как бойцы, зачастую погибают.

Когда я находился в Москве и посетил всероссийский съезд профессиональных союзов и ряд лекций таких представителей политического мира, как Свердлов, Ленин, Троцкий, М. Спиридонова, Камков, Рошин и другие, во мне еще сильнее заработала мысль и забурлила кровь — желанием быть на Украине.

Все взоры мои были направлены туда, чтобы совместно с народом в борьбе против немецко-мадяро-австрийских и гетманских сатрапов умереть или освободить Украину.

В душе поднялось властное желание путем воли и усилия самого народа создать на Украине такой строй жизни,

где бы не было ни рабства,

ни лжи, ни позора!

ни презренных божеств, ни децетей,

где не купишь за злато люб-

ви и простора,

где лишь правда и правда людей...

Такой строй я мыслил только в форме вольного советского строя, при котором вся страна покрывается местными совершенно свободными и самостоятельными социально-общественными самоуправлениями тружеников.

При посредстве съездов эти самоуправления устанавливают общий порядок взаимности между собой.

Создают свой учетно-статистический, распределительный и посреднический органы, вокруг которых тесно объединяются и при помощи которых в интересах страны и ее свободного народа гармонируют на поприще все-

глубоко в нас засевшего, понятия о «моем» и «твоем». Вместо того, чтобы судить и «рядить» о всемирной революции, нам необходимо на практике произвести революцию в самих себе. Каждый из нас должен переродиться в нового человека; наша старая, маленькая, узко-эгоистичная семья должна перейти в общую, единую, громадную семью, одухотворенную любовью и единством интересов.

Главной нравственной обязанностью этих коммун должен быть решительный отказ принимать какое бы то ни было участие в существующих государственных и городских учреждениях; отказ платить подати в те кассы, которые предназначены для содержания правительства, крупных и мелких чиновников, полицейских властей, армий и существующих школ, где духовно отравляют наших детей. Избегать всеми силами торговых сношений с городскими торговцами.

Только такая практическая деятельность и рядом с ней хорошая книга, брошюра и всякая анархическая литература могут притянуть людей к свободе, любви и правде.

Возможно, что многие из прочитавших эти строки скептически отнесутся к их призыву; они скажут: — всё это несет характер толстовства, духоборства, квакерства.

Хотя сравнение это должно служить гордостью для нас, — всё же, эти роды деятельности резко различаются между собой. Ду-

хоборство, квакерство, это — замкнутые в себе, религиозные секты; колониальная же деятельность натуралистов-революционеров основывается на свободомыслии, свободолюбии, широкой пропаганде делом и словом.

Несомненно, найдутся такие, которые скажут: — Да, на словах это быть-может и прекрасно, но на деле, это — абсурд; никакое правительство не станет терпеть у себя таких коммун и разгонит их в самом начале их деятельности.

На это ответить можно следующее.

Во-первых, немецкие общезжития, существующие уже несколько лет, еще не разгоняются; а во-вторых, всякая практическая революционная деятельность ведет ее членов в тюрьму и каторгу; но всё же, никто не скажет, что революционеры должны бросить свою деятельность. Всякий террорист прекрасно знает, что его ожидает смертная казнь; и всё же, он им быть не перестает. Почему же людям, стремящимся не к убийству живых, а, наоборот, к оживлению мертвых, — не к террору, не к грабежу, не к насилию, а к мирной, честной, братской жизни, — почему же им следует бояться, трусить и колебаться?

Мы не можем, мы не в силах и не вправе насильно навязывать другим наши мечты, желания и стремления; но мы сами должны и обязаны быть такими, какими мы призваны быть.

Рабочий.

стороннего социального-общественного строительства свою работу.

Над практическим осуществлением этого я часто задумывался. Волнуемый подобными мыслями, я 29 июня 18 года достал соответствующие украинские документы и выехал на Украину.

По пути следования к Украинской границе я много встретил знакомых из Украины. От них узнал, что дом моей матери немецкими и украинскими военными властями сожжен. Брат старший Емельян, который совершенно, как инвалид, не участвовал ни в какой политической организации, — расстрелян. Второй брат арестован и сидит в александровской тюрьме. Мать скитается по чужим квартирам.

Эта весть страшно на меня повлияла. Я душевно заболел. Я способен был возвратиться в Москву, но разум диктовал другое. Он напоминал мне ответственность перед тем, что я наметил и во имя чего еду на Украину. Я

переборол свои чувства боли, подбодрил себя мыслью, что кому-либо нужно было и из моего рода умирать за освободительные идеи народа; но что смерть эта скоро ли поздно ли вызовет за собой взаимные смерти. И я тронулся дальше.

Путь тяжелый был; каждую минуту тебя ожидала смерть, почему приходилось маскироваться и до безумия «щирым гетманцем», и чем хочешь, лишь бы только быть на Украине, в тех самых селах, где тебя знают и ожидают.

Военная офицерская форма, погони несчастного прапорщика, в такт фальшиво расшаркнуться и поклониться—всё это мне помогло добраться в район Гуляй-Поля, но не жить, а только добраться и мигом пролететь мимо него. Здесь в окрестности этого района я поселился и чувствовал, что я на Украине. Осюда и началась организация под моим руководством крестьянского восстания.

(Продолжение следует).

ПИСЬМА О ПЕРЕЖИТОМ

От Редакции. — Письма о пережитом до сих пор печатались на русском языке, глав. обр., в америк. органе «Волна». Начиная с настоящего — восьмого — письма, автор переносит их в «Анарх. Вестник». Даем краткое содержание первых семи писем. —

Письма 1 («Волна», № 26) и 2 («В.» № 29) — вступительного и оговорочного характера. Во 2-м письме намечается первая задача автора: осветить в общих чертах сущность современного положения в России — экономического, политического и т. д. В то же время, дается известная постановка вопросу о роли и смысле большевизма в русской революции. Наконец, отмечается «необходимость, на почве опыта русской революции, особенно рельефно выдвинуть положительные задачи анархического движения и анархической работы, а также особенно ярко развернуть, обосновать и формулировать положительные пункты анархической концепции и ее пропаганды». —

В **письме 3-м («Волна», № 30)** автор приступает к своей первой задаче. Общими штрихами он обрисовывает сущность экономического положения России и приходит к двум основным выводам: 1) экономическое состояние России характеризуется полным разрушением всяких экономических устоев — как старых, капиталистических, так и «новых», государственно-социалистических; 2) характерно, с другой стороны, полное отсутствие экономически-творческого результата. «Русская революция, экономически, мятется между разрушенным ею капитализмом и разрушенным ею же государственным социализмом — в пустоте и хаосе обломков того и другого; и не может, пока, выбраться из-под этих обломков. Вот что важно, прежде всего, понять. Полное разрушение, и — никакого соиздания. Голая, обгорелая земля, и — ни признака хотя бы начатой новой постройки на ней. Такова нынешняя картина экономическо-

го состояния России. В уничтожающем вихре разрушения погибли и идолы старые, и фетиши новые; сторело и то, что имелось, и то, что намечалось... И — пусто на пожарище... Россия сейчас экономически — пустое, выгоревшее место, на котором даже все пни выкорчеваны, и которое предстоит застраивать наново. Россия — пустыня. Россия — *tabula rasa*, на которой предстоит начертать новые письмена. Так можно формулировать ее нынешнее экономическое положение». — Связанному с «нэпом» кажущемуся восстановлению капитализма и появлению новой буржуазии в России автор не придает, в современной обстановке, значения серьезного и прочного экономического процесса. —

В **письме 4-м («Волна», № 33)** осмысливается «политическое» положение в России. Смысл этот, по мнению автора, состоит в том, что: «Дух разрушающий довел и в политической области свое дело до конца. Он разбил вдребезги все, оставшиеся от прошлого, политические заблуждения и иллюзии. Он разметал по ветру все прежние и современные политические построения и системы. Разрушив, в октябре 1917 г., воздушный замок «коалиционной» власти и дав место власти яко-бы «рабочей», он, далее, не оставил по существу камня на камне и от этой последней постройки. Он физически, наглядно для трудовых масс свел к нелепости и ужасу весь цикл политических миражей, не исключая самых левых. Тем самым, из психики этих масс оказалась вытравленной самая идея политической власти, государства и политической диктатуры, самая возможность признания впрямь какой бы то ни было политической системы. Вместе с тем — (что не менее существенно) — рухнула навсегда и идея политической партии. И это понятие — наконец-то! — разбито русской революцией, без возможности возрождения. Жесточайший опыт всевозможных политических режимов естественно привел к гибели самого принципа политики. Самые устои «политической» жизни разруше-

ны в России — и реально, и в представлениях трудовых масс. Самая идея этих устоев умерла. Самый «элемент» политической деятельности изжит безвозвратно». — К сказанному автор добавляет: «Здесь необходимо принять во внимание характерную разницу между экономической и политической сторонами социально-революционного процесса. Социально-экономическая жизнь призвана, разумеется, возродиться. Ея крушение есть переходящее зло. Смысл процесса — ея новый творческий расцвет. «Политика» же должна именно умереть. Ея крушение есть само по себе цель. Разрушение до конца миража политической формы, наглядное разоблачение ея гибельности и расчистка пути для идеи не политического социально-революционного созидания — таковы политические достижения русской революции. Таков ея политический смысл. Пустое, выгоревшее место, ожидающее новой, не политической постройки. Такова сущность современного «политического» положения России». —

В письме 5-м («Волна», № 34 и 35) идет речь о «праве», о «культуре» и о социальном положении труда в России. — Констатируя, что и в этих областях Россия дает картину всеуничтожающего, законченного разрушения, — без творчества нового, — автор приходит к общему выводу: «Русская революция была, в первую очередь, гигантским — всеобъемлющим, всесторонним и законченным — разрушительным процессом. Вихрь разрушения не оставил в покое ни одного уголка, ни одного камня, ни одного существа. Тысячелетние устои, основы и формы общественной жизни, привычные схемы и понятия — экономические, политические, правовые, культурно-бытовые, социально-трудовые, — сметены на-чисто. Всё, начавший — казалось — оскотеневать общественный уклад, которым человечество живет со времени возникновения власти, собственности и государства, рухнул в России. Целая фаза человеческого развития завершена. Целая эпоха цивилизации ликвидирована. Целый мир представлений, отношений и фактов отжил. Всё былое и всё нынешнее, что выросло на основной ткани процесса человеческой эволюции, уничтожено колоссальным, издавна подготавливавшимся взрывом. Русская революция физически осуществила моральный крах старого общества, намечавшийся давно. Опустошение, произведенное ею, исчерпывающее: эко-

номика, политика, право, культура, труд, этика, религия, пол, семья, личность — всё превращено в беспорядочную груду дымящихся развалин. Полное, всеуничтожающее разрушение. Таков, прежде всего, смысл русской революции». —

В письме 6-м («Волна», № 36) автор приступает к своей второй задаче — осветить смысл самого этого разрушения: «Каков этот смысл? Что говорит нам это разрушение? Какие указания можем мы извлечь из него?» Здесь автор устанавливает следующие положения: 1) «Уже самый факт — самая возможность и наличность такого колоссального, длительного, прочно утвердившегося разрушения — в стране, занимающей, среди «цивилизованного» мира, около шестой части суши земного шара и насчитывающей до полутораста миллионов населения, заставляет думать, что капиталистический мир окончательно одряхлел и изжил себя; что ему нанесен на этот раз — войной и революцией — смертельный удар»; 2) события в других странах и взаимоотношения этих стран с Россией убеждают нас в том, что «и европейский капитализм основательнейшим образом подорван; что он, при всем желании, совершенно не в силах серьезно содействовать восстановлению капиталистического хозяйства в России; что он бесслен противостоять разрушительным тенденциям у себя; и что, следовательно, разрушение в России носит характер отнюдь не проходящего местного эпизода, но — определенной, характерной для целого исторического периода, стадии в развитии мировых событий». 3) Дав беглый обзор положения в главных европейских странах, автор приходит к заключению, что «и в Австрии, и в Германии, и в Италии, и (менее ярко, менее интенсивно) во Франции и т. д. идет, по существу, совершенно тот же процесс всеобщего разрушения, какой имеется в России. Перед нами — то же крушение жизненных устоев, та же невозможность их заново построить и, следовательно, — продолжение (медленное, подчас даже скрытое, но неуклонное) общего процесса крушения, принимающего все более международный характер... «Общее разрушение отжившего мира развертывается на наших глазах в интернациональном масштабе». — Пояснив, как именно следует понимать выражение «смертельный удар», автор заключает: «Мы можем, с громадной долей вероятности, утверждать, что вступили в эпоху мировой со-

циальной революции: в эпоху уничтожающей ломки всей нынешней общественности; в эпоху решительной и непосредственной — тяжелой, но последней — борьбы между миром нарождающимся и миром отжившим; в эпоху великих потрясений, исканий, опытов и — великих ошибок, которые приведут, наконец, к великой истине и к великой работе по созданию мира новой общественности, нового труда, новой культуры, нового быта, нового человечества... Определеннее, чем когда-либо прежде, мы считаем социальную революцию длительным разрушительно-созидательным процессом, разворачивающимся медленно, но неминуемо, протекающим то бурно и открыто, то сдержанно и глухо, и охватывающим постепенно все страны. Мы полагаем, что находясь сейчас в начале первой — стихийно-разрушительной — стадии этого громадного процесса, и что русская революция послужила как-бы прологом к этому первому акту трагедии. Мы не знаем, конечно, сколько времени продлится этот акт. Но мы более или менее уверены в том, что начавшееся стихийное разрушение не может быть впредь никакими силами и средствами остановлено; что оно будет разворачиваться далее, вглубь и вширь, принимая всё более и более интернациональный характер, — до тех пор, пока не превратит весь старый мир, со всеми его «устоями», привычками, отношениями, понятиями, иллюзиями и заблуждениями, в груды развалин и не даст место началу нового — сознательного и творческого — процесса».

Наконец, в письме 7-м («Волна», № 38) автор, продолжая обсуждать смысл разворачивающегося разрушительного процесса, приходит к выводу, что «вскрытые войной, начавшиеся в России и разворачивающиеся ныне в международном масштабе разрушительные процессы решительно подтверждают правильность революционного понимания современной человеческой истории. Жестоко издеваясь над всякого рода социальной маниловщиной, — над блуждающими политическими расчетами и схемами буржуазных и полу-буржуазных мудрецов, над всякими промежуточными и «мирными» построениями, — эти процессы не оставляют больше камня на камне от всех лже-«эволюционных» — реформистских, постепенных, пацифистских и т. п. — теорий, и твердыми определенными штрихами окончательно уста-

навливают историческую необходимость, историческую закономерность революции, как исходного пункта прогресса нашего времени». — Крушение демократии во всех ее видах и во всех крупных странах, нарастание прямой борьбы между революцией и реакцией, — таков один из основных признаков наступающей эпохи социальной революции: «ибо нет ныне другой силы, которая повела бы дальше историю человечества». — Далее автор освещает кратко место большевизма в этом громадном революционном процессе и делает вывод: «Общая жизненность революции, натолкнувшись на тупик большевизма, создала в России (да и в Европе) выжидательное положение. Но выход может быть только впереди. Россия и Европа ждут нового скачка революции. Реакция и разрушение — ведут к нему. И если бы, даже, в России водворилась контр-революция, — она была бы преходяща». — В заключение, автор устанавливает, что «развивающиеся события наносят сокрушительный удар, помимо демократических иллюзий, также учениям мирного анархизма — толстовского и других индивидуалистических толков»... «В грохоте рассыпающегося старого мира, в шуме стихийных общественных бурь, перед лицом гигантских *социальных* потрясений и передвижений, которыми решаются судьбы человечества, и от которых мы не можем уходить в сторону, умывая руки, — какими беспомощными и ничтожными представляются все эти идиллические построения индивидуально-этического самосовершенствования!... Уйти в свое «я»... Совершенствоваться самому и личным примером совершенствовать людей и жизнь... Не так ли, приблизительно, решает задачу простодушный страус, когда прячет голову под крыло от окружающих опасностей? Или — не так ли решали вопрос древние монахи, уходя от соблазнов мира в благость затворничества, в тишь обители? И не были ли тысячу раз правы те «действенные» христиане, которые говорили, что истинно спастись, что «преодолеть» мир можно лишь, живя в миру, а не уходя от него?... Конечно, социальная революция — не идиллия и не святая мелодия. Порою — ее лик бывает страшен. У нея есть свои грехи, свои ужасы, свои бездны, свои провалы... Но «преодолеть» ее, очистить от зла, превратить в благо можно лишь, прирав ее и действительно участвуя в ней. Конечно, нравственное самовозвышение, простота жизни, здоровый труд, личный пример,

дружная сельскохозяйственная коммуна, всё это — прекрасные и необходимые вещи. Никто не считает их лишними. Но их одних — более, чем недостаточно. Сама по себе, их роль — более, чем незначительна. Признавать их — не должно означать отвергать остальное. Между тем, именно в эту ложь впадают их проповедники: они признают лишними — даже губительными — другие необходимые силы и отрицают их. В этой тенденции теорий личного самосовершенствования (и им подобных) к узкой исключительности, к монашескому «отрицанию мира и злобы его», — в их неумении учесть громадную роль других, притом *основных* факторов человеческого развития, — заключается их ошибка: ошибка, сводящая великое социальное движение к жалкой гомеопатии, к применению сладких пилюль там, где требуется, прежде всего, острый нож хирурга, к келейным построениям, ничтожность которых перед лицом событий очевидна.

И реки, и ручьи имеют свое значение. Но разве не нужны океаны? Разве не связаны

те, другие и третьи между собою? Разве без океанов были бы ручьи? И разве не нелепость — отрицать океан, требуя замены его могучих и необходимых движений лепетом едва заметных ручейков?..

События живым языком говорят нам, что вне *революции* — нет спасения; что без *революции* — не может быть речи ни о новом строительстве, ни о новом обществе, ни о новом человечестве. Неудачи должны не отрицать нас от революции, но лишь учить нас избегать в будущем уклонений, допущенных в прошлом.

Лишь мировые движения океанических масс труда, лишь всеохватывающая социальная революция, громовыми ударами — удар за ударом — разбивающая старое здание и приступающая к построению нового на расчищенном месте, могут дать *действительный* толчок человеческому прогрессу. Так говорит история. И великое разрушение нашего времени есть начало этого колоссального мирового процесса.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ.

СМЫСЛ РАЗРУШЕНИЯ (продолжение).

Мы подошли к последнему выводу.

Развертывающиеся события подтверждают не только идею Революции, но и идею *полного, всестороннего разрушения, как необходимого условия Революции*. Таков этот вывод, который должен быть здесь же определенно подчеркнут и зафиксирован.

* * *

До настоящего времени в революционных рядах нет единогласия по вопросу о том, осуществима ли социальная революция при условии и в период *хозяйственного расцвета и благополучия*, или же — *хозяйственного и, вообще, социального разгрома*.

Вспоминая, как мне приходилось спорить с людьми, видевшими как-раз основную *беду нынешней революции* в том, что она вспыхнула в обстановке чудовищной войны, в момент колоссального разрушения экономики, в период упадка, а не подъема производительных сил. Некоторые товарищи усматривали здесь *лишний аргумент в пользу большевизма*, будто бы верно оценившего положение и взявшего в данном случае единственно правильную линию

действия, — в виду невозможности иным путем противостоять затруднениям, связанным с катастрофическим состоянием хозяйства, с полным расстройством экономического аппарата; в виду невозможности иным способом обеспечить революции хоть некоторый *положительный результат*. Отсюда делался, далее, тот вывод, что анархизм должен в данном случае пойти на услужение к большевизму, завоевывающему и закрепляющему *яко-бы* максимально возможные ныне позиции.

Я возражал, что непосредственным толчком к социальной революции, — ныне ли, в будущем ли, — *всегда и неизбежно* должны послужить *социальная катастрофа и хозяйственный развал*; что вне такой катастрофы, в иной обстановке — социальная революция вообще немислива; что ждать иного — значит отказаться от социальной революции; что, следовательно, если большевики правы в данном случае, то они правы *вообще*; что, в таком случае, революционный анархизм вообще непригоден; он — ошибка, недоразумение, заблуждение; прав революционный марксизм, и

надо это определенно признать. Если же анархизм — не ошибка, если он прав вообще, то его обязанность, его роль и в данной революции — не служить большевизму, а *учесть настоящее значение разрушительного процесса* (и большевизма), определить, *именно в катастрофической обстановке*, анархическое действие и постараться помочь выявлению тех сил, на которых он — анархизм — основывается, не «возможный максимум достижений», а *полный успех революции*.

* * *

Еще до русских событий, мне не раз приходилось, — обрисовывая слушателям творческие перспективы социальной революции и доказывая, что осуществление этих перспектив под-силу лишь широким и организованным трудовым массам, — выдвигать и подчеркивать огромную двойную задачу революции: 1) *все разрушить, до основания*; 2) *все заново создать*. И раскрывая первое «всё», я должен был живыми штрихами набрасывать картину всеобщего и полного разрушения современной экономики, права, труда, культуры, этики, искусства, разрушения политики, религии. — словом, всех современных устоев социального быта. Вся грандиозная задача и картина разрушения, как необходимого акта социальной революции и насущного ее условия, развертывались тогда перед моими собственными глазами.

Я считаю, что нынешние события целиком подтверждают эту картину и это условие. Они определенно и всесторонне подчеркивают *всю громадную роль разрушительного процесса в социальной революции*.

* * *

Какова же именно эта роль? Она должна быть — по возможности, здесь же — учтена нами*).

* * *

Дело нового социально-революционного созидания может быть предпринято, осуществлено и доведено до конца лишь воодушевленными творческими усилиями *огромных* (и организованных) *человеческих масс*. Чтобы убедиться в этом, достаточно конкретно продумать задачу — в деталях и в целом. Зало-

*) Оговоримся. Мы забегаем несколько вперед. Исчерпывающее освещение роли разрушительного процесса должно иметь место ниже — в анализе социальной революции. Здесь — вопрос затрагивается нами лишь частично, бегло.

жить совершенно новый базис интенсивно прогрессивного развития; построить целую новую экономику; создать, соответственно, могучую новую индустрию и новое сельское хозяйство; организовать заново все дело транспорта, обмена, распределения; выдвинуть совершенно новые формы общественности, права, труда, всего жизненного уклада; развернуть горизонты нового культурного и духовного мира — новых взаимоотношений между деятельностью физической и умственной, новой науки, нового просвещения, нового искусства, новых этических понятий и т. д., и т. д., — одно перечисление всех этих, сливающихся в грандиозное целое, проблем, без разрешения которых успешная социальная революция немислима, показывает, что дело этой революции осуществимо лишь при напряженном и организованном сотрудничестве океанических масс.

Конечно, первые удары, первые конкретные шаги революции будут делом ее авангарда: главным образом, революционных элементов рабочего класса. (Скажем больше: весьма возможно, что первые прямые шаги революции будут везде, — как это бывает обыкновенно в *политических* революциях, — делом лишь небольшой части этого авангарда — передовых элементов столичного пролетариата. — Отчего бы, на этом основании, некоторым мудрецам не создать теории столичного пролетариата и его диктатуры?). Но, — при первых же ударах революции, стремящейся стать *социальной*, — широкие трудовые массы должны активно действовать ей; еще более широкие массы населения должны симпатизировать ей или, по меньшей мере, сознавать ее фатальность, занимать по отношению к ней выжидательную позицию «благожелательного нейтралитета», не быть против нея. И, со следующего же момента, на всем последующем ее протяжении — революция должна втягивать в себя всё более и более обширные массы, увлекать их за собой и вводить в дело. Она должна, быстро и неуклонно расширяя свой социальный, свой *человеческий* базис, стать в полном смысле слова *народной* революцией. Ее дело должно стать *общим* делом. В противном случае, оно — так или иначе — погубило.

Но широкие трудовые массы, но миллионные массы населения могут быть брошены и втянуты в революцию, могут быть подготовлены к ней, могут развернуть ее в революцию социальную и активно вести ее до конца —

прежде всего, на почве полного, безнадежного, стигийного разрушения *всех прежних* (главным образом — экономических) *жизненных устоев*, за которые масса крепко цеплялась, за которые она склонна так же крепко цепляться при малейшем их сохранении, и за которые она более не могла бы цепляться.

Имеется и в наших рядах мнение, что широкие массы примкнут к делу революции *лишь* — впоследствии — *на почве и при условии успешного и быстрого разрешения ее «первых», насущных* (в первую очередь, конечно, экономических) *задач* известным «революционным меньшинством», осуществившим ее. Разумеется, при таком воззрении, вопрос о роли масс и о значении разрушения отходит на задний план. Но приемлемо ли такое воззрение? — Несомненно, в конечном счете — процесс всасывания в революцию отсталых слоев и ее окончательный успех будут зависеть от успешного разрешения ею основных задач. Но вопрос именно в том, *кто и как сумеет разрешить эти задачи*. Ибо, неверно было бы думать, будто их решение может быть выполнено буквально «в первую очередь», — т.-е., как-то само по себе, оторванно, независимо от успешного же решения *всего сложного ансамбля задач* нового социально-революционного строительства. Экономика — да и вся социальная жизнь вообще — является сложным и слитным целым, все части которого органически связаны между собой. И когда говорят о «первых», о «первоочередных» задачах, то имеют, конечно, в виду степень необходимости, а не простоту или очередь их решения. Суметь разрешить в порядке социальной революции некоторые ближайшие хозяйственные задачи, — напр., обеспечить всё население страны, на новых началах, хлебом, водой, светом, топливом и т. п., — нельзя, если не организовано на этих началах уже почти всё хозяйство (индустрия, транспорт, обмен, распределение) и не разрешен (пусть еще не окончательно) крестьянский вопрос. А если говорить об удовлетворении мало-мальски более широких, — хотя и не менее острых, — нужд, то оно требует почти законченного результата социальной революции. — Уже в силу одних этих соображений, мы считаем отмеченную точку зрения *глубоко ошибочной переоценкой роли «революционного меньшинства» в социальной революции*. Мы думаем, что в основе такой переоценки лежат: близкое к пресловутому понятию «диктатуры» понятие о роли «револю-

ционного меньшинства»; непонимание подлинной роли масс в социальной революции; и — явное или тайное — недоверие к созидательным силам трудовых масс. (Отметим вскользь здесь же, что такой именно подход к революции и к массам мы считаем одной из глубоких причин большевистского и политического уклонов среди части русских анархистов в русской революции.) Мы полагаем, что никакое «революционное меньшинство» не может «начать осуществлять» социальную революцию, не может разрешить даже «первых» ее задач; и что в основе — успех социальной революции целиком зависит от того или иного участия в ней, с первых же моментов, самых широких масс населения. (Отметим также, что *лишь эти массы*, сами непосредственно участвуя в деле революции и будучи кровно заинтересованы в ней, в состоянии преодолеть неизбежные вначале ошибки и недочеты). А если это так, если плодотворная социальная революция есть дело широчайших масс, то первое необходимое ее условие есть *колоссальное, всеохватывающее, непреодолимое разрушение старого, приводящее эти массы в состояние непрерывного движения и не дающее им возможности ухватиться за что-либо прочное, устойчивое*.

Далее. В революцию должны быть брошены широкие массы населения не только одной страны, но, по меньшей мере, *нескольких крупных стран*. Без этого условия, она не может развернуться в революцию социальную. А это необходимое условие осуществимо лишь на почве длительной социальной катастрофы (или ряда катастроф) и исчерпывающего разрушения, *носящих международный характер*. Лишь на этой почве возможно начало всасывания в революционный процесс — и в новый порядок вещей — широких международных масс, — всасывания, которое впоследствии пойдет вперед всё более интенсивным темпом в силу разветвляющихся дальнейших условий. (Роль этих дальнейших — *созидательных* — условий успеха социальной революции, — как в отдельных странах, так и в международном масштабе, — будет рассмотрена в своем месте).

Французская революция 89 г. была велика и приближалась к социальной, прежде всего, потому, что она имела в основе и развернула великое разрушение. Разрушение это, однако, было недостаточным — как пространственно (количественно), так и по существу (качественно). Оно охватило одну только Францию.

И оно не шло до конца: принцип собственности и принцип политический не были разрушены этой революцией. Здесь — одна из причин того, что она не могла стать Великой Социальной Революцией.

Итак, *исчерпывающий интернациональный разрушительный процесс* необходим, прежде всего, для того, чтобы привести в движение, чтобы выбить из колеи, оторвать от всех прежних «устоев», от мирного «домашнего очага», от имевшегося уюта и — бросить на улицу, на баррикады, в бурю, в бунт, в революцию самые широкие массы населения в международном масштабе. Без этого условия, без такого гигантского разрушения — социальная революция невозможна.

* * *

Сторонники хозяйственного расцвета, как необходимого условия успешной социальной революции, говорят нам: — Для успеха последней, нужна — с самого начала — *солидная материальная база*. С одной стороны, нужен хороший запас всякого рода ценностей, за счет которого революция могла бы держаться и развиваться первое время, пока она еще не создает ценностей новых, не развернула нового хозяйственного процесса, не стоит еще твердо на собственных ногах; с другой, — в целях скорейшего преодоления неизбежной заминки и успешного развития новой экономики, — революция должна перенять хорошо действующий и богатый хозяйственный механизм. Лишь при цветущем состоянии хозяйства, социальная революция будет иметь время и возможность пережить неизбежное смутное, переходное состояние и укрепиться.

Мы не можем согласиться с этой точкой зрения.

Если даже допустить *теоретически*, что цветущее состояние капиталистического хозяйства и «солидная материальная база» являлись бы для перспектив *одержавшей победу* революции известным плюсом (что весьма оспори́мо), то *фактически*, — думаем мы, — дело никогда не дошло бы до этого предполагаемого «плюса», так-как на-лицо имелся бы, несомненно, реальнейший всепокрывающий минус, который не дал бы революции не только победить, но даже возникнуть, — то-есть, снимал бы вовсе с очереди самый вопрос о революции.

В самом деле, представьте на минуту, что экономическая жизнь капиталистических стран и весь «нормальный» общественный уклад не разрушены. Не рассуждайте отвлеченно о «ма-

териальной базе революции», а нарисуйте конкретно картину хозяйственного процветания, благополучия и довольства: производительные силы растут, производство идет полным ходом, промышленность и сельское хозяйство работают интенсивно, размахисто; продукты увеличиваются в числе и дешевеют; обмен совершается легко, гладко; население, в своей массе, чувствует себя спокойно, уверенно, даже уютно, и занимается изо дня в день своими маленькими делами, грешками и развлечениями... Мещанская жизнь течет привычно, плавно, привольно... Защитные силы «общества» исполнены сознания своей полезности и прочности... Всё — мирно и тихо. Народная мысль — спит... И очередной промышленный кризис, конечно, изживется путем... Мыслима ли, при таких условиях, *социальная революция*? Можно ли представить себе таким подлинный фон ея? Кто пойдет на нее? Что даст ей необходимый физический толчок и размах?... Нам совершенно ясно, что, в современном мире, нарисованное положение вещей может служить фоном лишь для мещанского застоя, но отнюдь не для гигантского взрыва и не для грандиозного длительного движения, которые возможны лишь в условиях массовых страданий, массовой неудовлетворенности, массовой жизненной неустойчивости. И мы считаем, что в деле социальной революции решающее значение имеет наличие живого *революционного человеческого материала*, а не груды мертвых вещей. Мы полагаем, что истинный «материальный базис» социальной революции есть живая *масса* — страдающая, ищущая, движущаяся, борющаяся и, наконец, творящая, а не мертвый инвентарь капиталистической казармы.

Преувеличенное представление о значении «материальной базы» мы считаем также, по существу, тесно связанным с идеей «революционного меньшинства», с непониманием подлинной роли разрушения и масс в революции. Мы думаем, что некоторые анархисты, пришедшие к большевизму яко-бы на почве *отсутствия* материальной базы, едва ли не еще быстрее пришли бы к нему, *если бы такая база имелась*. Дело здесь не в материальной базе, а в «базе» духовной — в исходных точках мировоззрения.

* * *

Отметим еще одно обстоятельство.

Мы видим в наши дни, как упорно, как энергично сопротивляется революции даже по-

дорванный, даже распатанный, даже смертельно раненый капитал. Каково же должно быть *сопротивление цветущего и мощного капиталистического организма!*.. Мы убеждены, что ему не стоило бы ни малейшего труда решительно раздавить революцию в самом начале, если бы она, таки, вспыхнула... Но она и не вспыхнет при хозяйственном расцеде. Бодрость, сила, здоровье капиталистического организма и социальная революция — понятия несовместимые.

Вдумайтесь глубже в громадную *силу инерции* налаженного, нормально работающего *общественного механизма нашего времени*. Эта сила засасывает, оглушает, приручает. Миллионы людей настолько привыкают к извешному жизненному укладу, что в обычной повседневной обстановке им и в голову не приходит мысль о необходимости и возможности крушения этого уклада, изменения этой обстановки.

Сила инерции капиталистического общества подавляющая. Его защитные силы — громадны. Его сопротивляемость, его приспособляемость — изумительны. Лишь интенсивный процесс разрушения капитализма вместе со всем его общественным, бытовым, культурным и духовным укладом может преодолеть эту инерцию, разложить эти силы, разбить эту сопротивляемость и создать «материальную базу» для успешной социальной революции.

* * *

Коснемся и еще одной стороны вопроса.

Если только не возлагать утопических надежд на то или иное «революционное меньшинство», то полагать, что массы когда-либо смогут совершить социальную революцию *в период капиталистического подъема и благополучия* — значит быть *относительно масс величайшим оптимистом*. Это значит — вольно или невольно — предположить у широких масс наличность такого уровня сознательности, идейной и революционной активности, духовной и физической сплоченности, какого они в капиталистическом и властническом мире никогда не достигнут.

Курьезно, что именно такие «туманные оптимисты» считают нынче, наоборот, меня и разделяющих мое мнение беспочвенными оптимистами, а себя — если не пессимистами, то, во всяком случае, трезвыми скептиками. Еще любопытнее те «скептики», которые определенно утверждают, что с такими массами, каковы

они теперь, сделать, конечно, *вообще ничего нельзя*, и что следует, прежде всего, медленной и упорной работой воспитать грядущие, более культурные, сознательные и подготовленные массы. (Здесь затрагивается один из интереснейших вопросов — о «подготовленности» масс к социальной революции и о роли сознательности и стихийности в революционном процессе. Как я уже упоминал, подробно о массах, об их роли и об элементах социальной революции будет речь впереди. Но я должен здесь коснуться этого вопроса постольку, поскольку речь идет об учете здесь же значения разрушительного процесса).

Когда я, — на почве развевывающегося ныне в международном масштабе небывалого разрушения, — допускаю, что мы вступили в эпоху социальной революции, мне говорят: — Это — фантастический оптимизм. Это — утопия. Посмотрите, на что похожи современные массы. Они утомлены, истощены, забыты материальными заботами... Они сбиты с толку, разочарованы во всем, распылены... Они инертны, ленивы, грубы, темны, пропитаны мечтательством, трусостью, развращены, эгоистичны... Они готовы пойти за всяким, кто силен или кто обещает им лишний кусок хлеба (возьмите, хотя бы, Италию, где широкие массы целиком пошли за Муссолини)... И эти-то нынешние массы вы считаете способными к социальной революции?! И с ними вы хотите совершить ее?!.. Вы цепляетесь за разрушение и на него возлагаете ваши надежды... Неужели же вы не видите, что разрушение — неблагоприятная почва для бодрого и сознательного действия масс, и что социальная революция возможна станет лишь тогда, когда массы, — на почве общего подъема и расцвета, — будут более здоровы, энергичны, культурны, сознательны?..

Таков современный «скептицизм» многих и многих.

Я спрашиваю, прежде всего: — Разве ожидать *таких* масс и *такой* социальной революции не есть *самый подлинный, самый утопический, самый бесспорный оптимизм?*

Я говорю: — Да, массы забыты, темны, инертны, и пр., и пр. Я знаю это очень хорошо. Я знаю, что массы готовы «пойти за всяким»... Я знаю о массах, пошедших за Муссолини (я, однако, прекрасно понимаю сущность этого явления, и оно несколько не смущает меня)... Да, я знаю современные массы... Но я так же хорошо знаю, что они *никогда и*

не будут иными, никогда не станут «лучшими». Я знаю, что социальная революция, — когда бы она ни разразилась, — неизбежно и всегда будет иметь дело с таким же человеческим материалом, *каков он сейчас* (если не с еще «худшим»). Вот почему, все скептические соображения «пессимистов» не только не противоречат мне, но как-раз подтверждают мою точку зрения. Я не только согласен с ними, — я иду дальше их. Я утверждаю, что не только современные массы «плохи», но что *массы* (при капитализме и при власти) *всегда будут столь же «плохи», и иными быть не могут.*

Именно отсюда я прихожу к своему выводу.

Я смотрю истине прямо в глаза и ставлю вопрос: *какая же сила приведет, в таком случае, эти массы к революции?*

Я отвечаю: *стихия.*

Стихия разрушения.

Стихия — вот первая движущая сила революции. Стихия — вот пролог и начало ее. Стихийные процессы открывают ее.

Всёобщее разрушение есть действенный рычаг этой стихии: он раздувает и поддерживает стихийный процесс в течение всего необходимого времени. И если еще не теперь, то впоследствии — социальная революция начнется с подобного же разрушения. (Отметим вскользь здесь же, что потенциальная способность к *созиданию*, к *строительству* всегда присуща массам. Но, — в силу слепоты и других отрицательных свойств широких масс, — эта способность скажется не сразу. Первая, *разрушительная* часть социальной революции может быть лишь *стихийным* процессом. *Созидательная* же ее часть явится, в громадной степени, *сознательным* актом, основные элементы которого окончательно выработаются и распространятся на широкие массы именно в процессе разрушения. Таким образом, скрытая творческая сила масс заговорит позже, и ее роль выявится лишь в дальнейшем ходе революции).

Таковы мой «оптимизм» и «пессимизм» иных. В конце концов, эти последние таки, действительно, — пессимисты. Но не потому, что не верят в социальную революцию сейчас, а потому, что, по существу, не верят в нее вообще. И если я — оптимист, то не потому, что верю в социальную революцию ныне, а потому, что твердо убежден в ее неизбежности и необходимости, и ясно представляю себе ее рычаг. Нынешнее же разрушение, — считаю я,

— дает лишь серьезный повод думать, что *стихийный фактор* выполнит, на этот раз, свое дело до конца и распахнет настежь двери социальной революции. Мы должны быть готовы к тому и сделать всё, от нас зависящее, чтобы ускорить и облегчить *процесс нарастания подлинной сознательности.*

Мне говорят, что разрушение — неблагоприятный фактор?

Я отвечаю: — Во-первых, события, — как это станет еще яснее впереди, — говорят иное. А во-вторых, всё зависит от характера и от обстановки разрушения. Я думаю, что именно разрушение *до конца*, разрушение *неумолимо продолжающееся, полное и безысходное*, — в обстановке нынешних материальных и духовных достижений человечества, — неумолимо же приведет к желанной, к исчерпывающей революции. И тогда — приложится остальное.

* * *

Итак:

Разрушение необходимо для того, чтобы привести в движение и бросить в революцию требуемые для ее осуществления океанические людские массы. Пока революция составляет предмет обсуждения и деятельности едва заметных человеческих групп, — Социальная Революция невозможна.

Разрушение необходимо для Великого Бунта — этого существенного элемента и пролога Социальной Революции. Пока не восстают миллионы, — о социальной революции нечего и думать.

Разрушение необходимо для того, чтобы взбаламутить сверху до низу стоячее болото мешанской жизни и превратить его в бушующий океан, который должен выбросить из недр своих всю накопившуюся гниль тысячелетий и создать простор для построения жизни новой. Пока миллионы живут интересами мешанской повседневщины, — Социальная Революция немислива.

Разрушение необходимо для того, чтобы разбить подлую инерцию крепко установленной и налаженной машины человеческого прозябания, чтобы сломить чудовищную сопротивляемость старого общественного механизма, взорвать его приспособляемость, расшатать, разложить, расстроить его защитные силы. Пока людям есть еще, за что цепляться, — пока работают фабрики, конторы, магазины, банки, пока поступают налоги, пока нормально ходят поезда, пока блещут и кипят жизнью ули-

цы городов, пока мирно существуют обыватели, пока добросовестно служат чиновники, пока послушна армия, ревностна полиция и зорка охрана, — о Социальной Революции можно только мечтать.

Разрушение необходимо для того, чтобы поднять стихию, — чтобы дать развернуться тому стихийному процессу, без которого Социальная Революция неосуществима.

* * *

Всё вышензложенное прекрасно иллюстрируется рядом примеров.

Первый из них — *самое развитие русской революции 1917 г.*

Как известно, не партии, не группы, вожди или руководящие организации, не «культура» и не сознательно выработанные планы произвели февральскую революцию. *Стихийные события*, полная разруха и голод привели в движение и бросили на улицу широкие массы столичного (петроградского) пролетариата со смутным протестом и с элементарным требованием: «хлеба!» Правительство не могло удовлетворить требование. Стихия развернулась дальше. Общий развал разложил войска. Полиция и охрана давно чувствовали себя неуверенно. Всеобщее разрушение и разложение позволили столичным массам, после двух-трех дней не совсем определенного и сперва несколько робкого протеста, почувствовать полное бессилие правительства и начать стихийную же *революцию*, восстание. Тот же развал привлек к революции симпатии самых широких масс населения не только столицы, но и всей страны. Еще более широкие массы остались нейтральны. Сопротивление оказалось невозможным. Стихия сделала свое дело. Революция выиграла. Затем — начался интенсивный созидательно-организационный процесс.

Ничто иное, как *продолжающееся разрушение* смело, далее, буржуазное февральское правительство.

Водворение демократии, коалиции, правительство Керенского (апрель-май 1917 г.) были восторженно приветствованы весьма широкими массами населения. Критика нового правительства и борьба против него были вначале делом нелегким. Еще в июле-августе 1917 г. выступать публично против Керенского было небезопасно: случаи уличной расправы с подобными смельчаками были нередки — даже в столицах. Близоруким людям могло на миг пока-

заться, что демократическая коалиция водворилась прочно. Оно, возможно, так и было бы... Но — *неудержимое разрушение и связанное с ним продвижение революции* убили коалицию, не дав ей даже начать крепнуть. Передовые пролетарские массы (Кронштадт, Петроград) пришли в движение уже к июлю. К концу сентября разочарование было широким и полным. Агитация против правительства приобрела громадную силу. Всякая возможность для него укрепиться, всякая база исчезли. Помощь извне была, благодаря войне, тоже невозможна. В октябре пал Керенский, пала демократия. Разразилась «коммунистическая» (большевистская) революция. —

Одну из основных причин неудачи *движения 1905—6 г. г. в России* мы видим именно в том, что необходимые элементы разрушения и стихии тогда вовсе отсутствовали. —

В отсутствии необходимой, для успеха *социальной революции, полноты разрушения* мы видим одну из глубоких общих причин того, что *революция октября 1917 г.* — с одной стороны, не дала еще, сама по себе, полного результата, а с другой — всё же, овладела на время положением. (Подробнее об этом, — в связи с вопросом о роли различных факторов в судьбах октябрьской революции, — будет речь впереди). —

Незаконченностью окружающего процесса разрушения объясняем мы, в основе, неудачу *итальянского революционного движения осенью 1920 г.* —

Если *германская революция 1918 г.* не пошла дальше демократии и коалиции, то это объясняется, в значительной степени, всё той же основной причиной: разрушение и связанный с ним стихийный процесс не зашли еще настолько далеко, чтобы дать развернуться более глубокой революции. —

Все эти (и некоторые другие) революционные движения последних лет суть лишь этапы по пути движения всемирной социальной революции, — этапы, осуществляемые и дающие плод в меру развивающегося разрушения.

Отсутствие требуемого разрушения сдерживало, за все эти годы, революцию в различных странах. Это разрушение начинает теперь намечаться. В силу ряда причин, оно развивается в Европе крайне медленно. Отсюда — медленный же темп европейской революции.

Январь—февраль 1923.

Волин.

ОРГАНИЗАЦИЯ АНАРХИСТОВ

Вопрос о формах анархических организаций и, главное, о создании объединенной организации анархистов различных течений и разных стран — один из насущнейших и злободневнейших наших вопросов. Недаром он не сходит ни со столбцов нашей печати, ни с «порядков дня» наших конгрессов и съездов.

Мы предлагаем этот вопрос вниманию товарищей и ставим его на самое широкое обсуждение, предоставляя одинаковую свободу всем мнениям. Впоследствии мы попытаемся установить определенную точку зрения на этот вопрос и, таким образом, придвинуть его к практическому решению.

Даем место первой, поступившей в редакцию, статье по этому вопросу.

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ АНАРХИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

От автора. — Предлагая вниманию читателей эту статью, я только хотел поставить на обсуждение вопрос о формах анархической организации. Я желал *поставить* вопрос, какие формы анархической организации являются наилучшими, и какими принципами нужно руководиться, основывая анархическую организацию, а также постарался по мере своих сил ответить на эти вопросы. Я буду вполне удовлетворен, если эта статья вызовет обмен мнений по выдвинутому мной вопросу.

Еще одно замечание. В этой статье я затрагиваю вопрос только о формах чисто *анархической* организации, то-есть я говорю только об организациях, состоящих из анархистов и симпатизирующих анархизму, и совершенно обхожу вопрос о формах тех массовых организаций, работа в которых возможна и желательна для анархиста.

Как я мог вынести из опыта, в настоящее время анархисты или люди, называющие себя анархистами, объединяются в организации трех типов:

1. Организации партийного (политического или экономического, или же соединенного) типа.

2. Технические организации.

3. Организации смешанного типа.

Под организациями *партийного типа* я понимаю организации, отличающиеся следующими особенностями:

а) членом такой организации может быть человек, придерживающийся определенных заранее взглядов, исповедующий определенную программу;

б) член такой организации во всей своей деятельности обязан руководиться постановлениями высшей инстанции и находиться в зависимости от стоящего над ним руководящего центра;

в) организации этого типа целью своей деятельности ставят захват в свои руки какого-либо аппарата (политического или экономического, или же соединенного), регулирующего общественную жизнь, и — при его помощи, как орудия, — проведение сверху своей программы.

Примерами такой организации могут служить:

1. Секция *анархо-универсалистов* (*интериндивидуалистов**). Эта группа проповедует следующую теорию (творцом которой является Гордин): Анархизм, это — чисто-политическое учение, и задача анархизма заключается в перестройке политической жизни человечества, после того, как большевики перестроят экономическую жизнь на основах коммунизма. Для достижения своей цели, группа проповедует борьбу за захват в свои руки существующих в настоящее время советов и пред-

* Не смешивать с организацией «Анархистов - Универсалистов», от которой откололась вышеуказанная группа, и которая была разгромлена советской властью в конце ноября 1921 года.

лагает, получив в них большинство, декретировать анархизм. Причём, в анархическом строе оставляется почти без изменения теперешняя советская система со всеми ее атрибутами; корректив вводится лишь в виде всенародного голосования (референдума) для проведения в жизнь основных законов.

Для данного времени — Группа проповедует всемерную поддержку советской власти и Коммунистической Партии, так-как, де, большевики проводят в области экономики ту самую революцию, которую *после* них должны провести анархисты в области политики.**)

2. *Российская Конфедерация Анархо-Синдикалистов* и продолжавшее ее деятельность *Заграничное Бюро по созданию Р. К. А.-С.* (после того, как эта организация была разгромлена в марте месяце 1921 г.).

Цели и стремления этой организации можно выразить так: постепенный захват органов управления промышленностью и, пользуясь ими, проведение в жизнь своей программы.

В этой организации особенно ярко выражен второй из указанных мною признаков организации партийного типа. Так, в «*Проекте Устава Российской Конфедерации Анархо-Синдикалистов*» говорится (раздел IV, параграф 2-й): «Все организации и члены Р. К. А.-С. автономны в своих действиях и решении всех вопросов. Принципиальные вопросы программы, тактики и организации окончательно разрешаются лишь Всероссийским Съездом Р. К. А.-С.»***). Иными словами, провозглашается принцип автономии, но он в действительности остается на бумаге, и всё зависит от Всероссийского Съезда.

Благодаря тому, что члены таких организаций распадаются на два слоя, — на руководителей и руководимых, — в таких организациях наблюдается следующее явление:

С одной стороны, «вожди» (руководители) организации выдвигаются вперед, блистают на авансцене и приучаются смотреть на себя, как на людей высшего порядка, — на незаменимых работников, без которых нельзя обойтись, и которые должны взять на себя обязанность погонять человеческое стадо. Они приучаются смотреть на себя, как на непогрешимых проро-

ков истины, свысока третировать своих противников и лиц, стоящих ниже их; смотреть на себя, как на сверхчеловеков; требовать себе привилегий. И весь этот слой «вождей», «пропагандистов», «секретарей» и т. д. в такой организации превращается мало-по-малу или в чиновников — людей, дорожащих своим местом, или в нетерпимых фанатиков, готовых своими руками задушить всякого с ними не согласного, или же в людей, объединяющих в себе оба эти качества.

С другой же стороны, рядовые члены такой организации приучаются всей деятельностью своих вожakov к полному подчинению им и полной от них зависимости; и, вместо критически мыслящей личности, превращаются в вымуштрованных солдат революции, способных только «не рассуждать» и погибнуть по знаку «вождей».

В конце концов, организация подобного рода, вместо школы борцов за полное освобождение человечества от гнёта и насилия, превращается в орудие, с помощью которого вожди данной организации по спинам ее рядовых членов добираются до хорошего положения и приобретают право на кусок общественного пирога. А в низах таких организаций, вместо психологии борьбы, чувства собственного достоинства и независимости, вместо личной инициативы, вырабатывается психология подчинения вождям, привычка действовать по чужой указке, отсутствие критического чутья и вера в непогрешимость вождей; то-есть, именно те отрицательные свойства и те элементы человеческой психологии, против которых борются анархисты и которые они стремятся искоренить в себе самих.

Я лично придерживаюсь мнения, что коренные различия во взглядах анархистов вполне понятны и необходимы, и разделение анархизма, как теории, на ряд отличных друг от друга идеологических течений только плодотворно. Я даже нахожу, что синтетическое течение создаст только новое ответвление в анархизме. Но это не мешает мне считать вполне возможным *объединение анархистов*, несмотря на всю разницу их взглядов и убеждений, в организации, ставящие себе определенные *технические* задачи: постановку дела пропаганды, издательства, ведение культурно-просветительной работы в анархическом духе среди широких масс населения, работа в разного рода комиссиях и союзах защиты или противодействия и в других — бесконечно раз-

**) Желающие познакомиться более подробно с этим течением найдут его обоснование в брошюре: *Л. Гордин. «Анархизм - Универсализм (К обоснованию программы)»*. (Издана в Москве в 1920 г.) и в издававшемся в Москве с 1921 года журнале: «*Через социализм к анархо-универсализму*».

***) См. брошюру «*Вместо программы*», изд. Заграничного Бюро Анархо-Синдикалистов», стр. 41. Вообще, эта брошюра дает полное представление о духе этой организации.

нообразных — объединениях, основанных на известной *программе действия*, в противоположность организациям, основанным на *исповедании данных идеологических положений*. Последние организации, особенно построенные централизованно и основанные на подчинении всей деятельности их членов руководящему центру, я прямо нахожу *извращением* анархизма и явлением глубокоотрицательным, так как такие организации раскалывают анархическое движение на ряд *враждующих между собою группировок*, создают узкую нетерпимость к чужому мнению, вызывают недоверие между товарищами, а также распыляют силы анархистов на взаимную борьбу, вместо разрешения прямых задач анархизма.

Под *технической организацией* я понимаю организацию, отличающуюся следующими признаками:

а) Члены такой организации сходятся не на исповедании определенных взглядов и идеологической программы, а на *определенной программе действия* для достижения известных целей. Поэтому, для членов организации этого типа не требуется иметь совершенно одинаковые взгляды по всем вопросам, а только согласие на данную программу действия;

б) В своей деятельности, не связанной с работой в данной организации, члены ее вполне независимы и могут подвергнуться осуждению только за неблагоприятные и порочащие поступки или за принесение вреда анархическому движению. Зависимость члена такой организации продолжается до тех пор, пока данный член ее исполняет взятое на себя поручение или исполняет определенную функцию в ней. Исполнив же взятое на себя обязательство, он освобождается от зависимости;

в) Объединяющий орган такой организации не может продиктовать какого бы то ни было решения, а может только поставить на обсуждение данный вопрос, и после согласия всех членов организации на данное решение, это решение входит в силу;

г) Целью организации этого типа является не захват в свои руки управления обществом (всё равно, с помощью захвата политического или экономического аппарата управления), а или воспитание работников и борцов за идею полного освобождения человечества от гнёта и насилия, или достижение известных целей, способствующих скорейшему переустройству

человеческого общежития на началах возможно большей свободы и независимости личности, как в материальном, так и в моральном отношениях.

Примерами такой организации могут служить: многие анархические организации начала революции 1917 г., которые ставили себе целью пропаганду анархизма в широких массах населения; анархические и толстовские коммуны, проводившие на практике идею свободного коммунизма; разного рода технические комиссии, вроде «Черного Креста» или «Рабочей Издательской Группы», и мн. др. организации, проводившие идеи анархизма в какой-либо области человеческой жизни (напр., в области воспитания).

Такие организации наилучшим способом удовлетворяют двум основным требованиям, предъявляемым анархической организации: возможно большая концентрация сил и возможно большая независимость каждого из ее членов. В такой организации встречаются люди, хотя и разных взглядов, но воодушевленные одной идеей; и они приучаются как критически мыслить, так и уважать чужое мнение; приучаются активно реагировать на все события, не ожидая приказаний «вождей» (то есть, к личной инициативе). В то же время, члены этой организации могут целиком сохранить свою независимость во всех тех областях своей деятельности, которые не захватываются работой в данной организации. Итак, повторяю, — участие в организации технического типа не требует от вступающих в неё: по такому-то вопросу веруй в то-то и то-то, и потому не насилует личных взглядов каждого ее члена.

Исходя из всего вышеизложенного, я прихожу к выводу, что техническая организация является наилучшим типом анархической организации, и анархисты должны стремиться к построению своих организаций по этому типу.

Кроме организаций партийного типа и технических организаций, встречаются еще *организации смешанного типа*. Такие организации обычно строятся следующим образом: они основываются на известной *программе действия*; но, в то же время, объединяются еще и на известной *идеологической платформе*. Смотри по преобладанию первой или второй программы, эти организации приближаются или к организации партийного типа, или к организации тех-

нической. Наряду с тем, что организации смешанного типа вполне приемлемы для анархистов, — всё же, эти организации, требуя от своих членов принятия определённой идеологической платформы, суживают объединение, так-как в эту организацию не могут вступать те лица, которые, хотя и согласны работать в данном направлении, но не согласны с идеологической платформой данного объединения. Это явление часто вызывает существование параллельных организаций, работающих в одном и том же направлении, но только имеющих разные точки зрения на те или иные идейные вопросы. Эти организации часто даже вступают в борьбу между собой, чем вызывается только ненужная трата и распыление сил анархистов.

Как пример такой организации можно привести: «Конфедерацию Анархистских Организаций Украины «Набат» *).

Целью этой организации было — объединить всех анархистов на определенной работе; но, одновременно с выработанной программой действия, этой организацией была принята Декларация, и чтобы работать в этой организации, требовалось принятие её **). Поэтому многие товарищи и не вступали в эту организацию, несмотря на сочувствие ей (целям ***).

Хотя к организациям смешанного типа и относится большинство анархических организаций, но, по моему мнению, эти организации страдают крупным недостатком. Именно, они вызывают существование параллельных организаций, стремящихся к одной и той же цели, — организаций, часто ведущих борьбу между собой и тем самым непроизводительно тратящих и распыляющих свои силы, вместо того, чтобы употреблять их на непосредственное достижение поставленной цели.

По моему мнению, участие в таких организациях вполне приемлемо для анархиста, но он должен, всё же, стремиться к тому, чтобы

* См. «Декларация и Резолюции» первой конференции «Набат» (Изд. Рабочей Издательской Группы в Аргентине, 1922 года).

** См. «Резолюции Первого Съезда»: IX. О нашей организации и её деятельности. Раздел 2), п. а): «Наша организация является не механическим соединением анархистов различных толков, держащихся — каждый — своей узкой точки зрения и, поэтому, бессильных оказать существенную идейную помощь исканиям широких трудовых масс (тип так-называемой «ассоциации»), во объединение товарищей на почве: во-первых, принципиального сходства в некоторых основных положениях (см. декларацию первой Конференции) и, во-вторых, понимания необходимости планомерной, организованной совместной работы (тип «Федерации»).

*** Об этом говорит т. Н. Руденко в брошюре «На Украину» (Изд. Рабочей Издательской Группы в Аргентине, 1922 г.). См. отдел о работе анархистов, особенно стр. 20—21.

такие организации перестраивались в организации технического типа.

Резюмируем всё сказанное.

Из тех трех типов, по которым строятся анархические организации (не надо забывать, что я говорю только об анархических организациях, т.-е. состоящих из анархистов и сочувствующих анархизму), организации первого (партийного) типа я нахожу вредными и несоместимыми с духом анархизма, так-как в них поддерживаются и развиваются как-раз те властнические и рабские тенденции, на борьбу с которыми должны быть обращены силы анархизма.

Организации третьего (смешанного) типа, наряду с достоинствами чисто технических организаций, впитали в себя ряд отрицательных черт организаций партийного типа. Поэтому я нахожу, что участие в организациях смешанного типа вполне приемлемо и даже необходимо для анархиста, но анархисты должны стремиться перестраивать их на более совершенных началах.

Что касается организаций второго (технического) типа, то я нахожу эти организации наиболее подходящим и желательным типом анархической организации. Я даже считаю, что только такие *технические* организации и соответствуют духу анархизма; и анархисты должны стремиться строить свои организации по этому типу.

В заключение, прибавлю несколько слов в том предположении, что вопрос обудет обсуждаться и далее.

Я не считаю, что организации технического типа, о которых я говорю, как о наилучших анархических организациях, лишены недостатков; и наоборот, организации партийного типа лишены известных достоинств. (Я вообще не знаю абсолютно хороших или абсолютно плохих организаций.) Я только считаю организации технического типа наиболее удовлетворяющими принципу анархической организации: возможно большая концентрация сил при наибольшей свободе и независимости каждого члена. По моему мнению, анархизм и является движением к возможно большей свободе и независимости отдельной личности и может исходить только от личности и руководиться интересами личности.

Гай Вагенд.

РУССКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НЭПА

Всякому памятно, как, с захватом в октябре 1917 г. власти, большевики декретным порядком начали вводить в стране государственный коммунизм. При этом, во главу своего «коммунистического» строительства они положили принцип полной национализации (огосударствления) органов народного хозяйства и, прежде всего, национализации промышленности и торговли.

Подчинение хозяйственных органов государству проводилось настолько полно и абсолютно, что весь коммунизм большевиков выявился, в конце концов, лишь как система государственного управления народом.

Результаты такого «строительства» немедленно сказались в развале хозяйственного организма страны.

Да иначе и быть не могло. Революция первое время неизбежно должна была произвести известные потрясения и развал в хозяйстве. Этот развал мог быть преодолен и заменен творческим процессом при условии, если главные силы хозяйственного организма — трудовые массы — примут активное и полное участие в революционном строительстве.

Однако, государственный коммунизм большевиков строился на обратном принципе: трудовые массы были низведены до роли простых автоматов, всё же делалось по указке партии.

Последствием такого положения явилось усиление разрушительного процесса в хозяйстве, вызванного революцией.

В конце концов это разрушение обозначилось столь глубоко и повсеместно, что для компартии стала ясна неизбежность крушения её власти при условии дальнейшего проведения начал государственного коммунизма. И вот, начиная с 1921 г., она делает крутой поворот в области хозяйственной политики.

Смысл этого поворота заключается в том, что, вместо казенного коммунизма в области производства и распределения, советская власть вводит в промышленности и торговле

начала частного заработка и хозяйственного (т.-е. капиталистического) расчёта. Государственно-капиталистический трест, частный предприниматель и концессия — вот новый курс советской власти.

Так создается «новая экономическая политика». Она представляет собою попытку коммунистической партии укрепить падающее хозяйство страны, а с этим и свою власть, путем возрождения капиталистических условий и капиталистической формы хозяйства.

Посмотрим, каковы результаты новой экономической политики в промышленности за истекший год.

В № 282 «Экономической жизни» — органа Совета Труда и Обороны — от 13 дек. 1922 г. помещена статья В. Милютина, представляющая собою вступление к III-му тому труда комиссии **СТО** по подготовке материалов к X-му съезду советов, под названием: «Торговля, Промышленность и Финансы Р. С. Ф. С. Р.». В этой статье мы находим цифровые данные, представляющие промышленность России в условиях новой экономической политики.

Исследуя промышленность за 1921—1922 г., автор статьи ставит следующие главные вопросы:

1) Каковы результаты новой экономической политики в области производства крупной национализированной промышленности;

2) Какие результаты получились от выступления национализированной промышленности на рынке;

3) Каковы ближайшие перспективы для развития крупной национализированной промышленности.

По этим вопросам автор дает подробные цифровые данные, но при этом не делает никакого вывода. А между тем, самое главное в его цифровой сводке — это общие выводы, вытекающие из нея. Мы подойдем к ним в конце настоящей статьи, а сейчас остановимся на цифровом материале автора.

По первому вопросу, т.е. по вопросу о производстве, автор показывает общий рост производства, но медленный, с серьезными перепадами в некоторых частях.

Так, добыча угля повысилась на 24% по всем районам.

За 1920—21 г. было добыто 472, 3 м. п., за 1921—22 г. — 587, 7 м. п. Со второй половины добыча в Донбассе резко упала.

Добыча нефти увеличилась на 20%.

В 1920—21 г. добыто 232, 8 м. п.

В 1921—22 г. добыто 279, 9 м. п.

Заготовительная программа дров была определена в 5 милл. куб. саж., выполнена в 4,9 милл. куб. саж. (т.е. почти 100%). Но с дровами дело обстоит серьезно — в том смысле, что частная заготовка дров почти не развивается, а государственная по плановым заданиям значительно сокращена (в 1920—21 г. задание было 14 милл. куб. саж., заготовлено — 9,2 милл. куб. саж.; в 1921—22 г. задание в 5 милл. куб. саж., выполнено 4,9 милл. куб. саж.). «В виду этого, — говорит в своей статье проф. Кафенгауз (статья проф. Кафенгауза в том же сборнике, т. III, «Промышленность») можно серьезно опасаться значительных затруднений со снабжением дровами крупных потребителей уже в текущую зиму».

Добыча торфа сократилась на 9%.

В 1921 г. 139 милл. пуд.

В 1922 г. 125 милл. пуд.

Выплавлено чугуна больше на 41%:

В 1920—21 г. 7 милл. пуд.

В 1921—22 г. 10 милл. пуд.

Произведено железа и стали больше на 90%:

В 1920—21 г. 10,5 милл. пуд.

В 1921—22 г. 19,6 милл. пуд.

Прокатка готового металла увеличилась на 66%:

В 1920—21 г. 9,3 милл. пуд.

В 1921—22 г. 15,2 милл. пуд.

В химической промышленности производство серы, кислот, соды кальциевой и соды каустической в первую половину 1922 г. возросло в полтора раза, затем резко упало.

В текстильной промышленности:

Выработка суровья, пряжи, шерстяных и льняных тканей повысилась, начиная с 243% увеличения для суровья и кончая 32% увеличения для шерстяных тканей.

Наконец, как общее правило, нагрузка предприятий значительно увеличилось.

«Мы можем констатировать, — говорит автор, — общий под'ем производства. Однако, несмотря на отмеченный рост, производство в 1922 г. по сравнению с до-военным составляет 20—25%».

Совсем иной результат находит советский экономист, когда обращается к выступлению промышленности на рынок.

Автор находит, что «торговая деятельность нашей крупной промышленности принесла ей крупных убыток».

Как общее правило, выработанные в национализированных предприятиях товары шли на рынке по ценам значительно ниже себестоимости этих товаров.

В качестве примера автор приводит продажу наиболее ходкого мануфактурного товара: ситец № 6 из 2-х-пудного миткаля, до-воен. цена — 18 коп.

	Себестоимость	Объявленная цена (цена синдиката)	Цена, принятая рынком
В советских рублях			
25 марта	198.000	198.000	150.000
24 апреля	380.000	240.000	200.000
15 мая	610.000	375.000	290.000
15 июня	625.000	625.000	550.000—375.000
15 авгус.	825.000	825.000	687.000
2 октяб.	1.520.000	1.520.000	1.100.000

Убыток крупной промышленности на рынке советский экономист объясняет тем, что **ВСНХ** не имел на 1922 г. достаточно оборотных средств; поэтому его органам, трестам и синдикатам пришлось выступить на рынок крайне неорганизованно, без подготовки, благодаря чему пришлось реализовать имеющиеся товары по крайне низким ценам.

На самом же деле, национализированная промышленность несет убыток на рынке потому, что товары, вырабатываемые ею, обходятся значительно дороже обычных рыночных цен. Поэтому она хронически работает в убыток, что ведет к систематической потере капитала.

Потеря капитала естественно привела к громадному сокращению сырья и готовых товаров.

Приведем примеры.

	Хлопок		Тканн	
	На местах. Милл. пуд.	Готовые. Милл. арш.	Суровые. Милл. арш.	
На 1 янв. 1920 г.	8	483	430	
" 1 янв. 1921 г.	6	147	90	
" 1 янв. 1922 г.	2,8	Нет сведений		
" 1 авг. 1922 г.	2,7	190 (?)	65	

Такая же картина по шерсти.

На 1 янв. 1921 г. . . 1.860.000 пуд.
 На 1 янв. 1922 г. . . 1.114.000 пуд.
 На 1 сент. 1922 г. . . 0.731.222 пуд.

Хотя производство нефти возросло, однако, нефтяные запасы также уменьшились.

На 1 окт. 1921 г. . . 138,4 милл. пуд.
 На 1 окт. 1922 г. . . 069,1 милл. пуд.

По другим отраслям промышленности тоже происходит сокращение сырья и готовых товаров.

Всё сказанное относится к крупной национализированной промышленности, перешедшей на частный заработок и капиталистический расчет, но находящейся под управлением государственно-капиталистических трестов.

Что же касается той роли, какую играют предприятия, данные в концессии и в аренду, то автор считает их роль в общем народном хозяйстве крайне незначительной.

Обращаясь к перспективам развития крупной промышленности, В. Милютин находит, что, несмотря на некоторый подъем производства, перспективы эти «приходится считать тяжелыми». Единственное средство для оздоровления и укрепления промышленности он видит в субсидировании ее крупными средствами государством и подчеркивает, что если последнее теперь же не поспешит с необходимой помощью, то промышленность окажется в самом тяжелом положении.

«Укреплять крупную промышленность, — говорит автор, — надо прежде всего с этой стороны» (т.е. субсидированием).

Ближайшая субсидия на месяцы октябрь, ноябрь и декабрь должна быть, по определению В. Милютина, в 52,7 миллиардов руб. денежными знаками 1922 г., что в переводе на обычные советские дензнаки составит свыше полмиллиона миллиардов.

Отсюда мы сделаем вывод.

Несомненно, некоторый подъем производства, который отмечает В. Милютин, есть ложный, кажущийся подъем. Он основан на одностороннем пожирании старых запасов сырья и готовых товаров, имевшихся на фабриках и на местах. Параллельно с этим подъемом идет зловещий призрак в виде колоссального сокращения сырья и готовых товаров по всем отраслям промышленности. В конечном счете вопрос сводится не к подъему, а к громадному падению промышленности.

Деятели советской экономической политики заявляют, что приостановить дальнейшее падение и разложение промышленности можно лишь крупными субсидиями со стороны государства. Этим самым они выносят смертный приговор и «старой», и «новой» экономической политике большевиков, и всей их диктатуре.

Содержать промышленность на государственных субсидиях — это значит содержать на готовом иждивении весь рабочий класс городов, не могущий, благодаря все усиливающемуся развалу промышленности, обработать себя целиком.

Но из каких средств его содержать?

Само большевистское государство живет исключительно благодаря насильственным поборам с крестьянства.

Само собой понятно, что оно может субсидировать промышленность лишь средствами, образованными из этих поборов. И на самом деле, вся промышленность, с начала «коммунистического» опыта и по сей день, живет, главным образом, этими средствами.

Конечно, рабочий класс городов не повинен в таком положении. Повинна в этом та государственная система, которая придушила в массах революционную инициативу, революционную самостоятельность, и привела промышленность к параличу.

Таким образом, новая экономическая политика большевиков, как и их государственный коммунизм, вскрывают одно и то же — полное бессилие власти восстановить и укрепить хозяйственный организм революционной страны.

Новая экономическая политика показывает, что жестоко заблуждаются большевики, держа равнение на буржуазию и на царизм и надеясь методами капитализма и царских поборами с крестьян восстановить разрушенное хозяйство.

Революционная трудовая Россия не есть Россия Ябучинских и Романовых и хозяйственные методы последних не будут добровольно приняты революционными массами, даже если эти методы будут насаждаться коммунистами-большевиками.

Возрождение промышленности и вообще всей хозяйственной жизни страны возможно лишь путем высвобождения революции от оков государственности, путем революционной самостоятельности трудовых рабоче-крестьянских масс.

Металлист.

Исторический отдел

Трагедия Николаевска на Амуре.

(Отрывок из истории сибирского повстанчества).

26 мая 1920 г. — 26 мая 1923 г.

Печальная годовщина.

Три года прошло с того момента, как Николаевск на Амуре — в ожесточенной борьбе с японскими жандармами — погиб в огне, превратился в груды пепла и развалин...

Три года прошло со дня кровавой трагедии в далекой Сахалинской тайге. Я говорю о расстреле, — вернее, о вероломном убийстве, — по попустительству и с одобрения Р. К. П., революционно-партизанского штаба и членов Обл. Исп. Комитета Советов Сахалинской обл. Я говорю о тех жертвах, которые «буферными» коммунистами принесены были на алтарь японского милитаризма, как жертвы искупления за гибель японского гарнизона в Николаевске на Амуре.

То было в дни, когда в погоне за властью, в погоне за признанием «буферной» власти со стороны японского военного командования, Р. К. П. на Д. В., сойдя с пути революционной борьбы с японской интервенцией, предпочла революционной борьбе мирное изживание интервенции — дипломатические переговоры со штабом японских войск.

То было в дни так-называемой «буферной горячки», когда Р. К. П. на Д. В., слепо проводя директивы центра, все силы, всю энергию свою направила на борьбу с оппозиционно-настроениями крестьянами и рабочими, — с революционными партизанами, выносившими на своих плечах всю революционную борьбу и не понимавшими ни цели, ни смысла «переходной стадии».

Какой бы то ни было ценой, — хотя бы ценой жизни населения и своих идейных противников, — лишь бы удержаться у власти! Такова была в то время тактика Р. К. П., продиктованная из Ц. К. партии и энергично проводившаяся в жизнь его представителем В. Виленским-Сибиряковым на Дальнем Востоке.

Сахалинская трагедия — результат этой тактики.

Трупы максималистов *Нины Лебедевой* *) и *Осипа Павлицкого*, анархиста *Тряпицына* **, коммунистов *Железкина*, *Сасова*, *Харь-*

ковского и др. устлали и без того обильно залитый кровью «триумфальный» путь «буферной» колесницы Р. К. П. на Дальнем Востоке...

Трупами убитых «буферные» коммунисты пытались смягчить гнев японского военного командования и остановить ход развертывающихся событий — грядущую оккупацию края японцами.

Но трупы *Нины Лебедевой*, *Тряпицына*, *Сасова* и др. павших партизан не остановили ход кровавой колесницы японской интервенции, и она, утопая в крови населения, двигалась все далее и далее, сметая на своем пути деревни и села, разрушая города, уничтожая богатые народные достояния...

Жертвы оказались напрасны. Япония все-таки тогда оккупировала Николаевский район. Коммунисты не удержались у власти. А Япония в противовес Москве создала свой черный «буфер» в Приморье.

Петля интервенции еще ту же затянулась на шее русского населения Дальнего Востока.

* * *

На Чаньчунской конференции Ноффе на притязание Японии «компенсации за Николаевские события» ответил: «*Русское правительство не может взять на себя ответственность за действия красных партизан*».

Не странно ли? Возлагая ответственность за Николаевск на Японию, русское правительство, в то же время, не хочет отвечать за действия красных партизан... Как будто Россия — одно, а красные партизаны — другое... Впрочем, так оно и было в действительности. Р. К. П. — правительство России — действительно было одно, а красные партизаны, трупами своими устилавшие путь союзной интервенции, кровью своей заливавшие сопки и равнины, поля и леса необъятной Сибири, являлись для правительства той «оппозицией», с которой так «удачно» в Николаевске на Амуре расправился уполномоченный Ц. К. Р. К. П. на Д. В. — Виленский.

Три года минуло с тех пор.

Дерном заросли могилы павших под ударами японской интервенции. Время затянуло рапы...

Кто же подлинный виновник Николаевской трагедии, уничтожения города, гибели населения и народных богатств?

*) *Нина Лебедева* — бывш. политическая ссыльная. Занимала ряд ответственных постов во время советской власти. В дни колчаковщины активно работала в подпольных организациях: состояла до июля 1919 г. членом Ревколлектива в Благовещенске; с августа до ноября — член Хабаровского Рев. Кол.; после разгрома колчаковцами скрылась в тайгу, где с 1921 г. встала во главе Партизанского Штаба.

**) *Тряпицын* — анархист, рабочий Петроградского Трубопрокатного завода.

Я надеюсь, что мои бледные строки, всё же, прольют луч света на Николаевские события.

I.

После свержения колчаковской власти в Приморской обл. (в конце января 1920 г.) силами партизанских отрядов, — вернее, вооруженных крестьян, — было приступлено к ликвидации колчаковщины и в Сахалинском районе. По мере развития военных действий в направлении Николаевска на Амуре, партизанам пришлось выдержать ряд ожесточенных боев с колчаковскими отрядами и японскими войсками. Под натиском партизан, последние вынуждены были отступить в городской район. Приблизительно с 12-го февраля Николаевск оказался оруженными партизанами почти со всех сторон. 16-го того же месяца пала крепость «Чныррах» — предместье Николаевска на Амуре. С 21-го числа партизаны приступили к обстрелу города. Находясь в безвыходном положении, без провианта и снаряжения, японские и колчаковское военное командование вступили в мирные переговоры со штабом партизанских отрядов, во главе которого стояли анархист *Тряпичин* и максималистка *Нина Лебедева*.

28-го февраля соглашение было подписано и партизанские части вступили в город. С занятием Николаевска на Амуре пал последний оплот власти Колчака на Дальнем Востоке.

Однако, заключив перемирие, японский штаб, как и во Владивостоке, скрыл у себя бывших офицеров колчаковской армии и при их содействии снабжал белогвардейцев в городе оружием и деньгами. А те, в свою очередь, находясь под защитой японского командования, вызывающе держали себя в отношении населения и Советов. Отношения между японцами и партизанами крайне обострились. Население города находилось в постоянном нервном напряжении, — в ожидании дальнейших событий.

С целью упорочить положение Советов и по возможности разрядить этим наэлектризованную атмосферу, по инициативе общественных и политических кругов всего населения решено было созвать на 12-е марта Окружный Съезд Советов Края. В этот же день намечались похороны жертв, зверски убитых и расстрелянных офицерами в Николаевской тюрьме в дни колчаковщины.

Но в ночь на 12-е марта войска, предполагая, повидимому, уничтожить неожиданным ударом командный состав, а затем и растерявшихся партизан, предательски напали на штаб и на здания расположения партизанских частей. Японцы подожгли здание штаба и открыли по нем ураганный пулеметный и ружейный огонь. Задыхаясь в дыму, члены партизанского штаба (*Нина Лебедева*, *Тряпичин*, *Лехов*, *Петров* и др.) бросились через окно, с целью перебраться в соседнее здание. Многие из них во время этой перебежки были ранены, а максималист *Петров* убит...

К полночи 12-го марта все правительственные учреждения в городе были заняты японцами. Много убитых партизан. Оставшиеся в городе воинские части разоружены. По указанию офицеров японцы производят обыски в домах, отнимая у всех оружие.

С наступлением рассвета испуганное русское население (и даже китайское), не зная причин и цели японского выступления, покинуло свои жилища и побежало из города. Там, за городом, оправившись от испуга, совместно с жителями окрестных деревень и сел, крайне возмущенных неожиданным нападением японцев, образовались партизанские отряды численностью в 20.000 штыков. Почти без всякой связи между собой, без общего командования, они вступили в ожесточенный бой с японскими войсками. Бой был упорен, беспощаден. К вечеру город представлял сплошное море огня.

Под напором преобладающих сил населения японцы начали стягиваться и сосредотачиваться в центре города. Наконец, в ночь на 14-е марта японцы силой в 600 штыков сгруппировались вокруг своего консульского здания, отражая огонь партизан с этого, ими укрепленного, пункта.

На рассвете 14-го японцы, не имея возможности к отступлению, подожгли дом консула, уничтожая в огне имущество и архив. Многие японские солдаты погибли в огне. Дом консула сгорел до тла. Японцы перебрались тогда в соседнее каменное здание. Оттуда продолжали они отстреливаться в течение еще нескольких дней. Но, наконец, последнее сопротивление их было сломлено. Город опять в руках партизан. Оставшиеся в живых японские солдаты в числе 131 человека препровождены в тюрьму.

* * *

При первых же сведениях о Николаевских событиях, а именно днем 14-го марта, Исполком в Хабаровске (как наиболее близком к Николаевску пункту) счел нужным довести о происшедшем до сведения японского штаба в лице ген. Сироодзы и Ямада. Но те отрицали всё. Наконец, ген. Ямада предложил для проверки «слухов», вызвать кого-нибудь из японского консульства в Николаевске и соглашался сделать соответствующий приказ тамошнему военному гарнизону (на японском языке).

Хабаровский исполком предложение ген. Ямада принял и передал в партизанский штаб в Николаевск. Но вызвать японского телеграфиста оказалось невозможным. По городу продолжался ураганный огонь.

На предложение Исполкома партизанскому штабу найти какой-нибудь иной исход для передачи приказа японцам, — хотя бы через постороннего японского жителя, — начальник штаба партизан *Нина Лебедева* ответила: «Все японское население, не исключая женщин, вооружено и бок-о-бок сражается с японскими солдатами. Мирного населения в городе нет.

Бой ведется всем населением. Николаевск представляет собой арену битвы».

После этих сведений, исполком Хабаровска в спешном порядке созвал на 14-ое вечером совещание у японского консула Сугино для составления и отдачи совместного приказа по телеграфу о прекращении уличных боев в Николаевске на Амуре. С русской стороны в совещании приняли участие: командующий войсками (земскими) Булгаков-Бельский и (со стороны коммунистов) комиссар иностранных дел Гейдман (советский анархист). Кроме того, были приглашены: гласный Хабаровской Думы с-р. Тимофеев (отец) и редактор газеты «Единение» с-р. Граженский. Со стороны японцев присутствовали: ген. Ямада и консул Хабаровска Сугино. Приказ был составлен без всяких споров и противоречий с обеих сторон. Создавалось впечатление, что обе стороны как-будто искренне стремились к одной цели — во что бы то ни стало остановить кровопролитие в Николаевске на Амуре. Приказ был подписан обеими сторонами и немедленно, в ту же ночь, по прямому проводу передан по назначению.

Но сражавшиеся в Николаевске японцы не подчинились изданному приказу и продолжали военные действия. Три раза по распоряжению Нины Лебедевой к ним направлялись парламентарии и три раза парламентарии обстреливались японскими солдатами. Все меры к прекращению боя, принятые штабом партизан, разбивались о фанатичное упорство японцев, решивших воевать до последнего патрона.

Днем 15 марта Хабаровским Исп. Ком. к прямому проводу был вызван командующий партизанскими отрядами *Трипцин*. *Трипцин*, будучи ранен, к прямому проводу явиться не мог. Подшла Нина Лебедева. Со стороны Хабаровска было высказано опасение, что Николаевские события — итог провокации японского военного командования.

Нина Лебедева ответила: «В Николаевске в этом никто не сомневается. Об этом догадывались в первый же момент. Для нас исхода не было, кроме вооруженного отпора. Если бы мы не взяли за оружие, — все были бы уничтожены японцами».

Затем она поставила в известность, что специальная комиссия из представителей иностранных держав уже приступила к расследованию событий в Николаевске на Амуре. Уверяла, что действия японцев будут расшифрованы, так-как в руках партизан очутились документы — предписание японского штаба в Хабаровске «очистить Николаевский район от красных банд».

С этого момента стало ясно первоначальное «равнодушие» японского командования к событиям в Николаевске на Амуре. Однако, стремясь к мирному исходу, с целью выяснения истинных виновников событий, Хабаровский Исполком предлагает японскому штабу мирным путем — путем отправки особой смешанной делегации в Николаевск — исчерпать печальный инцидент. Со стороны японцев ген. Ямада выражает свое согласие.

Создалась так - называемая «русско-японская согласительная комиссия». Цель ее была — «совместное изучение событий и наказание виновников кровопролития, независимо от того, кто бы они ни были».

Но, в последний решительный момент — момент отъезда в Николаевск, — японские делегаты поставили ряд невыполнимых условий, а именно:

«а) Японские делегаты со всего пути следования могут отовсюду по прямому проводу сноситься без переводчика на японском языке с своим штабом;

б) Хаб. Исп. Ком. берет на себя ответственность за безопасность японских делегатов в пути;

в) Хабаровский Исп. Ком. дает ручательство за *прибытие комиссии через семь суток на место назначения*».

Все пункты, за исключением последнего, были приняты. А что касается последнего, то Исп. Ком., принимая во внимание весеннюю распутицу и общую неразбериху того времени, при всем своем желании не мог дать гарантию за «прибытие в Николаевск через семь суток».

Тогда японские делегаты отказались от участия в комиссии.

* * *

Упорство японцев в их выступлении 12 марта может показаться несколько странным. Отрезанный со всех сторон, в заброшенном медвежьем углу, далекий от всякого центра, разделенный тысячеверстной тайгой, — японский гарнизон, нападая на значительно превосходящие силы местного вооруженного населения, не мог не видеть, что его дело обречено на неудачу.

Луч света на это загадочное поведение японского гарнизона в Николаевске проливают некоторые документы, опубликованные *П. Н. Милоковым* в Америке в газете «*Нью Йорк Таймс*».

Из этих документов видно, что еще «26 января 1920 года японский консул в Николаевске затребовал немедленной помощи, так как была опасность быть окруженными партизанами, и просил по этому поводу инструкции».

Распоряжением военного министра *Танака* был сформирован отряд и послан по назначению. Но из-за закрытия навигации отряд застрял в порту Огара.

Каковы общие инструкции Токийского правительства?

Они ясны из обращения командира японского гарнизона в Николаевске на Амуре майора *Ишикава* к населению 17 января 1920 года: «Зная о приближении к Николаевску разбойничьей банды партизан, я сообщаю, что все офицеры и солдаты японского гарнизона твердо решили пожертвовать своими жизнями и тем укротить любыми средствами шайку грабителей».

В то же время майор *Ишикава*, совместно с начальником Колчаковского гарнизона полк.

Медведевым, издают приказ, предлагая населению, до прихода японского десанта, подчиниться и помогать японцам, которые «оказывают существенную помощь в борьбе русских войск против красных партизан».

Таким образом, с одной стороны — японцы ждали подкрепления, а с другой — искусственно (даже жертвуя людьми) создавали повод для десанта. *)

И если принять во внимание, что штаб

*) К подобным приемам японское военное командование в Приморской области прибегало неоднократно. Так, в ночь на 5 апр. 1918 г. в Владивостоке японцами инспирировано было убийство японского подданного *Исидо* — с целью дать повод к высадке союзных десантов, что и имело место.

японских войск в Хабаровске был соединен тайным проводом с Николаевском, то ясной станет вся подоплека «мартовского путча».

Как-никак, а мартовское выступление японцев, благодаря энергичному отпору со стороны населения окрестных сел и деревень, было ликвидировано. Мирно настроенные крестьяне, возмущенные до глубины души вероломным нападением японцев, дали им должный отпор и снова очистили как от них, так и от белых офицерских банд, весь Николаевский район.

М. Володин.

(Продолжение следует).

Анархическое движение в Италии с 1914 г. до наших дней.

(Очерк I)

Как везде, так и в Италии — европейской войне посчастливилось разбить революционное движение вообще и анархическое в частности. «Реальность» войны — войны «освободительной», равно как иллюзия борьбы за «лучшую демократию» против «чудовищной тираннии» — заставили кой-кого и из анархистов забыть истинную миссию анархизма и, таким образом, помочь распространению сумбура и поражению движения.

Однако, в Италии заминка, вызванная патристическим угаром, была сравнительно незначительна, так как ужасающая реакция обрушилась тотчас же на всё революционное движение.

За последние месяцы, предшествовавшие европейскому пожару, революционный барометр в Италии стоял очень высоко: революционные вспышки имели место непрерывно, то там, то сям, от крайнего севера до южных границ страны. Крупные и продолжительные всеобщие забастовки привели буржуазный мир Италии в состояние полной неустойчивости. Этому миру грозила близкая гибель. Страна только-что закончила тяжелую колониальную войну за обладание Триполи и расплачивалась обширным и глубоким экономическим кризисом за свои юные империалистские вожделения. Безработица и стремление буржуазии к понижению заработной платы подстегивали недовольство широких трудовых масс и приводили эти массы всё в большее и большее волнение. Бунты следовали за бунтами, стачки за стачками. Движение охватило

не только городских рабочих, но распространялось также и на широкое крестьянство, которое, во многих случаях, выступало на решительную борьбу и прекрасно проводило ее.

Анархисты и синдикалисты пользовались повсюду крупным влиянием. В некоторых же областях, как например в миланской, пармской, в пределах Апулии и др., они имели за собой громадное большинство масс — в такой степени, что могли сами приводить массы в движение. Так, в мае 1914 г., по инициативе анархистов и синдикалистов возникло большое движение за уничтожение пресловутой дисциплинарных батальонов и в защиту, вообще, жертв милитаризма. По инициативе анархистов, синдикалистов и, также, республиканцев было решено, чтобы в первое воскресенье июня, когда — по обыкновению — на протяжении всего полуострова должны были состояться торжественные военные парады, все революционные партии организовали по всей Италии, в самый час этих парадов, массовые митинги протеста. Так и было сделано. И военные парады не состоялись. Однако, грубая сила полиции с ожесточением обрушилась, почти повсюду, на демонстрантов; а кое-где, как например в Анконе, произошли избиения. Известие об этих избиениях привело революционные массы в огромное возбуждение: стихийно, с изумительной силой непроизвольного порыва, массы объявили — против воли руководителей реформистских (социал-демократических) организаций — грандиозную всеобщую стачку по всей Италии. В Роман-

ской провинции, особенно, движение приняло настолько крупные размеры, что вылилось в настоящее восстание. В различных городах этой провинции монархический режим был уже объявлен павшим и развевалось знамя революции. Движение продолжалось уже целую неделю (это была знаменитая «красная неделя» июня 1914 г.). Но измена «Всеобщей Конфедерации Труда»*) подорвала движение: в тот самый момент, когда последнее, из простого протеста, стало по всей Италии переходить в подлинную революцию, эта организация объявила протест недостаточным и законченным. Уведомление об официальном прекращении движения внесло в ряды масс неопределенность и смущение, которые дали правительству возможность сломить движение. Революционеры — и, в особенности, анархисты — подверглись, после краха этого движения, жестоким преследованиям и арестам. Э. Малацесты, замешанный в большой судебный процесс, вынужден был снова начать жизнь бегенца.

Тем временем, война уже пожирала Европу, и голоса пушек гремели повсюду.

* * *

В таких условиях и в состоянии столь сильного революционного брожения Италия не могла тотчас вступить в войну — ни об-руку с Германией, с которой ее связывал определенный договор, ни с Антантой, с которой ее сближали ее «кровные» интересы. Италия объявила «бдительный и деятельный нейтралитет». Десять месяцев этого нейтралитета пошли на то, чтобы подготовить — материально и морально — вступление в войну.

Немало так-называемых «революционеров» позволили различным — и не всегда бескорыстным — влияниям вовлечь себя в круговорот империалистической политики итальянского правительства.

Среди других — следует упомянуть здесь редактора социалистического органа «Avanti», ставшего впоследствии основателем фашизма: Бенито Муссолини. Отметим также, что на этот же путь стали: почти целиком Миланский Синдикальный Союз, Пармский Синдик. Союз и многие другие синдикалистские организации. Рабочее и революционное движение было, таким образом, сломлено. В его собственных рядах начались ужасное разложение и упадок, послужившие впоследствии — во время крупных революционных движений после-военных дней — корнями фашизма.

* * *

*) «Всеобщая Конфедерация Труда» в Италии есть реформистская организация. Она находится целиком в руках социал-демократической партии. Она ведет по-настоящему и ожесточенную борьбу против организации революционного синдикализма, носившей в Италии название «Итальянского Синдикального Союза» (Unione Sindacale Italiana). — *Ред.*

Война началась. Из всей анархической прессы, довольно многочисленной до войны, одна только «L'Avenire Anarchico» смогла устоять против вихря реакции. Другие («La Volontà», редактируемая Малацестой, «Il Libertario», «Il Ribelle», «Gli Scamiciati» и т. д.) вынуждены были прекратиться: одни — за отсутствием материальных средств, другие — под ударами реакции.

Но анархизм в Италии не умер, не мог умереть. Лишь некоторые ничтожные личности, отуманенные войной, ушли из движения или же вступили во вражеский лагерь. В своем целом, анархическое движение осталось здоровым. Тысячами насчитывались дезертиры; тысячами исчезали анархисты, отказывавшиеся братья за оружие в защиту капитализма. Одна только Швейцария приютила около 17.000 итальянских дезертиров — в огромном большинстве анархистов. И в различных областях итальянского полуострова целые партии дезертиров распространились по полям и дорогам, вступая всюду в живую вооруженную борьбу с полицией.

В Италии военщина не имела и не имеет глубоких корней. Как только опынение и угар первых месяцев прошли, — масса припла в себя и не желала больше служить пушечным мясом. Известное поражение под Капорето служит тому доказательством.

Деятельность анархистов, — несмотря на громадные трудности, — оставалась напряженной и глубокой. Помимо задачи организации многочисленных дезертиров, рассеявшихся по деревням, анархисты развили всё более нарастающую пропаганду среди городских рабочих, и вскоре оказалось уже возможным издавать некоторые новые анархические газеты. В 1916 г. анархисты организовали в городке Римини нелегальный Съезд. Работа ширилась. Влияние анархистов снова быстро наросло.

* * *

Между тем, война заканчивалась. Центральные империи, — в силу ужасающего недостатка жизненных припасов, — не могли более рассчитывать держаться долгое время. А Россия указывала выход страдающему народам. Война заканчивалась... Но — недостаток становилось всё более широким и глубоким. Уже начались массовые митинги протеста против войны и за амнистию, причем полиция была не в состоянии помешать им. Трудовые массы не только не желали больше служить пушечным мясом, но требовали также амнистию тысячам и тысячам революционеров, отказавшихся от военной службы и находившихся в тюрьмах, за-границей или под открытым небом.

Пришло перемирие — и пришла амнистия, одна из самых широких, какие когда-либо в Италии имели место.

Анархическое движение принимало всё более обширные размеры и оказывало на ра-

бочие массы Италии всё более глубокое влияние.

Уже многочисленная еженедельная пресса оказывалась недостаточной (в это время имелось свыше 10 еженедельных органов). На съезде во Флоренции в 1919 г. миланские анархисты внесли предложение создать еженедельную газету. Предложение показалось довольно смелым, но не невозможным. Те же миланские товарищи взялись выработать соответственное воззвание и распространить его. Революционное движение быстро шало вперед. Революция стучалась в двери Италии. Ежедневная газета в руках анархистов была бы могучим оружием и, несомненно, выполнила бы большое и полезное дело.

Как только мысль о ежедневной газете была брошена в массы и редакторство Малатесты обеспечено, — в течение двух-трех месяцев необходимые средства были собраны, и в феврале 1920 г. ежедневный орган появился на свет.

Дело, выполненное этим органом, было колоссально — в особенности во время революционных событий 1920 г., начавшихся на почве дороговизны весной этого года и достигших своего кульминационного пункта осенью того же года, во время занятия фабрик рабочими-металлистами и захвата земель крестьянами*).

«Umanita' Nova» — так назывался ежедневник — была тогда единственным голосом, который, помимо ободрения в борьбе, давал множество необходимых советов и указаний рабочим массам, в течение долгих недель ни днем ни ночью не покидавшим фабрик. «Umanita' Nova» была, в особенности, единственной газетой, которая, — при поддержке только небольшой группы интеллигентов-коммунистов в Турине, издававших двухнедельный журнал «Ordine Nuovo», — одобряла и распространяла идею фабрично-заводских комитетов. (Именно эти последние сумели, в период занятия фабрик, удержать производство на полной высоте, несмотря на громадные и многочисленные трудности.) Широкая пропагандистская работа газеты сыграла крупную роль в деле придания этим комитетам, в их огромном большинстве, анархического характера, который смог удержаться до самых тех пор, когда измена вождей политических партий и Всеобщей Конфедерации Труда, наряду с иллюзиями некоторых искренних революционеров, привели к разоружению рабочих и возвращению заводов хозяевам.

Начиная с этого времени явление фашизма стало неизбежным для спокойствия буржу-

азии. На него направились заботы контр-революционеров всех цветов. Раз массы отказались, — по причинам, на которых мы подробнее остановимся в другой раз, — от революции, то неизбежно должны были получить реакцию. Буржуазия была слишком напугана, чтобы скоро забыть и легко принять происшедшее. И реакция, — хоть и крайне медленно, по потокам крови, хоть и задерживаемая героическим сопротивлением и яркими взрывами отчаяния, — в конце концов, победила.

Мы считаем лишним, — по крайней мере, здесь — рассказывать о всех невероятных жестокостях, к каким прибегала фашистская реакция, чтобы победить, и о всех нелепых мерзостях правосудия, крепко спаянного с фашизмом и беспощадно каравшего долгими годами тюрьмы тех, кто, осмеливался только защищать свою жизнь. Жестокости, к каким прибегали итальянские фашисты против революционеров, были чудовищны: они могут быть сравниваемы, разве, с жестокостями Хорти в Венгрии или с жестокостями большевиков в России. История революционного движения в Италии за эти последние годы написана кровью, бесконечной кровью...

* * *

Ныне фашизм повелевает в Италии. Уже более полу-года он — абсолютный хозяин в стране. Газеты, организации, рабочие союзы, — всё, что носит на себе малейший отпечаток революционности, — уничтожено с корнем. Всё разрушено. Тысячи и тысячи наших товарищей брошены в тюрьмы. Тысячами насчитываются убитые. Тысячи же рассеяны по всему свету.

В Италии ныне нет больше живого человеческого слова. В Италии царят смерть и разрушение.

Однако, революционный и анархический дух — остается. Из крови растет он, и даст плод. Раздавленные — поднимаются. Угнетенные — идут к возмущению. Террором и насилием не убить идею, не убить анархию.

Гуго Трой.

Р. S. — В следующей статье я остановлюсь подробнее на развитии итальянского анархического движения за 1919—1921 годы и на различных отдельных событиях этих лет: в особенности, на известном — лишь слегка мною упомянутом — движении против дороговизны, перешедшем затем в занятие рабочими фабрик и захват крестьянами земель.

* К обоим этим крупным движениям необходимо будет вернуться в следующей статье, так-как в борьбе за освобождение трудящихся они имеют громадное, совершенно исключительное значение

Литературный отдел

Поворот мира

(С немецкого.)

Час Суда настал — великий час возмездия и очищения. Это — поворот мира.

Страшные апокалиптические бичи хлещут человечество: Война, Нужда, Голод.

Война — скопище всего злого с тех пор, как человек поднялся на человека; война — проклятие тысячелетий, воплощение безумия всех времен; война — с тысячами фурий и демонов — неистовствует над землей и душит человечество...

Города рвутся на куски; села сметаются без следа; пустыня растет. Миллионы людей сходят в могилы.

Нужда — удел остающихся матерей и детей — бросает их толпами в чрево гигантов-городов, вплетает беременных и несовершеннолетних в хоровод смерти на фабриках, у доменных печей и в шахтах.

И Голод пожинает чудовищную жатву.

Трупы сваливаются кучами в сараях Урала, громоздятся горами в киргизских степях и в плодородных долинах Украины. Трупы плывут по Волге... гниют в Мазурских болотах, на Эне, в Карпатах, во Фландрии...

Пятьдесят миллионов. Сегодня пятьдесят, завтра — пятьсот. Сегодня — народы, завтра — человечество. И это Завтра уже брезжит, уже вливается в пятьсот миллионов тел, уже стучится в пятьсот миллионов душ.

Цивилизация смерти завоевала земной шар. Бохум или Мельбурн, Шеффилд или Нокогама, — везде дымовые трубы, заводы, казармы, воюющие города; везде — парламенты, церкви, публичные дома и пивные лавки. Футбольные площадки и арены бокса. Везде толпы бедных, согбенных, голодных рабов.

Все покорны духу безумия: господа и рабы, все — слуги смерти. Вот они — вырванные с корнем и ветром развеянные, ибо покинули места, уготованные им природой и из-

вечной гармонией. Вереницами кружатся они в заколоченном кругу больших городов. С помощью могучих молотов и гигантов-машин, с помощью пара и электрического тока, при посредстве чудовищной концентрации энергии — строят они, ведут всё выше и гонят всё торопливее башню современной цивилизации в головокружительную высь: они громоздят пирамиду трупов — памятник целой мировой эпохи.

Империи и монархии, республики, лиги наций — порождения дьявольских сил; пушки, дредноуты, удушливые газы, истребительный огонь; тюрьмы, виселицы, электрические кресла... Таковы их дела и плоды.

Государства производят на свет книги законов, партии производят программы, профессиональные союзы — тарифные договоры.

Машины и механизмы выбрасывают шлаки и материалы.

Только жизнь снова рождает жизнь.

Государства же, церкви, партии — мертвые машины законов и параграфов. И мертвые же машины — всякие «организации».

Веку машинной цивилизации, веку телеграфных столбов и массовых организаций недостает теплой крови — живого, пульсирующего сердца.

Вот откуда — согбенные фигуры, трупный цвет лиц и печать зверя на лбу.

Динамомашинами, разрывными снарядами, избирательными плакатами и парламентскими речами не штурмуют небо.

Небо — в тебе, только в тебе.

Из глыб камня и железа, руками промышленных рабов, крепостных церкви и «партийных работников» можно строить лишь вавилонские башни.

Вавилон нашего времени возведен. Дух засорен; любовь оцепенела; высохли источники жизни.

Миллионы на земле перестали быть людьми. Человечество потеряло смысл и содержание.

Хаос, разложение, гибель — таково будущее. И лишь отдельные единицы — цельные, здоровые духом и свободно ищущие — могут быть носителями спасения. Лишь они — спасительные ладьи, ведущие жизнь и душу человечества к гавани грядущей общности.

Живущее ныне человечество знает всё. Оно собрало и сложило знания и стремления всех времен и народов в книгах и картинах, в музеях, академиях и библиотеках. Но оно потеряло связь с живой душой народов и с духом прошедших времен. У него нет больше никакого внутреннего единения с силами земли, с творческой мощью вселенной.

Человечество обладает знанием. Чего у него нет, это — *мудрости*.

У человечества есть пахотные земли, склады припасов, шерсть, прядильные и ткацкие станки; у него есть жилища, храмы и места работы.

Чего у него нет, это — *любви*.

Чего ему недостает, это — живого духа.

Вот откуда — эти безобразные фабрики и тюрьмы, эти соборы и богадельни, роскошные дворцы и набитые беднотой дома-казармы, хлебные, хлопчатобумажные и иные биржи... Вот почему — троны, алтари и идольские изображения; крест и молот.

Крест и Молот: капитализм, торговля, индустриализм... Золотой телец на торжище безумия. И — преступление.

Нужда, гибель и смерть — таково искупление.

Но жизнь — в самоотвержении, в беззаветном отдании себя действительному служению.

Дело выполнения данных обетов — вот задача нашего времени. А обещано всё. И всё имеет свое название.

Все обеты, наименования и идеалы, выработанные человечеством, суть вопросы, которые ныне требуют ответа и решения. Каждый должен теперь дать ответ — своими делами, своей плотью и кровью, своей жизнью.

Или он — носитель гибели, поверенный Смерти.

Коммунизм, Анархизм, благо человечества, всё это — задачи: и не только *задачи*, но и *отдачи*, ибо они требуют отдачи материальных ценностей, отдачи энергии, а от многих — и отдачи жизни.

Одно необходимо: *действие*.

Перед лицом миллионов свежих могил; перед нескончаемыми вереницами голодных и раздетых; перед бесчисленным множеством людей, гниющих в тюрьмах и катакомбах, — перед лицом всех этих слез, крови и мук суетных речи и писания.

Слово является кощунством.

Или — оно должно быть началом и откликом дела.

Сочинять и мыслить — несовершенный и окольный путь; наука — мелочная лавка; искусство — знак бессилия: бессилия *жить*.

Так было во все времена. Скорбь, которая в человеке не загоралась и не превращалась в пламя — самопожирательное пламя деятельной любви, — становилась литературой, переходила в сочинительство.

Человек из Назарета не написал ни одной драмы: он переживал драму... и больше, чем драму.

Переживания, с которых мы не срываем скорлупы, сущность которых не сливается с нашей душой, идут в руки профессоров и именуются, — после того, как они классифицированы, приведены в порядок и собраны в систему, — Наукой.

Наука — карикатура на действительность и на жизнь; даже хуже: смерть в тисках системы; пожалуй, даже — лишь карикатура на смерть.

Великие художники и ваятели — Микель Анжело, Леонардо да Винчи и другие, — что делали они? Страстное устремление свое, которое они не могли реально удовлетворить, — жадное искание красоты и величия, — они с напряженным усилием воплощали в холст или, бессильные дать волшебным волнам своего стремления претвориться в плоть и кровь, войти непосредственно в живые души, обращали эти волны в камни. Демоны их духа превращали эти порывы в притчи и образы: демоны, то-есть сверлящие, измучивающие, непрестанно бичующие силы их духа.

Лучшее в картинах, книгах и камне — прощество. Вот почему, величайшими из всех мастеров были музыканты. Они пошли дальше всех.

Но ныне — поворот мира. Человечество имело уже довольно мыслителей, поэтов, ваятелей, художников и музыкантов; имело пророков; имело Моисея, Конфуция, Будду... и имело Христа.

Ныне — поворот мира. Все могилы для масс вырыты; все костры сгорели; все кресты

водружены. Аттила, Нерон и Торквемада пропали по земле.

И Великая Блудница, о которой сказано, что с нею прелюбодействовали цари, купцы и духовные князья мира, распростерта теперь через все земли, острова и океаны. Пурпур и багряница, в которые она одета, сотканы из крови убитых; жемчуга ея и драгоценные камни — слезы матерей, оплакивающих ныне детей своих по всему земному шару.

Но блеск диадемы на голове ея, сверканье ея драгоценностей, ея застёжек и запястий, браслетов и колец, это — ночные огни Рио-де-Жанейро, Нью-Йорка, Берлина, Будапешта, Лондона, Сиднея и всех, всех других городов. Это всё — свет, горящий ради самого себя; динамическая сила, выжатая из миллионов тел и вращающаяся только вокруг собственной оси.

Поворот мира. Все плотины снесены, все глубочайшие шлюзы открыты. Силы неба и силы ада вырвались на волю.

Небо и ад в тебе! Небо и ад... Блудница, Иисус, Чингиз-Хан, Бетховен и слепой Гомер — всё в тебе!

Гибель мира и его возрождение — то и другое совершается в тебе!

И вот, час настал. Земля горит. Огненными волнами хлещет человечество Великий Дух разрушения. Он сносит с земли городы, разбивает вдребезги замки и крепости, превращает в развалины все вавилонские башни. Королей, диктаторов и инквизиторов бросает он в бездну.

Взрывы, обвалы, гул и грохот разрушения... туман, дым, хаос. Миллионы жизней погребены под обломками и развалинами. Всё снесено, разорено, превращено в прах и пепел. Всё построенное, созданное, желанное, всё вознесённое до небес — доведено до ничто: до индивида.

Только он остаётся. Только Человек остаётся — с землей и со всей вселенной связанный Человек.

Т. Пливье.

Сказка

Там, где реки слезами текут, —
По долинам, где плачут народы, —
Невидимками феи прячут
Нити счастья, любви и свободы.

Неизменно — и ночью, и днем —
Оне заняты чудным шитьем
И из нитей волшебных упорно
Вышивают узор непокорный.

Не из легких им задан урок;
И не раз им случалось, бывало,
Сдав работу в назначенный срок,
Распускать, и садиться сначала.

Необычен чудесный узор:
Даст он миру великие силы,
Тем, кто готовит погибель и мор —
Тем, чьи души ничтожны и хилы;
Тем, кто путает дивную ткань,
Не ценя дорогого изделия;
Тем, кто платит позорную дань
Богу злата, меча и безделья.

Есть преданье: последнюю нить
Феи, будто, давно отопряли;
Но узора не могут дошить:
Нить — оне потеряли...

И, оставив работу, оне
Разбрелись по полям и селеньям:
День и ночь — на-яву и во сне —
Ищут пряжу в великом смятенье.

Остановлен волшебный узор.
Зло и ужас парят над землею.
И грядущее веет с тех пор
Неизбежной грозой.

Он придет — обетованный час.
Переполнены реки слезами...
Скоро трубный, торжественный глас
Прозвучит над полями.

Говорят, — в те великие дни,
В самый час рокового набата —
Загорятся повсюду огни,
Будет небо пожаром объято,
И — отыщется дивная нить.
И последние петли узора
Станут феи, ликуя, творить —
Вдохновенно и спору.

Париж. Дек. 1915.

В. Э.

АНАРХО-БОЛЬШЕВИЗМ

Многие всё еще смотрят на вопрос об анархо-большевизме, как на вопрос незначительного чисто-идейного — теоретического или тактического — расхождения в нашей среде. Такое отношение к делу (если его еще можно было до известной степени понять 5—4 лет тому назад, до решающей чудовищной против-анархической и против-революционной деятельности анархо-большевизма) — глубоко ошибочно и глубоко вредно. Как читатели сами увидят, вопрос об анархо-большевизме и о нашем к нему отношении ни в коем случае не может считаться мелким вопросом нашей литературной или фракционной «полемики». Борьба между анархизмом и анархо-большевизмом, — как и борьба между анархизмом и большевизмом, — давно вышла за пределы борьбы чисто-литературной, давно лежит в совершенно иной плоскости.

Анархо-большевизм — ренегатское явление в среде русских анархистов, выросшее на почве коммунистической диктатуры в России. Однако, ренегатство это особого типа: анархо-большевизм мало того, что служит большевистской государственности, — он при этом свою службу покрывает анархической идеологией, стараясь закрепиться в анархических рядах, как одно из течений анархизма. Его задача — распространиться и свести весь анархизм на роль простого служителя большевистской идеи. Нетрудно видеть в этом организованную попытку большевиков расстроить анархические ряды и анархическое движение изнутри.

Этой попытке должны быть противопоставлены сплоченные и энергичные силы революционных анархистов.

В России открытая борьба с анархо-большевизмом так же невозможна, как невозможна она и с самим большевизмом. Последний, естественно, стоит на-страже первого, вооруженный всё теми же средствами — тюрьмой и штыком.

Тем с большей энергией явление анархо-большевизма должно быть разоблачено теперь всюду, где к этому имеется возможность. Ибо в разгроме и разложении анархического движения в России анархо-большевизм играл и играет ту же преступную роль, что и большевизм.

В настоящем номере мы даем: 1) статью тов. П. Аршинова, дающую общее освещение анархо-большевизма и его роли в русской революции; 2) заявление Группы Русских Анархистов в Германии, опубликовываемое ею в связи с инцидентом, возникшим на почве решительного разоблачения ею некоторых анархо-большевиков; и 3) письмо некоторых товарищей из Москвы т-щу Волину и ответ на таковое.

Даваемый здесь материал уже достаточен для того, чтобы читатель мог составить себе отчетливое представление о данном вопросе и о происходящей борьбе.

В случае надобности, мы будем продолжать этот отдел и в последующих номерах.

Анархо-большевизм и его роль в русской революции

Поражение русской революции, в ее основных первоначальных замыслах, означает в то же время и поражение анархизма в России. Правда, поражение это чисто физическое. Являясь отражением высших стремлений трудящихся к свободе и равенству, анархизм тем самым продолжает быть их застрельщиком, авангардом их мысли и дела. Это — идеологически. Фактически же, наряду с общим разгромом новой властью революционных позиций и революционных рядов трудящихся, разгромлены все силы анархизма, уничтожены все его практические начинания, стерты все его основания. Пепел и прах остался там, где русские анархисты пытались укрепить свободу и независимость труда. Всякий анархист, болеющий за судьбы нашего движения, должен твердо признать это и твердо разобратся в причинах этого поражения.

Анархо-большевизм ни в какой степени не является целостным политическим или соци-

альным движением, проявлением самостоятельной социально-политической мысли. Он, с одной стороны, — прямой потомок того упадочного, ренегатского настроения, которое началось в анархических рядах с поражения русской революции 1905—1907 г.г. Он, с другой стороны, — плод ленинской демагогии. Разгром царизмом революции 1905—7 г.г. заложил среди части русских анархистов психологические предпосылки для ренегатства, для ухода от анархизма. Ленин, стремившийся приспособить весь анархизм в его теории и практике на служение большевизму, без малейшего затруднения завладел этой, катившейся по наклонной плоскости, группой. При этом он ловко использовал ее в том виде, в каком он всегда стремился сочетать анархизм с большевизмом, т.е. в форме анархизма, целиком служащего большевистской идее. Таким образом, анархо-большевизм есть продукт ренегатского сдвига среди части анар-

хистов и демографии Ленина. Рожденный от таких начал, он, естественно, не мог иметь самостоятельного назначения и бытия, а мог служить лишь средством в руках большевизма. Однако, как средство, как некоторого рода рычаг в руках большевизма, он сыграл свою, крайне вредную, роль в русской революции.

Чтобы в своих дальнейших организационных и социально-практических построениях и мероприятиях не впасть в лишнюю ошибку, мы должны ясно и точно знать, какую именно роль он сыграл в нашей революции.

* *

Еще в момент разгрома революции 1905—7 гг. некоторые анархисты, преимущественно разночинцы по происхождению, ренегировали. Для них, пришедших к анархизму с книжной стороны, поражение революции явилось горькой действительностью, начавшей легко подтачивать их анархические иллюзии. Под влиянием этой действительности, незаметно, но неуклонно, день за днем среди них создавалась тенденция ухода от анархизма. Однако, многие из них своего ренегатства внешне не выказывали, не имея еще ясного представления о своем новом пристанище. Они продолжали находиться в анархических рядах, называясь анархистами и даже ударяться в анархические крайности (безмотивный террор, экспроприации и т. д.). Но по существу они являлись ближайшими кандидатами на выбытие из анархических рядов и на вхождение в лоно той партии, которой пощастилось бы стать госпией положения в стране. В душе они уже уходили от анархических идеалов, стремясь пристать к новым берегам. К каким? К признанию фактической силы.

Демократия вырисовывалась в то время, как фактическая сила, которой принадлежит ближайшее будущее. И уклон ренегатствующей части анархистов обозначился в сторону демократии, притом не только в сторону революционной демократии, представляемой марксизмом, но в сторону демократии вообще. В результате этого уклона могли быть различные сочетания ренегатов анархизма с демократическими элементами, начиная с анархо-большевизма и кончая анархо-либерализмом. И если бы вместо диктатуры большевизма, представляющего левое крыло демократии, в России укрепился меньшевистский или даже кадетский режим, ренегатствующая часть анархистов несомненно доказалась бы до него и пошла бы ему в услужение, создав вместо анархо-большевизма анархо-меньшевизм или анархо-кадетизм. Это подтверждается тем неустойчивым, шатающимся положением, в котором, в дни керенщины, находились многие из современных анархо-большевиков, из которых иные явно стояли на стороне режима Керенского против наступавшего большевизма, а иные занимали выжидательную позицию.

Во время октябрьского революционного движения масс в 1917 г. государственную власть захватила партия большевиков — левое крыло демократии, — ставшая затем диктатором в стране. И когда этот факт распространился и упрочился, ренегатствующая часть русских анархистов пошла в услужение большевизму. Причем некоторые из них, войдя в большевистскую партию, порвали с анархизмом и по существу, и формально, отказавшись от звания анархиста. Другие, признав полностью большевистскую государственность, сохранили за собой название анархистов и под этим именем встали на службу идей большевизма. Эта часть ренегатов анархизма и образовала собою то, что известно под нескладным именем «анархо-большевизма». В лице последнего мы имеем воплощенный в данной области идеал Ленина, — мы имеем анархизм (конечно, это не анархизм, а его извращение), целиком служащий большевизму.

По мысли руководителей большевизма, смысл и назначение анархо-большевизма должны были состоять в том, чтобы от имени анархического движения, от имени анархических идеалов защищать и пропагандировать большевизм и его диктатуру. Как бы широко и прочно не установил большевизм свою диктатуру, он все же не может отрицать влияния идей анархизма на трудящихся и не может не видеть того, что в иных случаях именем анархизма можно добиться большего результата, нежели именем большевизма. Как опытный хозяин в большом хозяйстве, большевизм и постарался использовать это влияние и силу анархизма приспособлением его идей на службу своей государственности. Так создался анархо-большевизм.

Своих мыслей, своих политических и революционных положений, своей линии поведения в России анархо-большевизм не имеет. Он рабопенно повторяет все социально-политические лозунги и положения большевизма и рабопенно их защищает.

В 1918 г. Ленин, в оправдание своей тактики, имевшей целью во то бы то ни стало сохранить за собой власть, убеждал, что Брест-Литовский мир с германским императорским правительством есть ничто иное, как необходимая для русской революции передышка. Анархо-большевизм рабаки повторял за ним это.

В 1921 г. большевизм, после того, как затравил лучшие соки русской революции, — разгромил махновщину, анархические, максималистские и лево-эсеровские течения и организации, — начал свободно, без всякой угрозы со стороны уничтоженных им поборников социальной революции, вводить новую экономическую политику, представляющую собою восстановление частично-капиталистической хозяйственной системы в стране. Этот свой, предательский по отношению рабочих классов, шаг он назвал вынужденным, представлявшим собою продолжение «бреста», но лишь в другой, более обширной области. Анархо-

большевизм опять-таки с рабской угодливостью повторял за большевизмом это изречение, сказанное на еще живом, но обескровленном большевизмом, теле русской революции.

Сами большевики прекрасно знают, что движение махновское есть подлинно народное и революционное движение. Однако, по ложению правящей государственной партии, они ведут с ним истребительную войну и считают необходимым должно чернить его, наклеивая на него ярлык бандитизма. Анархо-большевизм, вслед за большевизмом, распространяет вздорные басни о кулацком и контр-революционном характере махновщины. И если в анархической среде России и заграницы по сию пору существует хаотическое и извращенное представление об этом величайшем революционном движении украинских тружеников, то виною этого является прежде всего анархо-большевизм, который без зазрения совести распространял и прививал в анархической среде дикие выдумки большевиков о махновщине.

Точно также прекрасно знали большевики глубоко народный и революционный характер кронштадтского движения в марте 1921 г. Однако, опять-таки по положению правящей партии, против произвола и насилия которой движение и было направлено, они затопили его в крови восставших революционеров и очернили его контр-революционным. Анархо-большевизм освятил и идейно полностью поддерживал это преступление большевиков.

В течение всех лет русской революции анархо-большевизм во всем является точным отголоском большевизма. Если сделать сравнение между анархо-большевизмом и сменевеховством*), то можно сказать, что они являются одинаковыми прислужниками большевизма, пришедшими к нему хотя и с разных сторон, но с одним и тем же желанием — приспособиться к фактической силе, стараясь это приспособление оправдать идейными соображениями.

Роль анархо-большевизма в русской революции безграмотно преступная. Больше чем кто-либо, он извратил анархическую идею в угоду большевизму, тем самым дав последнему широкое основание для уничтожения подлинного анархизма и анархического движения в России. Именно он разлагал анархическую мысль в массе, прививая ей, под видом анархизма, яд государственности; он все время дезорганизовывал анархические ряды, внося в них, под видом анархизма, большевистскую доктрину.

Большевизм, начавший действовать в России, как государственная система, мог лишь физически вредить молодому анархическому движению. Идейно он был не в силах разбить его перед лицом широких масс трудящихся. В этом ему оказал огромную помощь анархо-

большевизм. От имени анархизма он пропагандировал большевизм, защищая все практические мероприятия его, черня и осуждая всякую тень оппозиции ему. Этим он внес сумятицу в широкую революционную массу, симпатизировавшую анархизму. Последняя, будучи не в силах разобраться в том, где ей излагают подлинный анархизм, а где лже-анархизм, сбивалась с толку; анархическая мысль, анархический порыв в ней дробились. Этим же самым анархо-большевизм мешал анархизму проявить яркую, цельную и сильную оппозицию большевизму. В глазах масс анархизм постоянно перемежался с анархо-большевизмом и производил впечатление силы колеблющейся, половинчатой. В этом — одна из главных причин того, почему анархизм организационно не связался достаточно глубоко с широкими массами, и почему большевики всегда так легко и безнаказанно громили анархические организации и анархические движения, безнаказанно убивали отдельных поборников и борцов анархизма.

В отношении анархического движения роль анархо-большевизма заключалась в том, что в то время, когда советская власть душила это движение силою чека и военных дивизий, в это время анархо-большевизм душил его, так сказать, словесно. Каждый шаг, каждое выступление анархо-большевизма представляли собою сплошную атаку идей анархизма, различных его организаций и их практических начинаний. Чем ярче и сильнее было то или иное движение анархизма, тем злостнее были нападки на него. Все формы и оттенки анархического движения в России, — движение объединенного анархизма («Набат»), махновщина, анархические и анархо-синдикалистские съезды и конференции, всякая анархическая организация и чуть ли не всякий анархист, — подвергались неизменной атаке со стороны анархо-большевизма.

В отношении рабочих классов, — пролетариата и трудового крестьянства, — роль анархо-большевизма заключалась в том, что в то время, когда советская власть насильственно, методами диктатуры, проводила свой политический и экономический режим, в это время он именем анархизма направлял массы под своды этого режима, осылая все его детали, прикрывая и защищая всякий тиранческий акт власти. Мрачная история коммунистической диктатуры в России не имеет ни одного случая, когда бы анархо-большевизм протестовал против того или иного акта власти. Нет, он всегда с рабской угодливостью пел ей гимны. Даже смертная казнь, в ужасающих размерах применяемая большевиками на фронте и в тылу против сынов народа, не шевельнула в нем ни одного мускула протеста.

* * *

*) Течение среди части буржуазной и помещичьей интеллигенции, признающее большевизм единственной законодательской силой, способной, в настоящих условиях, привести Россию к широкому национально-государственному возрождению и укреплению.

Кажется невероятным, убийственным, что такое чудовищное явление, как анархо-большевизм, имело место в анархических рядах. А

между тем, оно ютилось именно в анархических рядах. Все преступления анархо-большевизма совершались от имени анархизма, в анархической среде, под знаменем анархизма. Больше того, — по сию пору явление анархо-большевизма не вполне определено и отсортировано в нашей среде. До сих пор некоторые анархисты зачастую считают его своего рода фракцией анархизма. В то же время сам анархо-большевизм по сию пору старается не только остаться, но и закрепиться под знаменем анархизма.

В силу чего, однако, эта чисто большевистская организация смогла осесть в анархической среде, эксплуатировать идеи анархизма, трепать его знамя?

Главным образом, в силу того, что анархическая среда неорганизована, распылена. Неорганизованность эта так велась в наше обыкновение, что пока отдельные анархисты сделали боевую перекличку, проверили боевые позиции и боевые пароли, анархо-большевизм успел осесть в анархической среде и проделать свою преступную работу. К счастью, эта преступная работа его велась тоже крайне неор-

ганизовано. За все время революции анархо-большевизм ни разу не выступил объединенными силами. Это соответствует нашему положению о том, что он является не самостоятельным социально-политическим движением, а продуктом большевистской демагогии. Лишь последнее время наблюдаются попытки объединить и координировать действия всех анархо-большевиков. Делаются попытки вновь и вновь разложить революционные ряды анархизма, чтобы в конечном счете привести весь анархизм на службу большевизму.

Мы уверены, что на этот раз анархо-большевизм постигнет большая неудача, чем раньше.

Опыт русской революции повелительно учит анархистов смыкать свои ряды в революционно-боевом порядке и иметь руку твердую.

Лицо и назначение анархо-большевизма выяснены. Анархисты всех стран проявят в отношении его необходимую твердость и без излишней сентиментальности укажут ему его настоящее место.

П. Аршинов.

К вопросу об анархо-большевизме и его роли в революции

В свое время нами были даны в русской и иностранной — анархической и синдикалистской — прессе предупреждения относительно разного рода «анархо-большевиков», прибывших за-границу и проявивших или же предпринимавших здесь ту или иную деятельность в рядах анархистов.

На почве этих предупреждений возник ряд инцидентов, последний из которых вынуждает нас дать по делу более пространное разъяснение и предложить на суд товарищей как обстоятельства возникшего конфликта, так и создавшееся ныне положение вещей.

Какое бы направление ни приняло в дальнейшем данное дело, — мы считаем необходимым, чтобы оно теперь же подверглось обсуждению широких анархистских и синдикалистских кругов. В этих целях мы публикуем имеющийся в нашем распоряжении материал.

Полное, всестороннее выяснение роли анархо-большевизма в русской и мировой революции есть, конечно, дело будущего. Оно требует особых исследований, которые, вероятно, не заставят себя долго ждать.

В настоящей же — сравнительно небольшой — заметке мы лишь кратко отметим основные положения и факты.

1. Вдворение большевистской диктатуры на развалинах русской революции и различных социалистических и революционных пар-

тий и течений привело, естественно, к явлению самого широкого ренегатства, — тем более, что ренегатство это могло, в данном случае, прикрываться и даже кичиться видимостью истинной революционности.

Не избежал этого явления и анархизм.

2. Ренегатство анархистов в русской обстановке проявилось в двух основных формах: а) прямой переход в коммунистическую партию; и б) стремление приспособить весь анархизм, — внешне не порывая с ним, — на служение большевизму, его идее и практике. Этот второй вид ренегатства дал начало так-называемому «советскому анархизму» или «анархо-большевизму».

3. Роль анархо-большевизма в русской революции гибельна и преступна. Он оказал большевистской диктатуре большую услугу, чем прямое вступление анархистов в коммунистическую партию. Он делал то, чего не мог выполнять сам большевизм непосредственно: он разлагал молодое анархическое движение в России, выдавая за анархизм чисто большевистскую идею и практику (в то время, как голос подлинного анархизма был задуман); он помогал большевизму поработать рабочие и крестьянские массы, освещая и защищая перед ними от лица анархизма всю теорию и всю государственную деятельность большевизма; он чрезвычайно ослабил подлинное анархическое движение в России, поставив его в самое тяжелое положение, пытаясь грязнить и бить

его на каждом шагу; он развязал большевикам руки в их жестоком преследовании анархизма и санкционировал все эти преследования от лица анархизма же; он нанес удар анархическому движению за-границей, внося значительное разложение и в его ряды.

4. В то время, когда большевизм рукою чекистов и красноармейцев душил во всех частях России подлинных и выдающихся анархистов, анархо-большевизм старался душить их идейно, — так, чтобы и самая память о погибших мучениках анархизма оказалась растоптанной. Перед широкими массами рабочих и крестьян он доказывал (в то самое время, когда подлинная анархическая печать была задвлена и молчала), что в настоящее время линия чистого анархизма утопична, вредна, а потому контр-революционна. Он призывал массы к полному признанию большевистской диктатуры, рисуя им во враждебном виде идеологию всех прочих учений, в том числе и чистого анархизма.

5. Фактически анархо-большевизм являлся особой большевистской организацией, деятельность которой поощрялась, направлялась и контролировалась правительством. Инспирируемая правительством, или же по прямому поручению последнего, эта организация производила непрерывные атаки на анархическую идею, анархическую мысль и анархические организации. Центральным занятием таких анархо-большевиков, как Рощин, Новомирский, Александрович и др., было раз'езжать из города в город и читать в анархических клубах лекции. Эти лекции являлись по существу ничем иным, как более или менее прикрытой ожесточенной атакой против самой идеи анархизма. И делалось это в то время, когда вооруженная рука большевистского милитаризма беспощадно расправлялась с анархическими организациями и отдельными анархистами, защищавшими знамя анархизма, а также давила широкие беспартийные массы рабочих и крестьян, пытавшихся добиться в социальной революции подлинных прав себе. Цезаризм большевиков действовал, огнем и мечом подчиняя своей воле всех непокорных, бунтующихся, стремящихся к независимости рабочих и крестьян. Анархо-большевизм освящал и защищал эти действия. В русской революции тот и другой органически срослись, составив один фронт против всех несогласных с идеей большевистской диктатуры.

6. Этот единый фронт большевизма и анархо-большевизма начался с момента октябрьского переворота и тянется до настоящего времени через всю русскую революцию, оставляя за собой на всем ее протяжении кровавый след ее защитников. Русские анархисты, оставшиеся верными анархизму, испытали этот фронт на себе. День за днем, год за годом они несли кровавые жертвы на этом фронте. Не в абстракции, а на их живом теле, на удрученных жизнях многочисленных анархистов история записала, что за все гонения, преследования, истребления анархистов анархо-большевизм ответствен в одинаковой степени с боль-

шевизмом. Постоянно и повсеместно большевистские власти, арестовывая анархистов, ссылались, в оправдание своих действий, на анархо-большевиков — Рощина, Гейцмана, Новомирского, Сандомирского, Алейникова, Шатова, Гордина и других, называя их истинными революционерами, а преследуемых товарищей — контр-революционерами и бандитами. И тем жесточе расправлялась она с последними под прикрытием первых.

7. Русские революционные анархисты приняли этот фронт и сделали из него неизбежный, неумолимый вывод: не только считать анархо-большевиков ответственными за все действия большевистской власти, но и противопоставить им, как и большевикам, революционно-боевой фронт со всеми его последствиями. Начало этого фронта, этой борьбы намечается еще в 1919 году, когда появились резолюции Елисаветградского Съезда Анархистских Организаций Украины «Набат», затем — «Открытое письмо Гроссману-Рощину» Б. Стоянова, а затем — прозвучал общий голос многих анархических организаций, признавших необходимым вести активную борьбу с анархо-большевизмом. Если эта борьба не принята в дальнейшем более резких и широких форм, то лишь в силу того обстоятельства, что анархическое движение, анархические организации и анархическая печать были раздавлены большевистским правительством — с помощью анархо-большевиков.

8. Из создавшегося, таким образом, положения вещей вытекало, что в отношении всякого анархо-большевика анархисты не могли более оставаться нейтральными. Они вменяли себе в обязанность — во всяком месте и во всякое время принимать меры революционной предосторожности и, по возможности, обезвреживать врага. Где бы ни появились тот или иной анархо-большевик, — всякий анархист, всякая анархическая организация должны немедленно призвать к осторожности и принять меры к его обезвреживанию. Таково общее правило, к которому привел русских анархистов опыт четырех-годичного единого фронта большевизма и анархо-большевизма против анархизма.

9. Соблюдение этого правила необходимо также для анархистов Европы и Америки — быть-может, еще более, чем для находящихся в России, ибо анархо-большевизм, почти неизвестный за границей, имеет обыкновенные натягивать на себя старые анархические одежды и ложно выдавать себя за подлинный анархизм. При этом, оттенки и приемы анархо-большевизма (как и большевизма) — очень разнообразны. Многие из этих оттенков и приемов настолько тонки и замаскированы, что легко вводят в заблуждение неосведомленных. Большевики стремятся и умеют использовать в борьбе всякую близость к ним, всякую мягкость к ним со стороны анархистов. (Если некоторые товарищи полагают, что мы преувеличиваем и придаем делу чрезчур большое значение, то пусть поинтересуются теми средствами и силами, какие затрачиваются большевиками на работу по разложению гораздо менее

вредного и опасного для них русского *монархического* движения и *монархических* организаций заграничей. Несомненно, на борьбу с анархизмом и синдикализмом, на задачу их разложения и «приручения», как более опасных, большевизм затрачивает гораздо большие усилия).

10. Группа Русских Анархистов в Германии, многие члены которой прошли суровую школу в русской революции, с самого начала считала себя обязанной стоять на боевом посту против большевизма и его дитя — анархо-большевизма. Она всегда отдавала себе ясный отчет в том, что большевистское правительство не преминет в ближайшем же времени повести многостороннюю борьбу как против начато дела разоблачения большевизма заграничей, так и против все увеличивающейся тенденции анархизма и синдикализма к разрыву с большевизмом. Мы прекрасно понимали, что в этой борьбе большевистское правительство не остановится ни перед какими средствами и возможностями влияния, разложения, одурачения и т. п.

Поэтому, когда группа получила из России первые сведения о том, что большевистское правительство предплагает переправить за границу ряд анархо-большевиков, дав им различного рода поручения на предмет борьбы с подлинным анархистским и синдикалистским движением, — она сочла своим долгом принять свои меры.

Когда впоследствии в Италию приехал анархо-большевик Сандомирский и выступил в итальянской прессе в защиту большевизма; когда польские товарищи предупредили нас о скором приезде за границу большевистских провокаторов Штейнера и Рыжина, что не замедлило подтвердиться; когда до нас дошли слухи о незамедлительном приезде за границу видных анархо-большевиков с целью укрепить позицию большевизма и подорвать подлинное анархическое движение, — Группа, руководясь исключительно раз принятым революционно-боевым правилом, решила разоблачать каждую такую попытку и предупреждать относительно каждого такого шага большевистского правительства.

Теперь, когда, после Кибальчича, Гейцмана, Сандомирского, Штейнера, Рыжина и других, выполнявших или пытавшихся выполнить, каждый, свою миссию, за границу явились также Рошин и (в самое последнее время) Алейников, — Группа еще более, чем прежде, убеждена, что весь этот слет заграничей русских анархо-большевиков из Москвы является делом рук одного направляющего органа. Все эти явления — линии, идущие из одного и того же центра — большевистского правительства, которое пробует все пути и добивается своей цели раз-раз всеми средствами, давая одним своим агентам одни, другим — другие поручения и задачи, используя по-своему всех, кто может быть так или иначе использован.

11. Первое предупреждение Группы (летом 1922 г.) касалось Германа Сандомирского. Второе — провокаторов Штейнера и Рыжина.

Третье — известного ренегата русского анархизма Иуды Гроссмана-Рошина.

В связи с этим третьим предупреждением возник инцидент, вынуждающий нас к более основательноному освещению дела.

12. Жизнь и деятельность Гроссмана-Рошина в России за годы революции протекала частью в приемных Луначарского, Каменева и других большевистских вельмож, а частью — в ожесточенных нападениях на анархизм и его борцов. Те, кто наиболее активно и мужественно защищали анархическое движение в России, подвергались наибольшим нападениям и хуже со стороны Рошина. Многочисленные борцы русского анархизма, гниющие сейчас в большевистских тюрьмах, когда-нибудь расскажут полную историю борьбы, которую им пришлось выдерживать с этим анархо-большевиком. Более ретивого и утонченного анархо-еда, чем Рошин, большевики за все время революции не имели. Всякое активное, подлинно-анархическое начинание в России неизбежно подвергалось с его стороны ожесточенному нападению. Укажем на его отношение к молодому, многообещающему «набатовскому» движению на Украине, затем к махновщине, к анархическим съездам, к каждой анархической организации, не стоявшей на платформе признания «советской власти». Всем этим явлениям русского анархизма Рошин неизменно выносил смертный приговор, причем, чем активнее и энергичнее было то или иное анархическое движение, тем злее бывал его наскок.

13. Всё это нам, русским анархистам, близко известно по каждому дню анархической работы в России. Всё пагубное влияние такого рода ренегатов на положение там анархистов, вся разлагающая роль их в русском анархическом движении, вся бессмысленная трата сил и времени на борьбу с ними, — всё это влосось нам в самые кости.

Вполне естественно, что когда мы получили извещение о выезде Рошина за границу, мы отдавали себе полный отчет в том, с чем и для чего может он ехать из России. *Основываясь на всем его прошлом*, мы прониклись полной уверенностью в том, что он несомненно имеет задачей вредить анархическому и синдикалистскому движению заграничей и, в частности, чернить и парализовать деятельность русских анархистов. И, принимая во внимание неосведомленность огромного большинства анархистов заграничей, — неосведомленность, давшую уже немало отрицательных результатов, — мы сочли своей обязанностью предупредить товарищей.

14. Что касается выдвинутых против Рошина фактических данных, то основанием их служат свидетельские показания ряда наших товарищей, некоторые из коих известны своей работой в анархическом движении, начиная с 1905—6 годов.

Так, тесное сотрудничество Рошина с советской властью и принятие им на себя секретных и ответственных поручений последней весной 1919 г. неопровержимо устанавливается данными товарища П. Аршинова, которого

в неточности или в пристрастии никто, — в том числе и Рошин, — обвинить не может.

Весной 1919 г. т. Аршинов был председателем культурно-просветительного отдела армии повстанцев-махновцев и редактором газеты «Путь к Свободе». В первых числах мая этого г. он, в виду нахождения Махно на фронте, принимал в Гуляй-Поле в официальном порядке особо-уполномоченного Совета Труда и Обороны Л. Каменева с чинами Харьковского правительства.

Товарищем Аршиновым засвидетельствованы следующие факты:

а) В бытность свою в Гуляй-Поле, Л. Каменев пытался не раз, в разговорах, уяснить себе взгляды и позицию т. Аршинова. Последний отвечал неопределенно. Несколько раз, когда Каменеву казалось, что взгляды Аршинова благоприятны Советской власти, он, довольный, бросал: «Ну, это же совсем как *наш Иуда*... (то-есть, Гроссман-Рошин). —

б) Начиная с апреля 1919 г., весь гуляйпольский район блокировался большевиками; всех революционеров, направившихся в Гуляй-Поле или из него, большевики хватили на станциях Чаплино-Синельниково или под городами Екатеринослав—Харьков и заключали в тюрьмы или казнили. Если кому из революционеров и удавалось пробраться в Гуляй-Поле, то лишь случайно или благодаря крайним мерам предосторожности. —

в) В это же время, около 15 мая 1919 г., Гроссман-Рошин приехал в Гуляй-Поле с мандатом Л. Каменева, дававшим Рошину самые широкие полномочия в пути, вплоть до ареста всякого, кто откажется выполнить его требование подачи ему вагонов и паровозов в целях скорейшего прибытия в Гуляй-Поле.*) Послешность прибытия Рошина из Харькова в Гуляй-Поле по мандату Каменева была вызвана григорьевским восстанием, которое сильно напугало большевистское правительство в Харькове и вынудило его отрядить в лице Рошина замаскированную делегацию к Махно в целях общего воздействия на него к большевистскому смыслу. Этого и старался достигнуть Рошин во время своего пребывания в Гуляй-Поле. При этом он играл все время роль анархиста, приехавшего в Гуляй-Поле по собственному желанию, и скрывал от повстанцев, что приехал по поручению Каменева. —

г) За несколько дней до прибытия Рошина в Гуляй-Поле, в штаб армии повстанцев махновцев прибыли из Харькова, по поводу григорьевского восстания, две телеграммы: одна от Л. Каменева, другая — от Рошина. Обе телеграммы пришли одновременно, обе — с пометкой Харьковского реввоенконтролера Любе, то-есть — они шли, в виду их исключительной важности для советской власти, через Совет Труда и Обороны. При этом, телеграмма Каменева носила характер официального военного запроса и угрозы войной в случае неполучения ответа; телеграмма же Рошина

призывала повстанцев к совместному с советской властью выступлению против Григорьева. Ея смысл был — именем Рошина подкрепить телеграмму Каменева.

Все эти, засвидетельствованные т. Аршиновым, данные с несомненностью устанавливают, что Рошин, пребывая в анархических рядах, выступая от имени анархизма и даже пытаясь представлять собой от него, *фактически* находился в теснейших отношениях, в ближайшем политическом сотрудничестве с советской властью.

Далее.

Целый ряд характерных выражений Рошина, показывающих его вражду к анархизму и одобрение им самых крайних большевистских мер борьбы с анархистами, засвидетельствованы рядом товарищей. В частности, в 1918 году, товарищи Аршинов и Саблин (анархист) имели с Рошиным ряд бесед в Москве о позициях анархизма в революции. Саблин в то время интересовался Рошиным и пытался понять его позицию. Окончательно отошел он от Рошина после того, как последний несколько раз повторил с негодованием: «*Анархисты?.. Каждый сознательный анархист должен пойти на вычку к Урицкому...*» (председатель Петроградской чечки). Эту фразу — «анархисты — на вычку к Урицкому!» — Рошин, наряду с другими подобными выражениями, которые были уже приведены нами, бросал не раз и товарищу Аршинову, и другим.

Двуличие Рошина и его деятельности достаточно засвидетельствованы в известном «Открытом письме» т. Б. Стоянова.

Мнение о Рошине, как о человеке непрямым и крайне вредным в анархическом движении, не раз высказывалось целым рядом товарищей — устно и в печати. Украинские анархисты считали Рошина с апреля 1919 г. фактически выбывшим из анархической среды (см. единогласно принятую резолюцию о «советских анархистах» на Елисаветградском съезде Анархистских Организаций Украины «Набат»).

Еще до того, — в бытность свою на Украине, — Рошин сказал в частной беседе товарищу Волину: «Может-быть, Вы, по существу, и правы. Но Вы же — один. А один в поле не воин.» —

Противоанархическая деятельность Рошина в Сибири засвидетельствована показаниями ряда наших сибирских товарищей.

15. На основании всего поведения Рошина, о нем среди громадного большинства русских анархистов давно сложилось мнение, как о лице, порвавшем с анархизмом и связавшим свою судьбу с большевизмом и его практикой.

И в самом деле, какое другое мнение могло сложиться о человеке, который, — в то самое время, когда большевики душили и расстреливали руками чекистов и красноармейцев наших товарищей — таких, как Холдун, Л. Черный, Фанни Барон, Рыбин, Михалев-Павленко, Богущ и сотни других *рабочих и крестьян анархистов*, — читал в разных городах

*) Об этом мандате и о его содержании Аршинов узнал от Рошина в случайной беседе. —

лекции в защиту большевизма, яростно атакуя революционной анархизм? Какое другое мнение могло быть о человеке, который никогда ни одним словом не протестовал против зверских гонений и преследований анархизма и анархистов большевистским правительством?

Конечно, это мнение могло быть только отрицательным.

16. На основании позиции и деятельности Рошина в России, мы — Группа Русских Анархистов в Германии, — узнав о прибытии его за границу и предвидя, что он будет и здесь, вращаясь в анархической среде и выступая от имени анархизма, фактически находясь в теснейшем сотрудничестве с душителницей анархизма — советской властью, — сочли своим долгом немедленно же разоблачить его, как человека, целиком служащего большевизму и интимно связанного с последним.

17. На наше предупреждение Рошин пытался ответить — и кое-где ответил — грубыми выпадами личного характера, а затем стал искать для борьбы с нами посредничества среди анархистов.

18. К сожалению, нашлись товарищи, которые пришли на помощь Рошину, согласившись на такое посредничество. Этими товарищами оказались А. Шапиро и Е. Ярчук.

Во избежание всяких кривотолков и недоразумений, мы опубликовываем целиком переписку между этими товарищами и нами.

№ 1. Письмо товарищей А. Шапиро и Е. Ярчук тов-щу Волину.

Берлин. 1923 г. . . января.

Уважаемый Товарищ.

В связи с опубликованными предостережениями и обвинениями за Вашей подписью — в качестве секретаря Группы Русских Анархистов в Германии — против т. т. Сандомирского и Гроссмана-Рошина, последний просил нас всесторонне выяснить брошенные Вами обвинения, во всяком случае постолько, поскольку они касаются его, Гроссмана-Рошина, дабы указанные тяжкие обвинения были подтверждены фактами и данными. Мы не считаем, однако, возможным, да и желательным, самим расследовать это дело и предлагаем Вам окончательно выяснить инцидент — могущий иметь очень серьезные последствия для нашего движения как за границей, так и в самой России — передав все дело в руки товарищеского суда, который имел бы право призывать в качестве свидетелей как обвинителей, так и обвиняемых и вообще лиц по его усмотрению. Мы предлагаем — и это предложение посылается как Вам, так и Гроссману-Рошину — таковой суд в составе т. т. Александра Беркмана, Рудольфа Рокера и Фрица Катера. Мы убеждены, что объективность и высокие нравственные качества указанных товарищей достаточно гарантируют всестороннее рассмотрение и справедливое и беспристрастное отношение к обоим сторонам.

Мы надеемся, Вы согласитесь, что такой товарищеский суд является единственным способом для выяснения поднятого дела и не будете возражать против его состава. Мы Вас убедительно просим сообщить нам Ваши соображения. Само собой разумеется, что при согласии обеих сторон на состав суда, решения последнего должны будут считаться исчерпывающими и окончательными как для обвинителей, так и для обвиняемого.

Роль нижеподписавшихся кончается созывом товарищеского суда.

С товарищеским приветом:

А. Шапиро.
Е. Ярчук.

№ 2. Ответ тов-ща Волина тов-щам А. Шапиро и Е. Ярчук.

Берлин, 9 января 1923 г.

Товарищам А. Шапиро и Е. Ярчук.

Уважаемые Товарищи.

Доведя Ваше обращение ко мне от... января с. г. до сведения «Группы Русских Анархистов в Германии», секретарем которой я состою и от имени которой были опубликованы предупреждения против Иуды Гроссмана-Рошина и дополнительные о нем сведения, я уполномочен Группой сообщить Вам следующее.

«Опубликование предупреждения против Иуды Гроссмана-Рошина и дополнительных о нем сведений являлось отнюдь не частным или личным делом секретаря Группы тов. Волина, но делом *всей Группы в целом*, за которую она берет всю ответственность перед анархическим движением целиком на себя. Подпись тов. Волина — в качестве секретаря Группы — очевидно лишь скрепляла документы.

Личную постановку этому делу совершенно произвольно и ошибочно придал сам Гроссман-Рошин, и Группа удивлена тому обстоятельству, что Вы следуете за ним в этом явном извращении дела.

Если бы, впоследствии, Группа явилась в данном деле одной из сторон, — она может делегировать и уполномочить для ведения всякого рода переговоров и для дачи объяснений по делу любого из своих членов.

В виду сказанного, Ваше личное обращение к тов. Волину, как неправильно адресованное, мы Вам возвращаем — с предложением впредь адресовать всякого рода документы, касающиеся данного дела, в «Группу Русских Анархистов в Германии».

Доводя это постановление Группы до Вашего сведения, я, с своей стороны, считаю своей обязанностью заявить Вам, что — как член и секретарь Группы — разумеется, разделяю вместе со всеми ее членами ответственность за опубликованные документы.

С товарищеским приветом:

Волин.

№ 3 и № 3а. Письма тов-щей Е. Ярчук и А. Шапиро в Группу Рус. Ан. в Герм.

Берлин, 10 января 1923 г.

В Группу Русских Анархистов в Германии.
Уважаемые Товарищи.

Как явствует из письма, полученного нами от Вашей группы за подписью т. Волина (от 9—1), обращение наше к т. Волину не было внимательно прочитано Вашей группой. Обращение по делу Сандомирского и Рошина, хотя и было *технически* адресовано ему, Волину, но касалось его как *секретаря группы*.

Что же касается «личной постановки» этого дела, о чем товарищ Волин считает нужным заметить в своем письме, — опять-таки от имени группы, — то в нашем обращении было ясно заявлено, что инцидент может «иметь очень серьезные последствия для нашего движения как за границей, так и в самой России».

Не желая, однако, вдаваться в полемику в тоне дипломатических и формальных оттяжек и отписок, принятых т. Волиным, по полномочию группы, в его письме от 9-го января, прилагаем при сем обращение к Вашей группе, в надежде, что Вы, без дальнейших отговорок, сможете дать нам ответ по существу.

С товарищеским приветом:

Е. Ярчук
А. Шапиро.

Берлин. 10 Января 1923 г.

В Группу Русских Анархистов в Германии.
Уважаемые Товарищи.

В связи с предупреждениями и обвинениями против т. т. Сандомирского и Гроссмана-Рошина, опубликованными Вашей группой за подписью т. Волина, в качестве секретаря группы, Гроссман-Рошин просил нас всесторонне выяснить брошенные Вашей группой обвинения, с целью подтверждения таковых фактами и данными.

Не считая, однако, возможным, да и желательным, самим расследовать это дело, но считая, тем не менее, создавшийся инцидент крайне важным и могущим иметь серьезные последствия для нашего движения, как за границей, так и в самой России, мы предлагаем Вам передать рассмотрение всего дела товарищескому третейскому суду, который имел бы право призывать в качестве свидетелей как группу обвиняющую (или отдельных ее членов), так и обвиняемых и вообще лиц по его усмотрению.

Мы предлагаем созвать таковой суд в составе т. т. Александра Беркмана, Рудольфа Рокера и Фрица Катера. Мы убеждены, что объективность и высокие нравственные качества указанных товарищей достаточно гарантируют всестороннее рассмотрение и беспристрастное и справедливое отношение к обоим

сторонам. Мы надеемся, что и Ваша группа найдет товарищеский суд единственным способом ликвидировать дело и не будет возражать против предложенного состава.

Убедительно просим Вас сообщить нам Ваши соображения.

Само собою разумеется, что, при согласии обеих сторон на состав суда, решения последнего должны будут считаться окончательными как для обвинителей, так и для обвиняемого.

Роль нижеподписавшихся кончается созывом товарищеского суда.

С товарищеским приветом:

Е. Ярчук
А. Шапиро.

№ 4. Ответ Группы тов-щам А. Шапиро и Е. Ярчук.

Берлин, 15 января 1923 г.

Товарищам А. Шапиро и Е. Ярчук.

Уважаемые Товарищи.

Ваше обращение и письмо от 10 января с.г. Группой получены. —

Прежде чем говорить о существе дела, Группа считает необходимым опротестовать грубый нетоварищеский намек Ваш на «дипломатические оттяжки, отписки» и «отговорки». Не менее, чем Вы, Группа заинтересована в том, чтобы дело Гроссмана-Рошина было возможно скорее и полнее освещено и разобрано. И если Группа, тем не менее, сочла для себя невозможным ответить на Ваше первое обращение по существу, то лишь потому, что считала безусловно необходимым с самого же начала определенно отвести в сторону всякую тень возможности приписать дело Группы одному ее члену, хотя бы последний и был ее секретарем. —

По существу дела:

Гроссман-Рошин, — пишете Вы, — просил Вас «всесторонне выяснить брошенные обвинения, с целью подтверждения таковых фактами и данными».

Всестороннему разбору и выяснению дела мы всецело идем навстречу.

Возникает вопрос о характере и форме этого разбирательства.

Вияв просьбе Рошина, но, по некоторым мотивам, отказываясь сами «расследовать это дело», Вы предлагаете нам — «товарищеский третейский суд».

Такое предложение Ваше нас чрезвычайно удивляет. Мы считаем — и, казалось бы, для Вас, достаточно хорошо знающих русское анархическое движение и события последних лет, это должно было бы быть совершенно понятным и заранее ясным, само собою разумеющимся, — мы считаем, что дело Гроссмана-Рошина отнюдь не может вестись в плоскости *товарищеского третейского суда* между нами и им, так-как: 1) большинством русских анархистов, если не всеми, Рошин считается вышедшим из товарищеских анархических рядов

уже несколько лет назад; 2) дело Рощина, как ренегата анархизма, начато не нами и не здесь, а русскими анархистами на почве русской революции и «анархо-большевизма» в России (см., хотя бы: брошюру т. Б. Стоянова «Открытое письмо» Рощину, запрещенную большевиками; резолюции Елисаветградского Съезда Конфедерации «Набат» [резолюцию «о росте и задачах анархического движения вообще»]) и др., за время относительной свободы анархической прессы в России); 3) окончательное заключение о Рощине может быть вынесено лишь впоследствии — широкими анархическими кругами России; 4) принятие нами товарищеского третейского суда с Рощиным было бы не только не понято, но и осуждено, опротестовано большинством (если не всеми) товарищей в России.

Таким образом, по вопросу о характере разбирательства — Группа считает, что дело Рощина может сейчас разбираться лишь в плоскости фактических о нем справок, то-есть простого установления или опровержения данных нами о нем в настоящем случае сведений.

Группа предлагает, следовательно, не созыв товарищеского суда, а организацию комиссии по проверке — установлению или опровержению — сообщенных нами о Рощине сведений и по выяснению связанных с данным делом обстоятельств.

Само собою разумеется, что заключения такой комиссии не могут быть окончательными — оправдывающими или обвиняющими — вердиктами, а могут носить лишь характер информации, на основании которой товарищи и организации могут делать те или иные выводы.

Группа находит также нужным заранее заявить, что она ставит неременным условием разбирательства дела широкое опубликование в анархической прессе всех показаний, заявлений, документов, данных и пр., которые будут предъявлены при разборе дела и, вообще, подробных протоколов этого разбора (за исключением, конечно, данных, носящих конфиденциальный характер).

Что касается состава такой комиссии, то Группа против предлагаемого Вами состава (т. т. Александр Беркман, Рудольф Рокер и Фриц Катер) не возражает.

Мы надеемся, что Вы согласитесь с нами в предлагаемой постановке дела, как в единственно правильном способе выяснить создавшийся инцидент.

В ожидании Вашего ответа

С товарищеским приветом:

По поручению «Группы Русских Анархистов в Германии»

Секретарь: Волин

Печать.

№ 5. Последнее письмо тов-щей Е. Ярчук и А. Шапиро в Группу.

Берлин. 19 января 1923 г.

В «Группу Русских Анархистов в Германии».

Товарищи.

Ваш ответ от 15 сего января по делу третейского суда получили... С тех пор как существует анархическое движение, такие обвинения, как брошенные Вами по адресу т. Гроссмана-Рощина, разбирались товарищеским третейским судом. И мы считаем, что этот способ остается и теперь единственно-возможным.

После же того, как Вы в этом письме категорически отказались от товарищеского третейского суда, мы не находим нужным и целесообразным убеждать Вас в противном и оставляем за собою свободу действий.

С товарищеским приветом:

Е. Ярчук

А. Шапиро.

Мы считаем комментарии к этой переписке излишними. Подчеркнем лишь, что, — как это видно из переписки, — от разбора дела мы не отказывались и не отказываемся; но идею *третейского товарищеского суда* мы, конечно, отвергаем, ибо считаем Рощина не товарищем, а злостным ренегатом анархизма. Т.т. Ярчук и Шапиро, не отвечая нам по существу вопроса и настаивая на третейском суде, тем самым заявляют, что считают Рощина анархистом и своим товарищем. Пусть, в таком случае, они заявят об этом определенно и публично. Или, если они не считают Рощина анархистом, то пусть укажут пример, когда бы такое дело, как дело Рощина, разбиралось на основах товарищеского третейского суда.

По имеющимся у нас точным сведениям, большевистское правительство крайне недовольно поведением высланных из России анархистов. Высылая их, правительство, видите ли, надеялось, что они поведут за границей исключительно разрушительную пропаганду против европейской буржуазии и европейских правительств; а они ведут борьбу и против большевиков...

Такие заявления представителей советской власти проливают достаточный свет на политику последней по отношению к нам.

Вторая партия наших товарищей (А. Барон, Лия Готман и др.), намеченных к высылке за границу, была, накануне отправки, задержана чекой в Москве, и, вместо заграничной, товарищи попали снова, в заключение или в ссылку.

Несомненно, цель большевиков в отноше-

^{*)} Резолюция IV. Рост и задачи анархического движения вообще: "... Наконец, съезд считает необходимым открыто и прямо заявить: ... 2) что, по его мнению, представители так-называемого „советского анархизма“, ставшие на платформу признания и поддержки „советской власти“, тем самым автоматически перестали быть анархистами".

нии нас, это — тем или иным способом ликвидировать за границей наше существование, как организованной, непримиримой к ним группы, ведущей ту работу, которая наиболее полно и по существу разоблачает их истинную роль в русской революции.

Все революционные анархисты, кому дороги идея анархизма и анархическое движение, должны быть настороже и рукой твердой пресекать всякие большевистские козни, кем бы последние ни предпринимались. Следует всегда помнить, что большевизм, благодаря своей демагогии и эксплуатации идей социальной революции, породил ложь и ренегатство в многочисленных, доселе неизвестных видах. Мы уверены, что рано или поздно все они будут вскрыты и убиты.

Апрель, 1923 г.

Группа Русских Анархистов
в Германии.

Секретарь: Волин.

(Печать.)

Дополнение.

Приведенный материал был готов к отправке, когда выявились два новых факта: 1. «Резолюция» Загр. Бюро по созд. Рос. Конф. Ан-Синд. (напеч. в «Голосе Труженика» № 209, Сев. Ам.) и 2. «Письмо в редакцию» (под загл. «Дело Волин-Рощина», за подписью А. Шапиро и Е. Ярчук) в журнале «Рабочий Путь» № 2—3 (Берлин).

Оба документа направлены против нас за наше отношение к Рощину и другим анархо-большевикам.

Мы считаем, что приведенный нами материал исчерпывающим образом объясняет наше поведение, оправдывает наши предупреждения и покрывает выдвинутые против нас в упомянутых документах протесты.

Мы остановимся, поэтому, лишь более или менее кратко на некоторых основных пунктах этих документов, — пунктах, которые являются или искажениями или следствиями искажений.

1. «Резолюция» Загр. Бюро по созд. Рос. Конф. Ан-Синд.

Основное искажение состоит в том, будто мы обвиняем Рощина в провокаторстве или шпионстве.

Из всех, опубликованных нами, документов совершенно ясно, что мы: 1) не занимаемся обвинениями Рощина, и 2) не приписываем Рощину ни провокаторства, ни шпионства.

Мы предупреждали анархическую среду о том, что Рощин, именуя себя анархистом и вращаясь в анархической среде, на деле является не анархистом, а большевиком, целиком служит большевистской идее и практике и принимает на себя поручения большевиков в

отношении анархистов, скрывая от последних эти поручения. Мы приводили соответствующие факты из деятельности Рощина и выражали нашу уверенность в том, что и теперь он приехал за границу с известной миссией от своих друзей-большевиков по отношению к анархическому движению за границей. Это — все.

Авторы «резолюции», вслед за нами, признают:

«С торжеством большевизма, он (Рощин), вращаясь в анархических рядах, называя себя анархистом и анархо-синдикалистом, фактически перестал быть таковым».

И далее:

«Его утверждения... почти окончательно стерли грани между им и большевизмом. Эта ложная, но искренняя точка зрения сделала из Рощина адвоката большевизма со всеми его проявлениями».

Так в чем же дело?

Если бы «адвокатство» Рощина было невинным, никому не мешающим занятием, то кто бы о нем говорил! Но, ведь, в том-то и суть, что защищаемые Рощиным «проявления большевизма» — не только не искренни, но чудовищны по своей подлости и губительны по своим последствиям. И анархизму не легче от того, что Рощин защищает их «искренне». Вот почему мы о нем и предупреждали.

Бюро заявляет, что оно «вело бы отчаянную борьбу с позицией Рощина», — если бы он пользовался влиянием и играл бы роль в движении.

На этот счет можно быть разного мнения. Мы находим, что Рощин не только играл роль, но и крупную роль — не в анархизме, конечно, а в борьбе с анархизмом. Поэтому мы о нем и предупреждали.

Авторы резолюции пишут:

«Но отсюда очень далеко до того, чтобы обвинить его в провокации, в выполнении им агентурно-политических заданий большевиков, в чем его обвинила Группа Русских Анархистов в Германии».

Это — подтасовка понятий. *Агент правительств и провокатор* — далеко не одно и то же. Если же авторы резолюции не понимают этой разницы, то пусть прочтут на этот счет, хотя бы, заметку по поводу Г. Сандомирского в «Le Libérateur» № 202. Вот она — в дословном переводе с французского:

«Себастьян Фор передал нам письмо, только что полученное им из России. Оно подписано: Сандомирский, начальник балканской секции русского Комиссариата Иностранных Дел.

В этом письме, которое мы не можем опубликовать здесь, в виду содержащихся в нем многочисленных ругательств по адресу нашего лучшего товарища Волина, Сандомирский жалуется, что последний назвал его «агентом большевистского правительств».

Нам кажется, однако, что титул, которым он сопровождает свою подпись, оправдывает эту квалификацию. Мы не сомневаемся в

честности и порядочности Сандомирского и не думаем, чтобы он был агентом полиции большевистского правительства; но, не отрицая, он — должностное лицо этого правительства, даже высокое должностное лицо, высший агент, и это не очень-то совместимо с анархическими идеями, которых приверженцем он еще себя заявляет.

Сандомирский обвиняет в своем письме единственно Волина. Оп, следовательно, думает, что нам нужно было предупредить Волина, чтобы оценить его двусмысленную позицию в социальном движении? Пусть Сандомирский прочтет комплект «Le Libérateur». Он найдет там ряд заметок, которые оценивают, уже начиная с июня месяца, его поведение во время Генуэзской конференции. Мы высказываем там то, что мы всегда думаем: а именно, что невозможно, для анархиста, быть начальником правительственного учреждения; что, несмотря на самые лучшие в свете намерения по отношению к нам и самую живую критику большевистского режима, Сандомирский, на деле, принимает на себя ответственность, в силу своей должности, за всё то, чем он пользуется, и за всё то, что он вызывает». —

Быть-может, авторы резолюции скажут, что наши предупреждения *можно толковать* в смысле обвинения Рошина в провокации? — Но, во-первых, это уже значительно смягчало бы дело и снимало бы с нас ложный упрек в том, будто мы обвиняем Рошина в провокачестве. Во-вторых, *ни одна газета* не поняла нас в *таком* смысле. Единственным органом, квалифицировавшим выступления Рошина как «провокационные», были «Американские Известия». Причем, судя по их заметке, они сделали это не на основании только нашего предупреждения. В-третьих, наконец, — и это главное, — не наша вина, если различные проявления большевизма, в конце концов, так тесно переплетены между собой, что неизвестно, где кончается одно из них и начинается другое. Всякий анархо-большевик сам в большей или меньшей степени сближает себя со всеми проявлениями большевизма и несет ответственность за всех них вместе.

По поводу отклонения нами товарищеского суда с Рошиным, «Бюро» пишет:

«Но она (Группа) отказалась, однако, от суда, она согласилась лишь на комиссию, в которой не она должна была дать фактический материал, подтверждающий обвинения, возведенные на Рошина, а, наоборот, этот последний должен представить материал своей правоты...» (курсив наш).

Достаточно прочесть наше письмо к А. Шапиро и Е. Ярчук (см. выше письмо № 4), чтобы были совершенно ясны, как мотивы нашего отклонения, так и роль предложенной нами комиссии*. Что не мы, а Рошин должен

был представить комиссии материал, — это авторы «резолюции» сочинили.

В виду сказанного, отпадают сами собой и все «выводы» Бюро, в которых оно пыталось «реабилитировать» Рошина и «заклеймить» нас.

II. Письмо в редакцию А. Шапиро и Е. Ярчук.

Изращения в этом письме еще более беззастенчивы. Отметим их.

1. «Группа уклонилась сначала от прямого ответа, придравшись к пустячной «неправильности» обозначения адреса группы».

Из документов ясно, что дело шло не о «неправильности адреса группы», а о придании всему делу неправильного характера. С самого начала, Рошин, в своих обращениях и письмах, придал делу чисто личный характер, как делу, созданному т. Волиным, яко-бы неспособным бороться с ним. Рошиным, иначе, как таким не-этичным способом. Адресуя свое предложение суда лично т-щу Волину, тт. Шапиро и Ярчук скрепляли такую постановку вопроса. Группа сочла своей обязанностью установить правильное положение.

2. Группа «использовала эту умышленную передышку для визитов к членам предполагавшегося третейского суда, убеждая их в том, что они неспособны быть членами такого важного суда».

Это — ложь. И товарищ Беркман, и тов. Катер могут засвидетельствовать, что никогда никаких «визитов» к ним и никаких разговоров с ними по поводу предполагавшегося суда никто из группы или от имени группы не предпринимал. В действительности, тт. Волин и Владимир говорили по этому поводу только с тов. Рокер: говорили не по поручению и не от имени группы, но частно, советуясь с Рокер, как с опытным лицом, о создавшемся положении и посвящая его, как человека, недостаточно осведомленного относительно русских дел, в обстановку данного дела.

3. В отношении вопроса об обвинении Рошина в «провокачестве» — тт. Шапиро и Ярчук осторожнее, чем «Бюро». Они обходят этот вопрос молчанием. Но, зато, они без стеснения «информируют» на этот счет других товарищей. Правильность их «информации» видна, в особенности, из ответа т. Беркмана. Последний пишет им:

«Обвинить кого-либо в рядах революционного движения в прелательстве или шпионстве — является делом серьезным. Такое обвинение в интересах общего дела влечет за собою обязанность доказывать эти обвинения».

Мы уже отмечали, что ни в провокачестве, ни в шпионстве мы Рошина не обвиняли.

«Комиссия, избираемая или назначаемая для такого случая, — продолжает т. Беркман, — не может только рассматривать материал. Это ни к чему не приведет. Такая комиссия должна прийти к окончательному выводу, на основании представленных материалов, относ-

* Допустимо, быть-может, с тем и другим не соглашаться. Но совершенно недопустимо извращать нашу постановку вопроса. —

тельно правильности или ложности обвинения... Я, лично, отказываюсь быть членом комиссии, которая будет носить характер лишь, так-сказать, «информационного бюро», и не будет иметь права высказать свое мнение и запротоколировать свое решение по рассматриваемому делу».

Из нашего письма т-щам Шапиро и Ярчук (№ 4) совершенно ясно, что мы тоже имели в виду отнюдь не такую нелепую комиссию. Мы ясно говорим там о том, что комиссия должна будет проверить — установить или опровергнуть — наши о Рошине сведения и вынести свои заключения. Мы говорили лишь, что эта комиссия должна быть не «третьей судом», и ее заключения — не окончательными «приговорами», а именно только *мнениями*, на основании которых товарищи свободны делать те или иные выводы. Что же касается «протоколирования», то мы именно настаивали на полном запротоколировании всего материала по делу.

«Ломиться в открытую дверь» т-щу Беркман приходится, очевидно, лишь потому, что дело было ему представлено в неправильном освещении.

Т-св. Катер не дает т-щам Шапиро и Ярчук определенного ответа. Но и из его замечания видно, что он не знает подлинного положения дела.

Заслуживает внимания письмо т. Рокер. В нем Рокер пространно проводит и аргументирует точку зрения относительно *личной чести* человека — независимо от направления, к которому человек принадлежит. Несомненно, рассуждения Рокер дышат большим прекраснотушием. Мы целиком разделяем его мнение. Но стоит только хорошо ознакомиться с настоящим делом, чтобы видеть, что к данному случаю эти рассуждения совершенно неприложимы. «Личная честь» Рошина оказывается, в данном случае, затронутой лишь как естественное следствие нашего о нем предубеждения, сделанного в порядке революционной необходимости борьбы — не с его направлением, а с его *ролью в беспощадной борьбе большевизма против анархизма*. Ни «другое направление», ни «старые и хорошие традиции», ни возможность «обоюдного соглашения», ни «товарищеский суд» — здесь совершенно не при чем.

Напрасно т. Рокер думает, что иначе данный вопрос не может разрешиться. Мы предлагали решение: *комиссия, которая ознакомилась бы со всем нашим материалом и со всеми обстоятельствами дела, проверила бы все данные, на основании которых мы сочли своей обязанностью предупредить против Рошина, и опубликовала бы этот материал и свое заключение по делу*. Товарищи и организации могли бы тогда вынести свое окончательное решение, свой «приговор».

На организации такой комиссии мы настаиваем и теперь. На товарищеский же суд с Рошиным мы, по прежним соображениям, ни в коем случае согласиться не можем и считаем, что такая комиссия достаточна, чтобы

разрешить вопрос и о «личной чести» Рошина. На основании каких «документов в руках» тт. Шапиро и Ярчук предупреждают анархические организации «против развращающей роли, взятой на себя Группой Русских Анархистов в Германии», нам неизвестно. Но судя по тем передержкам и извращениям, которые ими уже допущены и на которые мы указали, надо думать, что и остальные их документы имеют ту же ценность.

В своем P. S. авторы извещают о незамедлительном получении ими «из Москвы» резолюции протеста «против выступления Волина». По этому поводу мы должны заявить следующее:

1. Заграницей из Москвы получено письмо от члена нашей группы, которому, при его отъезде из заграницы в конце 1922 г., т. Шапиро поручил передать в Москву письмо для тамошних товарищей. Не зная содержания письма, товарищ исполнил поручение. Оказалось, что в этом письме Шапиро «информировал» московских товарищей о деле Рошина и призывал их к протесту против т. Волина и Группы.

Не имея, на основании всего вышеизложенного, доверия к правильности «информации» т. Шапиро, мы требуем опубликования письма Шапиро — прежде, чем судить о значении ожидаемой резолюции протеста.

2. Но если бы даже такой протест нескольких московских анархистов оказался не плодом недоразумения, — он еще ничего не доказывал бы. В течение некоторого времени точки зрения на Рошина и на все данное дело могут быть весьма различны, и перекрестные протесты не будут носить окончательного характера.

Так, мы, с своей стороны, — без всякой информации от нас, — получили от одного товарища из Петрограда письмо, в котором он, между прочим, пишет: «Ваше заявление о Рошине и тому подобных мы читали в одной заморской газете. И я, и многие наши вполне присоединяются к вашему мнению и вполне на вашей стороне. Я давно уже говорил, что давно пора очистить нашу семью от всякой отжившей и пакостной публики».

Южно-американские товарищи получили письмо от анархистов из *Москвы* же, в котором товарищи резко протестуют против роли Рошина в анархическом движении и называют его «подлинным Иудой» анархизма.

На протест, скажем, сорока — мы могли бы ответить контр-протестом четырехсот, и на протест четырехсот — контр-протестом четырех тысяч... Не эти протесты решат вопрос.

Вопрос решится тогда, когда подлинное значение анархо-большевизма и анархо-большевиков в русской революции и в анархическом движении заграницей будет окончательно выяснено и оценено).*

* Как мы уже отмечали, здесь лежит одна из причин того, что мы не придаем ни «товарищескому» суду, ни — даже — предлагаемой нами Комиссии решающего значения. —

И тогда же будет бесспорно установлено, — «с фактами и документами в руках», — кто играл в нашем движении развращающую роль.

Май 1923 г.

Группа Русских Анархистов
в Германии.

Секретарь: Волин.

(Печать)

Дополнение II

(по делу Г. Сандомирского).

3-го мая с. г. т. Волиным было оглашено на заседании Группы Русских Анархистов полученное им в тот же день письмо от 12-го марта за подписью пяти московских анархистов по делу Г. Сандомирского, в связи с опубликованным ранее предупреждением Группы против последнего.

Группа поручила трем своим членам ответить на письмо и решила опубликовать как самое письмо, так и ответ.

Письмо московских анархистов.

Товарищ Волин,

в «Американских Известиях» от 29-го ноября 1922 г. № 50, от имени и по поручению «Группы Русских Анархистов в Германии», Вами напечатана заметка под заглавием — «Дополнительные данные о большевистских агентах».

В этой заметке Вы квалифицируете деятельность тт. Сандомирского и Гроссмана-Рошина, как агентурную работу для советской власти, сопоставляете их имена с именами Штейнера и Рыжина, имеющих в революционных кругах определенно однозную репутацию, и предостерегаете тт. анархистов, работающих в западно-европейских организациях, в связи с указанными фактами, от возможности «чудовищной провокации советской власти».

Эта заметка произвела впечатление на московских анархистов.

Независимо от принципиальных и весьма серьезных разногласий по вопросам внешней и внутренней политики соввласти, московские анархисты доселе не имели оснований ни сомневаться в искренности убеждений тт. Сандомирского и Гроссмана-Рошина, ни тем более видеть в них наемных агентов соввласти.

На Вашу заметку первой (11 янв. 1923 г.) отозвалась редакция «Почина» следующим обращением к товарищам:

«В связи с заметкой, появившейся в газете «Америк. Известия» (№ 50 от 29 ноября 1922 г.) от имени группы русских анархистов в Германии за подписью т. Волина, безапелляционно квалифицирующей тт. Г. Сандомирского и И. Рошина «большевистскими агентами», редакция «Почина», находя, что заочное

осуждение недопустимо среди анархистов, когда даже в государственных судах дают возможность предвительно высказаться обвиняемым, приглашает нижепоименованных товарищей собраться в воскресенье 14 января в 2 часа дня в помещении музея имени Кропоткина, чтобы выслушать объяснения т. Сандомирского. Это тем более необходимо, что в самой заметке ставится вопрос: «спросим Сандомирского, что он говорил румыну о Махно». Что касается т. Рошина, то он находится за границей и имеет возможность там сам потребовать товарищеского суда.

На собрании 14 янв. 1923 г. были приглашены 35 товарищей, из коих явились — 29. На собрании присутствовал т. Сандомирский, давший пространные объяснения по поводу Вашей заметки.

После некоторого обмена мнений собрание выбрало комиссию в составе 5 лиц: Андреева Андр., Атабекяна Ал-дра Моис., Борового, Пиро и Худолей, которой поручило выяснить обстоятельства настоящего дела и запросить Вас по существу затронутых Вами вопросов.

В своих заседаниях комиссия пришла к следующим заключениям:

а) «Суждение по существу документа является для комиссии невозможным до получения от т. Волина, к которому комиссия обращается с запросом, обстоятельного и мотивированного разъяснения его. б) Вместе с тем комиссия считает возможным уже сейчас — до получения разъяснений т. Волина — не останавливаясь на принципиальных разногласиях с т. Сандомирским, указать на совершенно недопустимость квалификации его, как «агента» и помещения его имени рядом с именами агентов — Штейнера и Рыжина. в) Копию сего сообщить т. Волину одновременно с запросом к нему». (Выписка из протокола 24-го января 1923 г.)

На основании всего вышеизложенного, комиссия просит Вас сообщить ей материалы, находящиеся в Вашем распоряжении и имеющие отношение к делу тов. Сандомирского.

Москва, 12-го марта 1923 г.

С анархическим приветом:

Алексей Боровой. Андрей Андреев. Александр Атабекян. В. Худолей. Т. Пиро.

Ответ Группы Рус. Ан. в Герм.

Берлин, 10 мая 1923 г.

Товарищам: А. Боровому, Андрею Андрееву, Ал. Атабекяну, Т. Пиро и В. Худолею.

Товарищи.

Письмо Ваше от 12 марта с. г. с запросом относительно Г. Сандомирского получено нами 3-го мая и в тот же день обсуждено на заседании Группы Русских Анархистов в Германии.

Группа поручила т-щам Владимиру, Во-

лину и Гуго Трой*) изложить Вам обстоятельства дела Сандомирского в том виде, в каком они имели место здесь, заграничной.

1. Прежде всего, несколько слов об общем положении вещей.

В момент приезда за границу наших высланных и бежавших из России товарищей (конец 1921 — начало 1922 г.) заграничное анархическое и анархо-синдикалистское движение оставалось, за небольшими исключениями (глав. обр., Германия), мало осведомленным о подлинном положении дел в России, о роли большевиков в русской революции, о главных моментах этой последней, о позиции анархистов, об их преследованиях и т. д. Лишь незначительная часть товарищей отдавала себе ясный отчет в положении и старалась, насколько могла при имевшихся скудных и противоречивых данных, освещать его. В общем же, анархистское и синдикалистское движение Франции, Италии, Испании, Америки и т. д. не знало даже самых основных фактов русской революции и ориентировалось по большевизму.

Еще менее осведомленными и, потому, еще более большевистствующими были широкие рабочие массы. Можно сказать, что последние — даже в Германии, не говоря уже о других странах, — не знали почти ничего верного о русской революции, получали все сведения о ней из рук казенной коммунистической прессы и видели все события исключительно и целиком в освещении последней.

Поэтому, в целях скорейшего облегчения участи наших оставшихся в России товарищей, в целях борьбы за права анархизма в России и, наконец, для постановки планомерной анархической работы заграничной, необходимо было, прежде всего другого, громко и решительно сказать всю правду о России. Эта задача ложилась, прежде всего, на наши плечи. К ней и приступили тотчас наши товарищи.

В анархической прессе всех стран стали появляться статьи, заметки и сообщения, рисующие истинное положение дел в России и разоблачающие как подлинную роль большевиков, — так и чудовищные репрессии последних в отношении анархизма и анархистов.

К этой же работе приступила образовавшаяся в марте 1922 г. «Группа Русских Анархистов в Германии».

Начатая, таким образом, работа не замедлила принести свои плоды.

Уже после Конгресса 25 декабря 1921 г., во время которого т. Волин, только-что прибыв тогда за границу и не участвуя в самом Конгрессе, сделал, однако, делегатам Конгресса некоторые сообщения о положении дел в России, началась более определенная критика революции и большевизма.

К лету 1922 г. поворот в анархическом дви-

жении разных стран в сторону осведомленности и критики обозначился еще отчетливее. В то же время, в Группу Русских Анархистов в Германии и к другим товарищам стали поступать из разных стран прямые запросы о положении и роли анархизма в России, о преследованиях анархистов и т. п. Насколько они были в силах, товарищи отвечали на эти вопросы.

Вскоре обозначилось вполне определенное движение — не только в анархической среде, но и в рабочих массах — в сторону протеста против роли большевиков в России и против гонений на анархизм. Накопился и опубликовывался все более точный и подробный материал. Начались протесты, выступления и т. д.

Разумеется, мы предвидели тогда же, что большевики не оставят этого движения без внимания и противопоставят ему определенную кампанию.

2. Летом 1922 г., в дни генуэзской конференции, итальянские товарищи организовали в разных местах Италии кампании протеста против гонений советской власти на анархистов в России. Целью этих протестов было — изобличить советскую власть, в лице советской делегации в Генуе, в преследовании анархистов и анархической идеи в России и в той или иной мере добиться облегчения участи анархистов, находящихся в советских тюрьмах. В виду этого, многие итальянские товарищи, — в числе их редактор «Umanita' Nova» Лунджи Фабри, — обратились к нам за необходимыми справками и материалом, которые на-спех, в неполном виде, и были посланы нами в «Umanita' Nova» и в «L'Avenir Anarchico».

Предпринятая кампания привлекла внимание широких рабочих масс Италии, начавших выносить резолюции протеста, и протекала очень хорошо. (Ряд номеров «Umanita' Nova» и других итальянских газет за апрель-май-июнь 1922 г., отражающих развитие этой кампании, могут быть нами, в случае надобности, доставлены особо.)

В разгар этой кампании Сандомирский, в качестве анархиста, только-что прибывшего из России, выступил с пространными интервью, в которых защищал советскую власть, утверждая, что последняя является законным и единственно здоровым продуктом русской революции, и что почти все русские анархисты так или иначе сотрудничают с нею. (См. «Umanita' Nova», № 103 и след.) При этом характерно, что уже с дороги (в Италию) Сандомирский извещал итальянских товарищей о своем скором прибытии, так что те нетерпеливо ждали его для получения всякого рода справок.

Указанные утверждения Сандомирского были немедленно перепечатаны большевистской прессой Италии, Франции и других стран.

Сандомирский же предложил итальянским товарищам выяснить вопрос об анархистах в России с Чичеринным и устроил, таким

*) Итальянский товарищ, член нашей организации, бывший в России летом 1921 г. в качестве делегата на Конгрессе Профинтерна.

образом, последнему доступ в анархическую среду в Италии*). Действительно, Чичерин дополнил выступления Сандомирского, заявив итальянским товарищам (Бинацци, ред. «Il Libertario», и другим), что анархизм в России пользуется полным правом законности и что в русских тюрьмах нет ни одного идейного анархиста, но лишь бандиты, прикрывающиеся именем анархизма. (Все эти перипетии хорошо отражены в итальянской анархической прессе того времени и подробно освещены нам нашими итальянскими товарищами.)

В результате выступлений Сандомирского и Чичерина, агитация в защиту русских анархистов потерпела неудачу, и к нам — русским анархистам, находящимся в Германии, — посыпались из Италии недоуменные вопросы. На эти вопросы и на ложь Сандомирского и Чичерина мы ответили выпуском брошюры «Гонения на анархизм в советской России», где, наряду с общим положением анархизма в России и описанием гонений на его идею, привели свыше 180 имен с революционными биографиями лиц убитых или заточенных советской властью в тюрьмы и лагеря за революционное служение анархизму. Брошюра была вскоре же издана на французском языке (первое издание уже распродано). Подготавливается ее издание и на других языках (на болгарском уже вышло).

3. Что касается самого Г. Сандомирского, то мы, — прежде всего, персонально, а не от имени Группы, — дали о нем в статье под заглавием «Большевистские коммюажеры», фактическую справку (см. «Umanita' Nova» от 25 июня, франц. «Le Libertaire» № 183 и др. газеты).

В этой справке мы заявили, что Сандомирский не имел ни малейшего права выступать в столь серьезном вопросе, как спор русских анархистов с диктатурой большевизма, от имени анархизма, ибо русский революционный анархизм последних лет не помнит в своих рядах имени Сандомирского.

Мы, кроме того, указали, что Сандомирский сказал неправду итальянским товарищам, скрыв от них факт перманентной гражданской войны советской в деревне и в городе, скрыв от них подлинную историю гонений на анархизм в советской России.

Мы ничего не имеем против открытой защиты большевизма и его идей. Но считаем преступлением делать это путем искажения правды об анархическом движении, о подлинных поступках большевиков и о всей русской революции.

*) Приводим выдержку из заметки т-ша Бинацци в № 121 «Umanita' Nova» от 23 мая 1922 г. под заглавием «Чичерин и русские анархисты»: «Товарищ Сандомирский дал знать товарищам, с которыми находился в Специи, что, — в результате кампании, развернутой в нашей прессе, и протестов, направленных в Генуя в русскую делегацию Анархическим Союзом и анархическими группами в целях требования освобождения русских анархистов, заключенных в тюрьмы, — Чичерин желал бы по этому вопросу вступить в переговоры с нами».

Сандомирского мы квалифицировали, как анархо-большевика, и в этом смысле предупреждали против него итальянских товарищей и товарищей других стран.

Мы отметили также, что выступление Сандомирского в Италии перед лицом Генуи и перед лицом протестующих рабочих масс являлось делом, главным образом, советской власти. Ибо мы считали одинаковым — выступал ли Сандомирский в порядке открытой официальной дипломатии или же в порядке добровольной неофициальной дипломатии.

4. После того, как Сандомирский, в ответ на нашу статью, прислал французским и итальянским товарищам ругательное письмо, направленное главным образом, против т. Волина, — письмо, которое сочли невозможным напечатать и французские, и итальянские товарищи, — нашу группу запросили дать дополнительные сведения о Сандомирском, о Гроссмане-Рошине и о других анархо-большевиках.

В заметке «Дополнительные данные о большевистских агентах» мы сообщили, как характерный для облика Сандомирского факт, его участие, в качестве переводчика, в переговорах о выдаче т. Махно из Румынии советскому правительству, как бандита. Насколько нам известно, факт этот в свое время был сообщен самим Сандомирским тт. Боровому и, кажется, Э. Гольдман. Оценка этого факта в нашей среде, в виду крайней ее разнородности, может быть различна. Мы, однако, считаем абсолютно недопустимым в анархической среде такой факт, считаем его несомненным с званием и достоинством анархиста. Такого же мнения на этот счет все товарищи Европы и Америки, находящиеся с нами в сношениях.

5. Имя Сандомирского оказалось в этой заметке недалеко от имен Рыжина и Штейнера не потому, конечно, что мы причисляем Сандомирского к большевистским агентам типа Штейнера, а потому, что мы считали необходимым полнее и нагляднее вскрыть иностранным товарищам агентурную стратегию большевиков в ее целом. Сандомирский — не Штейнер, разумеется, и мы этого не утверждали, и никто нас в таком смысле не понял. Но поскольку Сандомирский является анархо-большевиком и политическим агентом (дейтелем) большевистского правительства, постольку он неизбежно будет направляться советской властью и служить ее интересам, губительным для анархизма и анархистов. Советская власть — центр. Сандомирский, Гроссман-Рошин, Рыжин, Штейнер и другие — радиусы; правда, различного смысла радиусы (различные нам точно указано), но управляемые, однако, одним общим центром. В этом смысле мы берем советскую власть и всю ее агентуру, включая и анархо-большевизм, в один общие скобки, считая, что уяснить иностранным товарищам это фактически верное и характерное положение вещей является нашим пря-

мым долгом перед движением. И этот смысл совершенно ясен в нашей заметке.

Название «большевистский агент», даваемое нами Сандомирскому, применяется к нему не в смысле наемной полицейской агенты, а в общем смысле — в смысле служения большевистской государственной системе (агент — деятель).

Французские товарищи достаточно отчетливо разъясняют самому Сандомирскому, почему и в каком смысле анархисты называют его большевистским агентом. В № 202 «Le Libertaire» они пишут: (дослов. перевод на рус. яз. см. стр. 66—67).

На основании сказанного, мы считаем пункт b) предварительных «заключений» Комиссии чересчур поспешным. В том случае, если Комиссия, ознакомившись с нашими разъяснениями, согласится с поспешностью и ошибочностью этого пункта, последний должен быть ею отменен, и отмена эта должна быть запротоколирована.

Еще одно, небольшое разъяснение по поводу предостережения нашего относительно возможности «чудовищной провокации совет-власти».

Предостережение это было необходимо в виду поступивших к нам конспиративных сведений. Оно прибавлено было к нашим общим предупреждениям — отчасти в виду необходимости шпешности, как отдельное заявление, отчасти же, опять-таки, для того, чтобы лишний раз подчеркнуть заграничным товарищам тот крайне существенный факт, что в борьбе с нами большевистское правительство прибегает одновременно к различным способам — дипломатическим, политическим, провокационным и т. д. Отметим, что технически это заявление было отделено от остального текста чертой (см. «Le Libertaire» № 204). «Американские Известия» при наборе, почему-то, опустили черту.)

Не наша вина, если различные проявления большевизма, в конце концов, так тесно переплетены между собою, что неизвестно, где кончается одно из них и начинается другое. Всякий анархо-большевик сам в известной мере сближает себя со всеми проявлениями большевизма и несет ответственность за всех них вместе.

Группа «Почин» заблуждается, когда говорит, что мы судим людей и не даем им возможности защиты. В порядке боевой революционной дисциплины мы дали предупреждение о Сандомирском и о Гроссмани-Рошина, как об анархо-большевиках, служащих большевистской идее, по называющих себя анархистами и этим вводящих в заблуждение несомнеленных товарищей и широкие массы. Данные (и разъяснения), на которых мы в этом случае основывались, мы не скрываем и можем сообщить их любой организации или товарищу, которые пожелали бы выяснять дело, как даем их Вам.

Вопрос о персональной искренности Сандомирского и Гроссмани-Рошина, о чем тоже говорится в Вашем письме, не может иметь места в нашем подходе к делу Сандомирского, Рошина и прочих анархо-большевиков. Сколь бы ни были они искренни, но раз они — агенты существующей государственной системы, — а они несомненные агенты этой системы, — то о них должно быть сделано необходимое соответствующее оповещение в анархической среде и они без всякой сентиментальности должны быть удалены из наших рядов*).

Совершенно правы наши товарищи из южной Америки (Аргентины), когда они в одном из своих писем нам по поводу создавшегося инцидента говорят, что если товарищи желают очистить Гроссмани, то этого можно достичь «не постановлениями и третейскими судами, а действительной его работой; и нужно Гроссману указать, чтобы не делать пакостей во вред анархического движения, — тогда никто не станет обзывать его упомянутыми словами». — То же можно сказать о Сандомирском. Пусть он сам расскажет, что он делал и делает в русской революции. И тогда, по его делам — будут судить о нем.

P. S. Материалы по анархо-большевизму вообще, и по делу Гроссмани-Рошина в частности, Группа сдала в анархическую европейскую и американскую печать.

Ваше письмо и настоящий ответ на него Группа также репила опубликовать в анархической прессе.

По поручению Группы Русских Анархистов в Германин:

Подписи: Гуго Трой. Волни. Владимир.

(Печать.)

Примечание. — К подлиннику ответа, отправленному по назначению, приложения: 1) вырезка из № 204 «Le Libertaire» («Дополнительные данные о большевистских агентах» на франц. яз.); 2) вырезка из № 202 той же газеты (статья по поводу письма Г. Сандомирского); и 3) вырезка из № 121 «Umanita Nova» (статья т. Бинацци).

*) Персональная искренность людей, подобных Сандомирскому, Рошину и др., здесь совершенно не при чем: она несколько не ослабляет наносимых ими движению ударов и не уменьшает приносимого ими движению вреда. Искренность не может быть свидетельством на иммунитет. И как бы эти люди ни были искренни, — они должны нести на себе естественные последствия своей деятельности и уметь мириться с этими последствиями, вместо того, чтобы становиться в позу оскорбленной невинности. —

Вести из России

От редакции. — Товарищи и читатели не посетуют на нас за то, что наши сообщения о России, пока, крайне скудны. Одно из последних большевистской реакции состоит в том, что и для нас — анархистов — границы России закрыты, как это было и во времена царизма. Получение сведений из России крайне затруднено.

ГОНЕНИЯ НА АНАРХИЗМ.

Нам пишут:

«Решив откликнуться на вашу просьбу в книжке «Гонения на Анархизм в Советской России» о сообщении Вам верных и точных сведений об анархистах в России, мы расскажем вам краткую историю наших приключений за последние годы в Одессе.

Вероятно, излишне сообщать вам, что в Одессе с декабря 1920 г. никакая анархическая работа не велась. Нас касались почти все мероприятия властей в отношении анархистов России и Украины, и общая для всех групп во всех городах участь постигла и нас.

Раз решив нас «ликвидировать», «они» все время неуклонно стремились к полному и всестороннему завершению этого процесса. И теперь, можно сказать, их цель достигнута: мы «ликвидированы»!

В Одессе, столь благополучной в этом отношении в первые годы Революции, репрессии против нас, — если не считать не очень больших и не совсем решительных гонений в мае-июне 1919 г., — начались в момент всеобщей «ликвидации» махновщины и анархизма в конце 1920 г.

5-го декабря 1920 г. начались повальные аресты анархистов, сведения о которых хранились у большевиков еще, вероятно, со времен царского подполья, ибо были взяты такие, которые ушли от движения еще в 1907 г. Было много среди арестованных совершенно посторонних, ничего общего с анархизмом не имеющих, а также вся группа «анархистов-позитивистов» (особый вид «советского тоже-анархизма»). Ядро составляла группа «набатовцев», захваченная целиком на одном из своих собраний и оставшаяся сидеть «до особого распоряжения». Продержали нас недолго. Освободили 11 января 1921 г. — С этого момента начинается систематическая и уже потом все время не прекращавшаяся «слежка». Начинается травля анархистов, которых «изгоняют» из некоторых фабрик и заводов и изводят мелкими издевками. — В октябре того же года снова арестовывается группа анархистов, собранных «от всех союзов попомногу». Их, правда, по простовности октябрьских торжеств, сейчас же освобождают, но тут же затевается первое на юге России «дело» по типу и приему Москвы.

При помощи специально присланного из Москвы агента-провокатора (Самуил Шварцман — клички: «Шмилык-Лиснер», «Шмилык-провокатор») инсценируется «заговор», родившийся из от общения «одесской федерации анархистов «набат» с группой бандитов-железнодорожников, и целью которого было: «разрушать, жечь и грабить». Излюбленным чекистским языком, приводящим факты, «не вызывающие сомнения», сообщается обо всем этом в «Одес. Известиях» для сведения всех, кто способен всем этим возмущаться и сочувствовать «пролетарскому» государству, которому «анархо-бандиты» с таким изуверством грозят смертью и разрушением. Признаться, мы сами до того времени не знали, что в Одессе есть еще группа «набатовцев», и что привлекаемый по этому делу товарищ наш К. Меккель, который никогда раньше «набатовцем» не был, является даже ее представителем!..

В действительности же всё обстоит значительно проще. Чтобы разыграть «преступную работу анархистов», надо было устроить так, чтобы какое-нибудь более или менее известное в Одессе преступление и какая-нибудь, находящаяся в процессе раскрытия, шайка несомненных бандитов были связаны, — паутиной хотя бы, — с кем-нибудь из известных Одессе анархистов. Выбор пал на т. т. Меккеля и Лизу Сафьяна.

За дело, взялся «Шмилык-провокатор». Со свойственной ему наглостью он обещает Лизе показать ей арестованного, будто бы, мужа ее Иосифа Сафьяна (которого большевики убили еще в 1920 г., но относительно чего многие из наших долгое время сомневались), и с этой целью привозит ее на вокзал, где, мол, его — Иосифа — будут провозить. Никого, конечно, Лиза там не видела. Против Меккеля же ретают улики хотя бы льком смитить... И это—всё!.. Всего этого было вполне достаточно, чтобы Меккеля, как представителя (!?) Группы «Набат», обвинить в связях и общих преступных замыслах с бандитами — железнодорожниками, в поджоге гостиницы «Бристоль» (которая сгорела в то время, когда Меккель находился в санатории, помешавшейся далеко за городом), в осматривании, с целью ограбления, одесского «внешторга» и т. д. а Лизу — в разезде по Украине с целью организовывать «анархотеррористические (вот мы какие!) группы», в тех же связях с железнодорожниками (ездил на вокзал) и т. п. преступлениях. Арестованный во время последних арестов Меккель остается сидеть, а Лиза, незадолго до того освобожденная из «чека», снова арестовывается, прямо на улице, с заламыванием рук назад, мордобитием и другими престельными чекистского обращения. Узнав о приписываемых им преступлениях, Меккель и Лиза требуют от-

крытого для всех суда над собой, но тихо. Меккеля осуждают на 5 лет концлагеря, а Лизу решают переслать в Харьков для окончательной расправы. Лиза, однако, благополучно бежит из Одесской тюрьмы, а Меккель, попав в концлагерь, в первый же день так сильно избивается и, — вследствие шума, поднятого по этому поводу Одесским Черным Крестом, а также ввиду последовавшей в скором времени ликвидации концентрационных лагерей, — вовсе освобождается.

Казалось бы, конец!?

Власти, однако, не так думали. Решив показать «всем», что в советских тюрьмах царит «человеколюбивое» обращение, они затевают суд против избивавших Меккеля б. коменданта лагеря Фридмана и одного из надзирателей Шершова, позабывшись предварительно, конечно, об устранении имеющихся уже налицо улик против обвиняемых. На суд вызываются т. Меккель, как «потерпевший», и т. Соболев, как «свидетель» (так-как он, как член Черного Креста, посетил вместе с другими т. Меккеля через 18 часов после избивания). Не желая упустить случая вывести на «свет божий» тюремные и лагерные порядки, эти товарищи являлись в суд, но тут уж всё заранее подготовлено к тому, чтобы «свидетеля» и «потерпевшего» перевести на скамью подсудимых.

Вы спросите, как это делается? Чрезвычайно просто.

Сначала «потерпевшего» переводят в «свидетели», чтобы он не мог следить за показаниями обвиняемого; затем начинают его изводить требованиями почтения к суду и т. п. и, наконец, поймав его на каком-нибудь, оскорбительном, по мнению судей, слове или поступке, заносят дело в протокол, делают перерыв и выносят постановление о переводе такого-то и такого-то на скамью подсудимых... Поняли? Чрезвычайно легко!..

Именно так и случилось с нашими друзьями. Меккель допрашивался как свидетель. (Из обвиняемых присутствовал один только Фридман, так-как надзиратель Шершову, который при первом допросе выдавал Фридмана с головой, дали возможность скрыться еще задолго до суда). Слабый здоровьем (эпилепсия и туберкулез легких), т. Меккель, во время опроса его, оперся о стол, но ревностная «госзащита» мигом потребовала от него принятия чинного и смиренного положения «перед судом», злобно надеясь, вероятно, извлечь отсюда факт «неуважения к властям». Удалось это, однако, лишь при допросе второго свидетеля, тов. Соболя, которому она задала вопрос совсем уж провокационного свойства. Соболев, войдя в зал, сел и, на вопрос председателя о причине такого вольного поведения, он, — отнюдь не желая «демонстрировать» что-либо, ответил, что у него ноги болят. Ему очень милостиво разрешено было сидеть, и он дал свои показания, — как впоследствии показывал секретарь суда, — «очень уж непринужденно». Тут-то его и вопрошала хитрая госзащита: «Скажите, гр-н Соболев, может-быть вы сели не потому,

что у Вас ноги болят, а потому, что этого требует от вас ваша ассоциация (!?)». Целью этого вопроса было, конечно, показать наглядным образом, что анархисты относятся с неуважением не только к коменданту лагеря, но даже к судьям револ. трибунала. Поняв это, тов. Соболев решил, однако, этот вызов принять и ответил: «А разве вы не заметили, что я сказал «у меня ноги болят» с иронией?». Замешательство продолжалось недолго. Скоро всё пошло как по маслу: занесли в протокол, объявили перерыв, постановили «перевести Соболя на скамью подсудимых», назначив ему ту самую защиту, которая его только-что спроводила, и в ответ на протестующее негодование т. Соболя и присоединившего свой голос к нему т. Меккеля, вынесли второе постановление о передаче Соболя суду военного отделения револ. трибунала и о заключении его в одиночку № 1 «под строгую изоляцию». Тут же задержали и обыскали всю публику, а Фридмана немедленно оправдали.

Спустя два дня, арестовали и также посадили «под строгую изоляцию» т. Меккеля, который имел неосторожность послать секретаря ревтрибунала к чорту. Завели, как полагаются, следствие, но довести дело до суда у них духу не хватило. Прoderжали их в одиночках два месяца и после голодовки, объявленной ими вследствие невыносимого режима, передали «дело» в Чека, которая и выпустила их под расписку о невезде.

Смешно и глупо!... Но это — печальная действительность. Работы никакой; а сиди в тюрьме да посиживай «так-себе», за голые принципы...

В последнее время (в декабре 1922 г.) в Одессе был арестован и предан суду молодой товарищ Израиль Супорник по обвинению в «злостном дезертизме и анархизме», ибо его год был призван в Красную Армию, а он, видите-ли, не явился. Не считаясь с тем, что по состоянию своего здоровья (туберкулез) он все равно был бы освобожден от службы и что не явился он исключительно по своим убеждениям, его посадили вместе с уголовными и должны судить (теперь уж может-быть судили) по всем пунктам уголовного кодекса.

Незадолго перед нашим отъездом из Одессы (приблизительно в конце ноября месяца прошлого года), как сообщил нам один чекист, в Одессе были Барон, Лия и Чарин, но никого из нас они не видели.

По заявлению секр. одесского губнаркома Майорова, а также чекистов, Барон уехал за границу и даже с поручением от большевиков... Мы, конечно, во всем этом сомневались, но, всё же, были очень озадачены, так-как в самые последние перед нашим отъездом дни (в 20-тых числах января с. г.) один, приехавший с какими-то поручениями из Москвы, «коминтерновец» всё время допытывался у нас: «Где теперь Барон?». Мы знали, что из Одессы Барон поехал в Харьков. Но где он и что означают все эти рассуждения чекистов о нем, мы не знали.

Теперь нам сообщают, что Барон и другие давно сосланы в Сибирь*).

Ниже мы сообщаем вам интересные сведения об отдельных товарищах. Мы старались быть, по возможности, точными, правдивыми и краткими.

1. *Виль Е. (Фимка)*. — Член союза строит. рабочих. Очень молодой анархист. Член Одес. организации «Набат». В движении с 1918 г. Непременный участник всех боев с контр-революцией в Одессе. Арестован был большевиками в декабре 1920 г. Все время преследуется.

2. *Гуревич (Зигмунд)*. — Молодой рабочий-пекарь. Анархист с 1917 г. Член Одесской орган. «Набат». Сражался на фронтах. Большевиками арестовывался дважды: в ноябре и декабре 1920 г. Все время преследуется.

3. *Гринберг, Рива*. — Работница-портниха. Анархистка с 1918 г. Член Одесской организации «Набат». Арестована была большевиками в декабре 1920 г. Очень энергичный член Одесского Черного Креста.

4. *Лоева, Клара (Черная)*. — Работница в пекарне. Член союза (и одно время — правления союза) «Пищевкус» в Одессе. Популярна среди пишевиков. Анархистка с 1907 г. Член Одес. орг. «Набат». До революции 1917 г. жила в эмиграции в Англии, Америке и др. странах. После февральской революции вернулась в Россию. Участвовала во многих боях. Большевиками арестовывалась три раза: в июне 1919 г. — в г. Кременчуге, в дек. 1920 г. и в октябре 1921 г. — в Одессе. Все время преследуется.

5. *Меккель, Калман*. — Революционер с малых лет. Анархист с 1906—1907 гг. Неутомимый пропагандист. Популярен среди одесских рабочих. При царском режиме долго сидел в одесской и других тюрьмах. Отбывал каторгу вплоть до февральской революции 1917 г. С 1917 г. активный член Одесской Федерации и один из первых организаторов боевых отрядов, отражавших натиск румын и немецко-гайдамацких банд. В 1919 г. организовал в Одессе трудовую земельную коммуны, распавшуюся при занятии Одессы белыми. Попав на север, он неоднократно арестовывался там уже возмевшей силой новой большевистской властью и просидел около 8-ми мес. в тюрьмах Рязани и других городов, причем был осужден на 3 года, как «анти-милитарист». Освобожденный по амнистии, он вернулся в 1921 г. в Одессу с ценными приобретениями: эпилепсией и туберкулезом легких. В это время (октябрь 1921 г.) он становится жертвой провокации, созданной местной чрезвычайной против анархистов. Несмотря на очевидность лжи и инсинуаций, Меккель приговаривается «чекой» к 5-ти годам концетрационного лагеря и, — после многих изде-

вательств в знакомой ему одесской тюрьме и военно-клиническом госпитале, — попадает в лагерь, где в первый же день его сильно избивают. Через несколько дней его, благодаря этого, выпускают «пока» на свободу, а затем и вовсе освобождают. После суда (15-го мая 1922 г.) над избивавшим его комендантом лагеря (дело против которого было возбуждено только ввиду поднятого Одесским Черным Крестом протеста), его снова арестовывают по обвинению в дискредитировании «пролетарского суда и в оскорблении ревтриба» и, продержав 2 месяца в одиночном заключении, его, — после 2-х-дневной голодовки и многих издевательств со стороны тюремной администрации, — освобождают под расписку о выезде. Ныне находится в одной из одесских санаторий на излечении.

6. *Морозов*. — Рабочий-строитель. Популярен в союзе строит. рабочих в Одессе. Старый анархист. Член одесской организации «Набат». Способный агитатор. Арестован был большевиками в декабре 1920 г. Все время преследовался.

7. *Полевой, Лев («Пересыпский»)*. — Рабочий-кожевник. Анархист с 1918 г. Член одесской организации «Набат». Большевиками арестовывался дважды. Был отправлен по этапу в Харьков, где содержался в течение нескольких месяцев в «политизоляторе». По освобождении вернулся в Одессу, где все время преследуется властями.

8. *Павлов, Федя*. — Рабочий-металлист. Работает в союзе водников. Старый анархист. Член Одесской организации «Набат». До февральской революции работал в Крошштаде. Участник многих боев. Арестовывался большевиками в Одессе два раза: в декабре 1920 г. и в октябре 1921 г. Все время преследовался властями.

9. *Розенберг, Исаак*. — Рабочий-портной. Член союза и правления союза «Швейпром» в Одессе. Анархист-синдикалист. При царском режиме эмигрировал в Париж. После февральской революции возвратился в Россию. Был особенно популярен среди рабочих «швейников» в Одессе. В октябре 1921 г. был арестован большевиками.

10. *Родионов, Изя*. — Техник по мукомольному делу. Анархист-индивидуалист. Арестован был большевиками в декабре 1920 г. в Одессе. Все время преследовался.

11. *Супорник, Израиль*. — Рабочий-портной. Анархист с 1917 г. Член Одесской организации «Набат». Участвовал в боях на фронтах. В первый раз был арестован большевиками в Одессе 5-го декабря 1920 г. Снова был арестован и водворен в Одесскую тюрьму 5-го декабря 1922 г. по обвинению в «злостном дезертирстве и анархизме» за отказ от воинской повинности. Дальнейшая судьба его неизвестна.

12. *Соболь, Григорий (Яня)*. — Молодой рабочий-пекарь. Анархист с 1917 г. Член Одесской организации «Набат». Арестовывался большевиками трижды: в апреле-мае

* Как читатели уже, конечно, знают из других источников, т. А. Барон был — в одном из архангельских лагерей — в числе товарищей, покушавшихся недавно на самосожжение.

1919 г. за выраженное в письме недовольство поведением атамана Григорьева, бывшего еще в то время «большевиком», в декабре 1920 г. и 15-го мая 1922 г. по обвинению в «дискредитировании пролетарского суда и оскорблении ревтриба». В последний раз содержался в одиночном заключении в течение 2-х месяцев.

13. *Тарасюк, Айзик.* — Молодой рабочий-шапочник. Член союза «Швейпром» в Одессе. Анархист с 1917 г. Участвовал во многих боях с контр-революцией. Арестован был больше-

виками в октябре 1921 г. Все время преследуется.

14. *Шпиглер.* — Рабочий-портной. Анархо-синдикалист. До революции жил в эмиграции в Лондоне, где работал среди рабочих швейной индустрии. После февральской революции приехал в Россию, где посвятил себя культурной и организационной работе среди рабочих швейной промышленности. Способный культурный работник. Большевиками был арестован в октябре 1921 г.

В Германии

В противоположность общепринятому и постоянно повторяемому (на основании недавнего прошлого) мнению, но в полном соответствии с ходом и общим смыслом нынешних мировых событий, — немецкие рабочие за последние годы, в своих рабочих движениях, далеко не так слепо и механически подчиняются воле и директивам своих «вождей», как это бывало прежде, и как об этом всё еще часто пишут. Их прежнее уважение к лидерам и подчинение предписаниям сверху давно выдохлось. Жизнь идет вперед, и психология трудовых масс заметно и быстро меняется.

Это явление — один из крупных признаков надвигающейся социальной революции.

В целом ряде движений последнего времени поведение немецких рабочих было весьма самостоятельным и независимым. Они действовали *сами*, нередко *против* своих верхов, и сознательно подчеркивали это обстоятельство.

Во время недавних серьезных беспорядков в Лейпциге (в начале июня) рабочие массы, действовавшие крайне бурно и решительно против полиции, заявляли в ответ на обращение и предостережения не только социал-демократов, но даже коммунистов: «Мы не социал-демократы и не коммунисты. Мы действуем *за свой счет*.»

Волна подобных беспорядков и возмущений прокатилась по всей Германии (Гурская область, Дрезден, Веймар) — в связи с растущей дороговизной и общей разрухой.

Теперь в Верхней Силезии (восточная часть Германии, на границе с Польшей) вспыхнула стихийная всеобщая забастовка, протекающая также в очень бурных формах. Она проводится самостоятельно рабочими масса-

ми и их, созданными для этой цели, организациями. Кода партийные и профессиональные лидеры, вмешавшись в дело, старались сдержать возмущение рабочих, собирающихся толпами под открытым небом, и предлагали им собираться только по союзам, рабочие прогнали (и даже помяли) лидеров, обзывая их «защитниками хозяев». Рабочие заставляли выдавать им необходимые продукты и самостоятельно организовали кухни для бастующих. Они принудили власти запретить продажу спиртных напитков. Они энергично действуют в отношении расширения и углубления стачки.

В Германии неспокойно. Со дня на день можно ждать серьезных событий. Марка катастрофически падает; дороговизна жизни переходит всякие границы; спекуляция достигает чудовищных размеров; нужда растет с каждым днем, и острое недовольство рабочих масс грозит вылиться в самые решительные формы.

И мы думаем, что в грядущих событиях немецкие рабочие массы сумеют целиком взять инициативу и организацию действия в собственные руки, решительно заявив вожакам, лидерам и верхам всех мастей: «Руки прочь от нашего дела! Мы хотим, наконец, действовать *сами и за свой счет*.» Если это так и будет, то развертывающаяся социальная революция может сделать сразу крупный шаг вперед. Во всяком случае несомненно, что чем дальше, тем в большей степени рабочие массы Германии — да и других стран — будут стремиться и приучаться действовать самостоятельно. Так оно и должно быть в процессе развертывающейся социальной революции.

13 июня 1923 г.

Л. С.

СРЕДИ КНИГ и ЖУРНАЛОВ

П. Аршинов. История махновского движения (1918—1921 гг.). С портретом Н. Махно и наглядной картой района и движения. Предисловие Волина (В. М. Эйхенбаум). Издание «Группы Русских Анархистов в Германии». Берлин, 1923. Стр. 258.

Работа П. Аршинова представляет собою ценнейший — как идейный, так и исторический — вклад в растущую литературу о русской революции. Книга с исчерпывающей полнотой освещает один из самых ярких, но наименее (в своих подлинных чертах) известных эпизодов этой революции. Как видно из обстоятельного предисловия Волина, автор был непосредственным участником движения, сознательно изучал и продумывал его. В общей сложности, он отдал своей работе несколько лет. Мы имеем, таким образом, историю движения из первых рук, — историю, написанную с полным и точным знанием предмета.

Подходя к работе с чисто-исторической стороны, необходимо, прежде всего, отметить, что это — первая серьезная работа о махновском движении. До сих пор, дело ограничивалось лишь или нелепыми вымыслами, или отрывочными заметками — большей частью из вторых и третьих рук. Теперь — мы обладаем первым опытом подлинного исследования.

Несмотря на сжатость труда и на ряд неблагоприятных условий, лишивших автора возможности представить еще более полно как документальную, так и фактическую сторону движения, развитие последнего очерчено превосходно и вполне достаточно иллюстрировано фактами и подлинными документами. Шаг за шагом, на протяжении 12-ти глав, занимающих свыше 200 страниц и читаемых с возрастающей от главы к главе интересом, мы прослеживаем: глубокие истоки движения, подготовившие его возникновение; самое это возникновение; первые шаги и дальнейшее развитие деятельности Нестора Махно; социальные искания движения, его положительные, созидательные задания и достижения; историю самозащиты движения от наседавших на него со всех сторон врагов (гетманщины и оккупационных войск, петлюровщины, денкининщины, большевизма, врангелевщины и снова большевизма); наконец, последнюю героическую борьбу его против громадных государственных армий и — временное его замирание. Все эти последовательные этапы движения изложены спокойно, четко, с выдержанной от начала до конца простотой и ясностью. Тем сильнее захватывает — а места прямо потрясает — эта, внешне как-бы сухохато написанная, книга. Впечатление усиливается тем обстоятельством, что в книге имеются яркие, живые цитаты из писем Махно.

Попутно с последовательным эпическим изложением общего хода событий, автор подробно и документально знакомит нас с рядом интереснейших, доселе почти никому хорошо не известных отдельных сторон и эпизодов: общественное и экономическое строительство в повстанческом районе; первое нападение на район со стороны большевиков; историческое четырех-месячное отступление махновцев от своего района на запад; казнь атамана Григорьева; бой под Перегоновкой и победа махновцев над денкининцами; последующая деятельность махновцев; второе нападение большевиков; отношение повстанчества к Врангелю; изгнание махновцев с советской властью и военническое нарушение этой последней договора с Махно; третье нападение большевиков; переход уцелевших сил махновской армии за русскую границу, и т. д.

Кроме того, автор чрезвычайно яркими чертами обрисовывает личность самого Махно и дает интересные сведения о целом ряде других ответственных участников движения.

Чрезвычайно интересна книга также с идейной точки зрения. Целый ряд вопросов и проблем, — как общего, так и злободневного характера, — затронуты и своеобразно освещены автором.

Так, в главе I дается сжатый очерк позиций социалистической демократии и трудовых масс, как автор эту позицию понимает. Здесь же указывается, с точки зрения автора, место «октября» в развитии русской революции. — В главе IV дано своеобразное и очень интересное освещение большевизма, как боевого авангарда классового движения новой господской касты — четвертого сословия: социалистической интеллигенции. Уже в этой главе оттенено, таким образом, явление махновщины, как самостоятельное, подлинно-трудовое, подлинно-революционное и социальное движение трудовых масс, противоположное всем другим течениям в революции, не исключая течения большевистского. Эта идея подчеркивается, развивается и щедро доказывается, затем, на протяжении всей работы, являясь ее центральной осью. — В главе X освещается отношение махновщины ко всякого рода предпресудкам: национальному, религиозному и др. — Глава XII знакомит нас с фактическими взаимоотношениями между махновщиной и анархизмом, как они — эти взаимоотношения — сложились в русской революции. Здесь автор ставит в упор перед анархизмом ряд вопросов и проблем, требующих скорейшего и отчетливого решения. — Наконец, в заключении, венчающем книгу, автор последними крупными мазками своей сочной кисти дорисовывает махновщину, как величайшее самобытное социальное движение тру-

дящихся классов, и попутно бросает последний луч света на такие вопросы, как вопрос о недостатках движения; вопрос о его сущности и перспективах; о позиции трудового крестьянства в русской революции; об условиях проявления революционного творчества масс и о необходимых условиях полной победы революции; о позиции социализма перед лицом социальной революции.

О книге П. Аршинова можно писать много. Ибо эта книга полна жизни, мысли и движения. Ибо она написана, поистине, «кровью сердца и соком нервов». Как всякая такая книга, она возбуждает и в читателе множество мыслей, чувств, душевных движений... Она поднимает ряд глубоких и острых вопросов, вызывая желание то горячо соглашаться с автором в их решении, то горячо спорить с ним.

Такая книга не пройдет бесследно. Она, несомненно, — большое явление в области нашей литературы последних лет и займет в сокровищнице русской революции видное место. Она вызовет, — надо надеяться, — живой и плодотворный обмен мнений — как в нашей, анархической, так и в более широкой среде. Хотя книга написана анархистом — интерес и значение ее, несомненно, выходят далеко за пределы того или иного определенного круга читателей.

Размеры рецензии заставляют нас, пока, ограничиться сказанным.

Подчеркнем лишь еще раз следующее.

Крупнейшим достоинством книги, одним из существеннейших ее моментов являются яркое, детальное — фактическое и документальное — освещение наименее, до сих пор, известной, но как-раз наиболее важной и интересной стороны движения: его *социальной — идейной и созидательной — сущности*. В главах V и VI, в особенности, дается ряд сведений о созидательных социальных начинаниях в районе: о первых ростках свободного коммунизма; о разработке идеи вольных советов; о первых конкретных шагах общественного и экономического самоуправления, объединения и строительства; о постановке вопроса прочной связи между трудящимися деревни и города, и т. д. Этим приподнята завеса над той именно стороной дела, исследование которой, несомненно, приобретет в будущем наибольшее значение. Начало этому исследованию положено. Толчок дан.

Любопытно, что до сих пор встречаются даже в анархической среде люди, которые, будучи абсолютно незнакомы с *азбукой* махновского движения, никогда не соприкасавшись с ним даже отдаленно, позволяют себе с поразительной развязностью вкрявь и вкось судить о нем. По курьезной иронии вещей, выход «Истории махновского движения» совпал с выходом № 4 журнала берлинских «анархо-синдикалистов» — «Рабочий Путь», в передовой статье которого А. Шапиро, стоявший всегда на тысячи верст от движения и знающий последнее лишь по наслышке, не задумываясь квалифицирует его, как «военный анархизм», как «мировоззрение штыка и контр-

разведки», которое «развращает движение и самих людей».

Таким бесцеремонным людям книга Аршинова дает достойную отповедь. Всякий, кто внимательно и вдумчиво прочтет эту книгу, — скажет им: «Стыдно!...» Надо надеяться, что они со временем признают свою ошибку и возьмут назад свои необоснованные, небрежно-легкомысленные утверждения.

Таким *сплетням* о махновском движении книга наносит убийственный удар.

Упомянем, что книга издана хорошо — скромно и строго. Читается она очень легко. Опечаток почти не встречается. Портрет Н. Махно и карта махновского района прекрасно дополняют работу.

* * *

«Рабочий Путь». Орган русских анархо-синдикалистов. Издание Комитета Защиты Анархо-Синдикализма при М. Т. Р. №№ 1—4.

При невозможности открытой анархической печати в России, зарубежный орган русских анархистов, прошедших опыт русской революции, был давно и насущно необходим.

Выход этого ежемесячного журнала ожидался многими с нетерпением. От русских анархистов — от их слова, от их деятельности — ожидали и ожидают многого. И хотелось, чтобы журнал был, действительно, ценным, живым органом современного анархизма, — органом, будящим мысль, открывающим новые горизонты, отвечающим великим требованиям и запросам переживаемой эпохи.

За 4 номера орган мог уже достигнуть известной высоты, более или менее определиться. О нем можно уже судить.

Увы, с чувством искреннего сожаления приходится констатировать, что суждение это не может быть, пока, положительным. Орган глубоко разочаровал нас.

Пусть читатель не думает, что мы говорим так по причине нашей вражды к синдикализму и к синдикалистам. К синдикализму мы относимся с большим вниманием, интересом и сочувствием. Как читатель еще не раз увидит, мы ни в коем случае не являемся «анти-синдикалистами». Мы придаем синдикализму весьма крупное значение в социальной революции и отнюдь не склонны преуменьшать его роли. Но синдикализм синдикализму рознь. И *анархо-синдикалистский* орган мог бы быть жив, интересен, *ценен*. Дело тут не в синдикализме, а в том *общем направлении и духе*, которыми проникнут «Рабочий Путь».

Этот дух и это направление могут быть охарактеризованы коротко: «Рабочий Путь» — орган «*анархистов в футляре*». Синдикализм у них — именно футляр, в который они пытаются во что бы то ни стало втиснуть весь анархизм, и который они хотят носить непременно в собственном кармане.

Отсюда — необычайная узость, сухость, безжизненность журнала. *Пока*, он — пустоцвет; почти не на чем в нем остановиться ни уму, ни сердцу, — несмотря на солидный спи-

сок сотрудников и на прекрасную международную информацию (на последнюю мы обращаем внимание товарищей и читателей). Но даже эта информация, которая, несомненно, является самой сильной стороной журнала, остается какой-то пустой, бледной, бескрылой. Она не дает общей живой картины и не наталкивает ни на какие размышления и выводы.

На протяжении 4-х номеров журнала тянется, в сущности, на разные лады одна и та же мысль: все анархисты должны стать и именовать себя анархо-синдикалистами. Русская революция погибла оттого, что не все анархи-

сты были анархо-синдикалистами. В анархо-синдикализме — единственное спасение. Будьте анархо-синдикалистами. В противном случае, Вы — «развращаете умы, движение, людей»; Вы — «опасны для анархизма»... Эта навязчивая идея становится, в конце концов, скучной и приторной.

У журнала нет крыльев. Нет крови. Нет пульса. Его надо оживить, и мы от души желаем товарищам, работающим в нем, найти «живую воду» и вспрыснуть ею столбцы органа...

Обозреватель.

П. Л. ЛАВРОВ. (К столетию со дня рождения).

2/14 июня с. г. исполнилось столетие со дня рождения Петра Лавровича Лаврова — одного из виднейших русских мыслителей - социологов.

Недостаток места вынуждает нас отложить обстоятельную заметку о Лаврове и о сделанном им вкладе в сокровищницу социологической мысли до другого раза.

Шлем русским группировкам, считающим П. Л. Лаврова своим идеологом и учителем, искренний привет.

Редакция.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

и могут быть высланы по требованию организаций и отдельных товарищей

следующие издания Группы Русских Анархистов в Германии:

- 1) „Гонения на анархизм в советской России“. Берлин, 1922. Стр. 63. (Книга вышла также на франц. и болгар. языках. Подготавливается немецкое издание).
- 2) П. Аршинов. — „История махновского движения“ (1918—1921 г.). С портретом Н. Махно и наглядной картой района и движения. Предисловие Болина. Берлин, 1923. Стр. 258. (Подготавливаются переводы на франц., немец., испан. и итал. языки).

ОТ РЕДАКЦИИ „Ан. Вест.“ — Предполагая издать сборник стихотворений В. Э., значительная часть которых печаталась в 1914—1917 гг. в американском еженедельнике „Голос Труда“, редакция „А. В.“ очень просит товарищей, имеющих комплект „Гол. Тр.“ (№№ 1—139), не отказать выписать и прислать в редакцию все стихотворения, подписанные В. Э., начиная с последнего (139-го) номера. Редакция недостает 18-ти стихотворений из последних номеров „Голоса Труда“.

К ТОВАРИЩАМ.

Дорогие Товарищи!

Первый номер „А. В.“ — лишь первый шаг по пути к тому, чем мы хотели бы современем сделать наш орган.

Для того, чтобы журнал вполне развернулся и достиг должной высоты и значения, необходимо, — помимо привлечения к нему, в качестве сотрудников, наших лучших литературных и теоретических сил, — также иметь возможно больше живого материала с мест.

Товарищи рабочие! Посылайте нам отовсюду побольше живого материала: корреспонденции, сведений с мест и т. д. Только таким путем сможем мы основательно поставить в журнале обзоры, информацию и т. д.

Редакция.

ОБ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ АНАРХИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ

В последнем № 229 французского анархического еженедельника «Le Libertaire» Инициативная комиссия французского Анархистского Союза, по соглашению с голландскими анархистами, снова поднимает вопрос о созыве международного анархического конгресса.

Датой конгресса предлагается 16-е сентября.

Место конгресса, пока, не обозначается.

Мы выскажемся по существу вопроса в следующем номере «А. В.»

Пока — отметим, что французские товарищи предлагают анархическим организациям всех стран «сделать всё необходимое для того, чтобы это совещание анархистов всего мира могло привести к чему-либо положительному и поистине ценному для дела анархической пропаганды».

Комиссия рекомендует организациям и товарищам, намеревающимся участвовать в Конгрессе, «приготовить доклады по вопросам порядка дня, разослать эти доклады по всем организациям и опубликовать их в анархических органах всех стран».

Самый порядок дня конгресса намечается в следующем виде:

1. Международная организация анархистов.
2. Позиция анархистов по отношению к синдикализму.
3. Анархисты и Революция.
4. Позиция анархистов по отношению к политическим партиям.
5. Аграрный вопрос.
6. Международный язык.
7. Свободные опыты социального строительства. Насилие, не-военное сопротивление и Социальная Революция.
8. Разное.

Кроме того, инициаторы Конгресса предлага-

ют следующее распределение докладов по порядку дня:

Доклад по вопросу 7-му, как внесенному австрийскими товарищами, предлагается сделать им же.

2-ой вопрос предоставляется немцам анархистам.

Вопрос 3-ий — русским, 4-ый — французским, 5-ый — болгарским.

Вопрос 1-ый предлагается вниманию испанских товарищей.

Вопросы 6-ой и 8-ой предоставляются интересу и вниманию желающих. При этом, в вопрос 8-ой (разное) могут войти такие темы, как: антимилитаризм; противорелигиозная пропаганда; гонения на анархизм в Испании, Италии, России, и т. д.

Список различных организаций, примкнувших к конгрессу, равно как адреса для сношений с ними, будут разосланы комиссией по всем организациям.

Присоединения к конгрессу, указания, справки и пр. просят направлять по адресу: Pierre Mualdes, „Librairie Sociale“, 9, rue Louis-Blanc, Paris Xme, France.

В заключение, французские товарищи пишут:

«Мы надеемся, что наше предложение встретит одобрение и поддержку со стороны всех тех товарищей, которые, подобно нам, считают, что международное совещание анархистов, в виду смутного, переживаемого нами, периода, насущно необходимо».

Мы, с своей стороны, приглашаем все анархические организации и отдельных товарищей живо и не откладывая откликнуться на предложение инициаторов Конгресса, поделиться своими мнениями на этот счет и приступить к соответствующей подготовительной работе.

Группа русских анархистов в Германии.

ВОЗЗВАНИЕ БОЛГАРСКИХ АНАРХИСТОВ - КОММУНИСТОВ

К революционному пролетариату всего мира

Угнетённые всех стран!

Еще несколько десятков дорогих жертв! Еще пролетарская кровь! Сотни осиротевших детей и жен, обездоленных матерей и отцов. Ненасытное чудовище, на котором тяготеют неисчислимые преступления и проклятия всего измученного мира, под именем «цивилиза-

ции» пишет кровью трудящихся ужаснейшие страницы человеческой истории. Мировая реакция, которая захватила в свои кровавые объятия всю землю, не обошла и нашей несчастной страны. И у нас управляющая клика авантюристов направила весь свой аппарат насилия прежде всего против передовых борцов за хлеб и волю.

Под предлогом преследования разбойников, власть прибегла к самым рафинированным способам насилия, какие только изобрели садизм и разнузданная фантазия насильников. Болгарские власти, как и власти всех других стран, цинично сняли маску, когда заметили, что угнетенные сами стали отыскивать выход из своего рабского положения.

За последнее время анархическое движение в Болгарии сильно разрослось. Оно сделалось крупным фактором общественной жизни и приобретало всё большее влияние в рабочей среде. Банкротство коммунистической партии, её полное обезличение, создало необыкновенно благоприятную обстановку для нашей пропаганды. Рабочие больше не верят революционной фразеологии партийных вождей. Они отыскивают пути непосредственной борьбы за полное освобождение от преступного буржуазного порядка. Последняя успешная забастовочная борьба, в которой сильно проявилось влияние анархических идей в трудящихся массах, взбесила всех поклонников власти. Они решили какой угодно ценой расправиться с анархическим движением. Сейчас анархисты в Болгарии ведут борьбу на жизнь и смерть. Войска и жандармы блокируют наши клубы и разгоняют наши собрания. Сотни товарищей арестованы; активнейшие из них были убиты при попытке к побегу, а другие подверглись ужаснейшим истязаниям, были переводимы из тюрьмы в тюрьму, или были высланы без всякого основания.

Но массовые аресты, истязания и одиночные убийства ничто по сравнению с ужасным, неслыханным преступлением, которое совершило правительство 26-го марта с. г. в городе Ямболе*).

В этом городе наши товарищи организовали митинг протеста против разоружения рабочего класса и явных приготовлений правительства к новой войне. Боясь обличительного слова анархистов, власти попытались разогнать митинг. Жандармерия открыла огонь по собравшимся, и многие упали ранеными и убитыми. Это дало повод к кровавой борьбе, которая продолжалась несколько часов. Наконец, гарнизон города Ямбола, усиленный кавалерийским полком, пришедшим из соседнего города, взял верх. Обезумевшие от жажды крови начальники приказывали убивать всех раненых и многих задержанных. Много рабочих было расстреляно во дворе казармы. Другим, арестованным в градоначальстве, было сообщено, что они свободны, и за несколько метров от выхода по ним был открыт огонь из пулеметов. Потом трупы кололись штыками, чтобы удостовериться, что не осталось живых. Один тяжело раненый рабочий был увезен товарищами и спрятан в доме. Полиция нашла его, вынесла во двор, сняла повязки и оставила умирать. Раненый ученик (14 лет) был отнесен в больницу и там убит. Число убитых в точности неизвестно, так-как, чтобы скрыть

следы этого отвратительного преступления, много трупов было зарыто ночью, а часть брошена в реку.

Хотя мы привели только несколько случаев чудовищной жестокости, но их достаточно, чтобы иметь представление о тяжелых условиях, в которых борются анархисты в Болгарии. Буржуазия встретила аплодисментами варварское выступление так-называемого «народовластительского» правительства вампира Стамбулийского. Социал-демократы и коммунисты самодовольно потирают руки, видя в власти своего верного союзника. Пресса «левых» и правых партий повторяет на все лады старую песню о «бандитстве» анархистов. Поклонники Государства и сильной власти чувствуют, что почва уходит у них из-под ног, и образуют единый фронт против нас.

Мы были чисты.

Мы твердо стоим на революционном посту, с полным сознанием тяжелой задачи, которую выдвинула наша эпоха, с полной верой в пробуждающееся сознание революционного пролетариата. Мы готовы стоять до конца и принести все жертвы за великий идеал — Анархию.

Товарищи! Помогите нам в этот тяжелый для нас момент! Да не будет интернациональная солидарность и братская взаимопомощь угнетенных всего мира только фразой. Нужно чтобы её почувствовали все угнетатели, в том числе и болгарские!

Болгарские анархисты зовут вас на общую борьбу с кличем: *Да здравствует Анархия! Да здравствуют заветы погибших борцов!*

Заграничный союз болгарских анархистов — членов анархо-коммунистической федерации

Секретарь: Казимир Судбин.

Прим. Ред. — Как известно, за последнее время — уже после получения нами настоящего реззвания — в Болгарии развернулись бурные политические события: власть реакционной *землевладельческой* клики, возглавлявшейся Стамбулийским, свергнута другой, не менее реакционной кликой — союзом крайних националистических элементов, военной касты и *торгово-промышленной* буржуазии, интересам которой была глубоко враждебна «крестьянская» политика Стамбулийского. Эти события, несомненно, ставят наших болгарских товарищей в чрезвычайно трудное положение и требуют от них большого напряжения сил, большого умения определить и ярко оттенить, на почве происходящих событий, свою позицию и свои ближайшие задачи. Возможно, что события потребуют от них теперь же напряженной и самоотверженной боевой деятельности.

Мы просим наших болгарских товарищей прислать нам к следующему же номеру статьи, ясно освещающую истинный смысл происходящего и дающую понятие как об отношении анархистов к событиям, так и о нынешней деятельности анархических организаций.

*) Город, в котором происходил V конгресс болгарских анархо-коммунистов.

ВОЗЗВАНИЕ

В виду невероятных ужасов, разыгрывающихся в России на почве всё усиливающихся преследований большевиками революционеров всех направлений, левые русские течения решили широко распространить среди трудящихся всех стран нижеследующее, выработанное представителями этих течений в Берлине, воззвание.

КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ!

Уже не раз русские революционеры разных течений обращались к вам с призывами взять под свою защиту жизнь и свободу тех, кто в России неустанно и непримиримо борется за социальную революцию, за освобождение труда и человека. Мы знаем сами, как усиливается реакция в ваших собственных странах и сколько энергии и жертв приходится вам отдавать на борьбу с нею. Однако последние вести, доходящие до нас из России, заставляют нас вновь и еще более настойчиво обратиться к чувствам вашей солидарности и к братской действительной помощи вашей.

Уже давно в тюрьмах и ссылках России томятся сотни и тысячи революционеров. С начала текущего года большевистское правительство снова обрушилось жестокими преследованиями на *всех* инакомыслящих, — как членов социалистических партий, так и внепартийных революционных рабочих и крестьян. При этом, с неслыханной силой и беспощадностью правительство, мнящее себя воплощением социальной революции, преследует *левые — революционные* — элементы советской России: левых социалистов-революционеров, максималистов, анархистов, анархо-синдикалистов, которые активно участвовали в творчестве социальной революции в России, которые бесконечным числом жертв и с беззаветным идеализмом с начала октября и по сей день отстаивают позиции ей.

Мало того, что много лет уже закрыты все независимые рабочие органы печати, что целиком ликвидирована всякая свободная деятельность масс в трудовых организациях, что ни на миг не прекращается система арестов и репрессий. Дело обстоит гораздо хуже: правительственная власть стремится ныне к *физическому истреблению русских революционеров*.

Мария Спиридонова, прошедшая свой крестный путь еще при царизме, одиннадцать лет проводившая на каторге, больше трех лет просидевшая при большевиках, совершенно больная и разбитая, находившаяся последнее время под домашним арестом, — снова в тюрьме.

Левый с.р. Трутовский, напрасно ожида-

ющий после трех лет тюрьмы освобождения, принужден прибегнуть к самоожжению, которого его спасает его товарищ в тюрьме. После этого он высылается в дику малярийную местность, в Пржевальск у Тибета.

В Петрограде двенадцать левых с.р., ожидающих высылки в разные отдаленные места, прибегают к голодовке и вынуждены угрожать общим самоубийством.

На диком севере, в Перитоминском лагере (у Белого моря) не выдержавшие тяжелых условий ссылки анархисты и анархо-синдикалисты объявили голодовку, которая продолжалась одиннадцать суток. Когда начальство попыталось прибегнуть к насильственному питанию их, они забаррикадировались, облили тюфяки керосином и подожгли себя. Только усилиями других заключенных удалось спасти их, и многие из них (среди них Арон Барон) потерпели тяжелые ожоги.

При созданных ныне правительством условиях заключения перечисленные нами случаи грозят принять массовый характер.

Мы не можем допустить мысли, чтобы трудящиеся Запада молчаливо присутствовали при систематическом уничтожении непреклонных борцов рабочей и крестьянской России. Каждый рабочий, каждая группа их, каждая революционная — синдикальная, политическая или культурная — организация должна немедленно поднять свой негодующий голос и остановить руку, занесенную над жизнями революционеров России.

Принимайте резолюции протеста. На каждом собрании рабочих, где выступают коммунисты, предъявляйте им запросы и требуйте от них ответа. Пусть представители большевистского правительства в городах Европы и Америки услышат гневные протесты трудящихся. Необходимо, чтобы в каждой стране образовались комитеты защиты и помощи русским революционерам. Необходимо изо дня в день требовать и добиваться освобождения всех их и прекращения бессмысленного террора над трудящимися. Пусть голос вашего пламенного протеста послужит предостережением для нынешних правителей России и пусть он в то же время придаст силы и энер-

гию борцам, несущим крест революции в бесчисленных тюрьмах и холодных тундрах нашей страны.

Заграничная делегация П. Л. С. - Р. и союза С. - Р. Макс.

Русский комитет защиты анархо-синдикализма при М. Т. Р.

Группа русских анархистов в Германии.

Для координации действий по защите преследуемых в России революционеров, образовался комитет из представителей подписавшихся организаций.

Все справки, отчеты о собраниях, резолюции и предложения помощи просим направлять по адресу: Fritz Kater, Kopernikus-Strasse, 25 II. Berlin O. 34 (Deutschland). Для «Комитета защиты заключенных русских революционеров».

ТОВАРИЩАМ - АНАРХИСТАМ!

В связи с нашим оповещением о предстоящем издании журнала, в Группу Русских Анархистов в Германии поступило несколько писем со следующими запросами:

а) считаем ли мы целесообразным издавать еще один журнал в Берлине — в то время, когда за границей уже имеется ряд анархических газет и журналов, нуждающихся в нашей литературной помощи?

б) какие основания имеются для такого издания, и не приведет ли оно лишь к дроблению наших и без того слабых интеллектуальных сил?

В редакционной статье настоящего номера известный ответ на эти вопросы уже дан.

К сказанному там добавим еще следующее.

1. Мы считаем, что одной из основных и спешных задач анархической мысли и анархической практики должен быть серьезный учет опыта русской революции. Ибо русская революция является выдающимся и поучительнейшим этапом в истории мировой борьбы труда с капиталом.

Не выявить в полной мере, и возможно скорее, этот опыт и не учесть всех его уроков — значило бы опасно оторвать анархизм от жизни.

В течение нескольких лет зрела острая, настоятельная нужда в органе, который, при разработке вопросов анархической мысли и практики, использовал бы целиком русскую действительность, русский опыт.

Мы — русские анархисты, прибывшие после революции за границу, — выболели эту идею и, в то же время, чувствовали себя более других призванными поработать для анархизма с этой стороны, так-как прошли пятигодичную школу русской революции.

Все существовавшие до сих пор за границей анархические органы не могли служить указанной задаче в должной мере — по многим причинам, главная из которых та, что органы эти, возникая в условиях отдаленных от русской действительности, не располагали необходимым материалом, соответственными переживаниями и выводами.

Сотрудничество в этих органах далеко не могло удовлетворить наши стремления и разрешить поставленную нами себе задачу, так-как оно открывало перед нами лишь очень узкие и ограниченные возможности, далекие от того объема и темпа работы, какие мы считали насущно необходимыми.

Поэтому, оказавшись за границей, мы с первых же дней поставили вопрос о создании соответственного органа и просили товарищей разных стран притти нам на помощь в этом огромном и настоятельно необходимом деле. (См. наше воззвание в марте 1922 г. в «Волне» № 29, в юж.-амер. «Голос Труда» № 113, во франц. «Libertaire» и в других анархических изданиях).

К сожалению, на наш призыв своевременно никто почти не откликнулся. И не откликнулись, как теперь выясняется, не потому, что были бессильны, а благодаря известной узо-

сти, слабой заинтересованности, равнодушию и непониманию всей кардинальной важности скорейшего разрешения поставленных задач.*).

Наконец, по истечении почти года после нашего призыва и наших непрекращавшихся работ, к нам пришли на помощь некоторые организации Сев. Америки: Союз Об'ед. Ан., Союз Росс. Труж. и Союз Вол. Рабочих. Эти организации, неожиданно уже для нас, обратились к нам с письмом и предложили приступить к давно задуманному нами делу, гарантировав необходимую материальную поддержку.

Теперь орган создан. Смысл и назначение его определены и установлены. Он будет обслуживать в одинаковой мере анархическое движение России, Америки и, отчасти, европейских стран (предполагается регулярный перевод главнейшего материала журнала для анархических газет Франции, Германии и др. стран). Остается надеяться, что товарищи оценят теперь надлежащим образом важность начатого нами дела и поспешат серьезно на помощь ему.

Мы обращаем особое внимание товарищей на то обстоятельство, что сама по себе организация журнала составляет лишь часть предпринимаемого нами дела. Для полного его успеха необходимо установить границы и постоянные организационные связи, как со всей Россией, так и с прочими странами. Задача эта — крайне сложна. Она требует больших средств и усилий. А между тем, без ее разрешения, наше дело было бы выполнено меньше чем наполовину.

Да и все отдельные стороны и детали работы — переводы, переписка, сношения, разъезды, привлечение сотрудников, технические необходимости — требуют чрезвычайных усилий и крупных средств.

Товарищи видят, таким образом, размеры и безусловную необходимость взятого нами на себя дела; видят также, что оно может быть выполнено нами лишь здесь, на месте, в непосредственной близости к событиям; видят, наконец, что без широкой моральной и материальной поддержки со стороны всех товарищеских организаций мы не сможем выполнить его в сколько-нибудь полном объеме.

Пусть же все те, кому близки и дороги наши начинания, поспешат нам на помощь словом и делом.

* Как на пример такого несерьезного и небрежного отношения к делу, укажем хотя бы на тот факт, что в деле издания „Истории махновского движения“ — работы чрезвычайно нужной, важной и оспешной в жизни анархического движения — из всех русских организаций лишь одна Федерация Анархо-Коммунистических Групп Сев. Америки оказала нам денежную помощь, — несмотря на то, что за помощью мы обращались ко всем русским анархическим организациям, находящимся с нами в сношениях. И если бы не дополнительная поддержка болгарских и итальянских товарищей, которые, вслед за федерацией а.-к. групп Сев. Америки, братски поспешили нам на помощь в этом деле, то „История махновского движения“, написанная в 1921 г., до сего времени не вышла бы в свет.

Июнь 1923 г.

Группа Рус. Ан. в Герм.

КО ВСЕМ ТОВАРИЩАМ-АНАРХИСТАМ И СОЧУВСТВУЮЩИМ

Товарищи!

Для всякого вдумчивого анархиста должно быть ясным глубоко трагическое положение анархизма в наши исключительные и ответственные дни.

В то самое время, когда, с одной стороны, события требуют все более широкого и энергичного действия трудящихся классов; когда, с другой стороны, все руководящие социальные и революционные идеи, за исключением идеи анархической, терпят явный крах и оказываются не в силах наметить надвигающейся социальной революции верный путь, — единственная остающаяся жизненной и развивающаяся анархическая идея является все еще столь слабой, столь мало известной и пространной, что она не в состоянии сколько-

нибудь заметно влиять на ход событий и на действия широких трудовых масс.

Правда, по самой своей сущности и в связи с окружающей средой, наша идея и наша деятельность таковы, что вполне выявиться, развернуться во всю свою ширь и претвориться в живое дело они смогут лишь в самом процессе социальной революции. Но правда и то, что чем шире и глубже будут разворачиваться наши идеи уже до революции, тем скорее и легче этот процесс и вся революционная деятельность масс направятся по должному пути. Между тем, влияние наших идей на широкие слои трудящихся ничтожно. И — пока — нет почти никакой надежды на то, чтобы оно в ближайшем будущем сильно возросло.

Такое положение вещей мучительно переживается в нашей среде и пагубно отражается

на ней. Именно здесь лежит, между прочим, одна из сокровенных пружин различного рода извращений и уклонов в анархическом движении: ухода товарищей в коммунистическую партию, тесного сотрудничества с последней, политики приспособленчества к ней, увлечений политическим моментом в поисках возможности большего воздействия на массы, стремления организовать последние сверху, и многих других.

Несомненно, все эти выходы, направляющиеся по линии наименьшего сопротивления, — не выходы.

Не является выходом и стремление замариноваться в замкнутости и узкой нетерпимости того или иного нашего фракционизма (анархо-синдикализма, анархо-коммунизма, анархо-индивидуализма и т. д.).

Есть выход, — требующий, правда, значительной инициативы, энергии, настойчивости, а главное — требующий, вместо обычного мелочного сектантства, широкого подхода к делу, продуманности, взаимной терпимости и преданности самому существу дела, — но зато, по нашему мнению, наиболее плодотворный выход.

Этот выход — *объединение и сплочение всех активных революционных анархических сил, без различия индивидуальных оттенков анархического мировоззрения, вокруг некоторых основных, — для всех, в той или иной мере, приемлемых, — положений и, отсюда, вокруг общей и дружной анархической работы.*

Одной из главных причин слабости анархического движения служит раздробленность, распыленность, взаимная отчужденность наших сил.

Эта же распыленность — отчужденность — послужила одной из основных причин слабости анархизма в русской революции.

Спрашивается: действительно ли такая разобщенность анархистов *практически* неизбежна и неустранима? Действительно ли нет конкретной возможности объединить анархических работников и анархическую деятельность на тех или иных общих началах, на том или ином общем деле?

Мы полагаем, что такая возможность имеется. Мы считаем, что такое объединение революционных анархистов различных толков вполне осуществимо. Лежащий позади опыт русского и, в особенности, украинского анархического движения подтверждает наше мнение.

Но, быть-может, имеются какие-либо непреодолимые *теоретические* препятствия делу такого объединения?

Мы отрицаем и их. Мы находим, что время для попытки теоретически *синтезировать* (обобщить) результаты совершенной анархистами различных направлений аналитической идейной работы вполне назрело.

Саму собою разумеется, что идея духовного и практического (организационного) сбли-

жения анархистов различных оттенков — вместо существующих ныне разобщения, разлада и распыленности — не может быть осуществлена во мгновение ока: она требует предварительной — широкой и систематической — разработки, основательного освещения и пропаганды в анархической печати; тем более, что, — наряду с широким сочувствием, — эта идея встретит, вероятно, с различных сторон немалое сопротивление. Необходимо поставить и развернуть в нашей прессе все, относящееся сюда, вопросы.

Сознание этой необходимости привело нас и некоторые симпатизирующие нашей идее рабочие организации Северной Америки к мысли об издании *периодического органа*, — например, ежемесячного журнала, — который, с одной стороны, разрабатывал и отстаивал бы идею объединения анархистов и анархической работы, а с другой — предоставлял бы свои страницы самому свободному обмену мнений, самому широкому изложению, освещению и защите различных точек зрения в анархизме. Соответственное построение журнала и все-стороннее освещение в нем всех насущных вопросов анархизма дали бы возможность широким анархическим кругам, как точно уяснить действительные разногласия наши, так и постараться найти те точки соприкосновения и сближения, наметить те общие положения, на которых анархисты различных направлений могли бы сойтись.

Издание такого журнала становится ныне насущной практической задачей дня.

Издание это намечено. Журнал предполагается на русском языке и предназначается, главным образом, для России и для русской рабочей и анархической среды в Америке.

Для того, чтобы конкретно приступить к изданию журнала, требуются конечно, прежде всего, материальные средства.

Мы обращаемся, поэтому, ко всем отдельным товарищам и организациям, сочувствующим идее объединения анархистов и изданию указанного журнала, с просьбой притти нам серьезно на помощь в предпринимаемом деле.

Все, кому дорога мысль о сплоченности анархических сил и анархической работы, пусть откликнется на наш призыв!

Точные денежные отчеты будут помещаться в каждом номере журнала.

Все средства просим направлять по адресу:

I. Zaitzeff c/o Friar Arbeiter Stimme, 48, Canal Str. New York City.

или же прямо в Берлин, по адресу:

Herrn Fritz Kater, Kopernikusstrasse 25 II, Berlin O. 34. Deutschland. Für GRAD.

Группа русских анархистов в Германии.

Секретарь: Волин.

Союз Объединенных Анархистов Северной Америки.

Секретарь: (подпись).

О Т Ч Е Т

Группы Русских Анархистов в Германии
за полугодие октябрь 1922 г. — март 1923 г.

I. Денежный отчет.

П Р И Х О Д

	(Неразмещенные)				Немец. марки
	Дол- лары	Арг. пезы	Болг. лвы	Австр. Кроны	
Остаток кассы на 1 окт. 1922 г. (см. предыд. отчет)					9.156,70
Приход с 1 окт. 1922 г. по 1 апр. 1923 г.:					
Октябрь 1922 г.					
От т. Короленко (Нью-Гейвен) 7 долл. 50 с.					19.660,—
От т. Дубровина (Детройт) 1 долл. (разм. в ноябре)					8.100,—
Ноябрь 1922 г.					
От Ф. Рыск. (Швейцария)					1.000,—
Из Аргентины (через А. Гор.)					
Декабрь 1922 г.					
Из Сан-Франциско чек на 20 долл. (разм. 28. XI)					162.410,—
От Ф. Рыск. (Швейцария)					1.500,—
Взято заимообразно	30				
Январь 1923 г.					
От болгарской группы „Безвластие“					10.000,—
Взято заимообразно	30				
От Pierre Ramus из Вены (через А. Б.)				100.000	
Февраль 1923 г.					
Взято заимообразно	25				
Получено за проданную литерат. от Сев.-Ам. Федерации	50				
„ „ „ „ „ болгар. „			180		
„ „ „ „ „ т. Лин			350		
„ „ „ „ „ т. Шамез					280,—
„ „ „ „ „ „					40,—
Возврат банка от 2 долл., уплаченных при получении денег (см. расход)					957,—
Получено от т. Максимова за его часть (25 долл. за проданную литературу) 1 1/2 (25 цент.) в счет уплаченных банку 2 долл. (см. расход)					4.785,—
От Pierre Ramus из Вены (через А. Б.)				80.000	
Взято заимообразно					75.000,—
„ „ „ „ „	5				
„ „ „ „ „	40				
От Ф. Рыск. (Швейцария)					7.000,—
Получено за проданную литературу (Германия)					4.800,—
Март 1923 г.					
Взято заимообразно	3				
Получено от т. Влад. за его часть (120 долл. на издание книги) 1 1/2 (1 долл. 20 цент.) в счет уплаченных банку 2 долл. (см. расход)					3.828,—
Возврат от 20.000 австр. крон, данных заимообразно (см. расход)	1				
				5.000	
Итого Приход	184	20	530	185.000	308.516,70

РАСХОД

Расход с 1 окт. 1922 г. по 1 апр. 1923 г.:

Октябрь 1922 г.

Книги					2,50
Письменные принадлежности					574,—
Почтовые расходы					349,—
Поездки по делам Группы					304,—
Переводная работа					900,—
Россия					11.412,—

Ноябрь 1922 г.

Письменные принадлежности					250,—
Почтовые расходы					1.676,—
Поездки и разные расходы по делам Группы					593,—
Переводы и переписка на машинке					6.600,—
Выдано займообразно					6.750,—
Паковка и экспедиция книги „Гонения“					4.696,—

Декабрь 1922 г.

Письменные принадлежности					792,—
Почтовые расходы					1.132,—
Отправка литературы					300,—
Переводы					5.000,—
Поездки и разные расходы по делам Группы					974,—

Россия

Январь 1923 г.

Письменные принадлежности					2.198,—
Почтовые расходы					3.000,—
Поездки и разные расходы по делам Группы					1.010,—
Россия					2.240,—
Выдано займообразно				20.000	6.827,—
Помощь товарищам					

Февраль и Март 1923 г.

Почтовые расходы					13.595,—
Поездки и разные расходы по делам Группы					8.080,—
Письменные принадлежности					10.550,—
Специальные расходы по делу Бол. (за счет сев.-америк. федерации)	40				49.035,—
Помощь товарищам	5	10			75.000,—
Отправка литературы					630,—
Помещение (квартира, мебель, газ и пр.)	30				12.350,—
Книги			5		
Возврат долга	46				
Банку при получении денег из Америки	2				

Итого Расход

183	15		20.000	226 819,50
-----	----	--	--------	------------

Остаток кассы на 1 апр. 1923 г.

Дол- лары	Арг. пезы	Болг. левы	Австр. кронь	Немец. марки
1	5	530	165.000	81 697,20

Секретарь: Волин.

Проверено и найдено правильным.

Члены группы: И. Юдин, П. Исаков.

II.

За истекшие пол-года Группой был конкретно намечен ряд задач, начинающих теперь получать свое разрешение:

1) издание книги по истории махновского движения (книга только-что вышла из печати);

2) издание ежемесячного журнала (вышел настоящий — 1-ый — номер);

3) организация при Группе фонда для оказания необходимой материальной помощи товарищам, бегущим из России (или других стран), входящим в соприкосновение с Группой и нуждающимся в средствах для временного проживания или для дальнейшего пути;

Группа призывает товарищей помогать этому крайне необходимому фонду;

4) подготовка различных материалов, изданий и пр. к переводу на иностранные языки;

5) постановка постоянной и прочной связи с товарищами в России и в других странах.

Группа надеется, что товарищи помогут ей в ее начинаниях и планах.

Группа Русских Анархистов в Германии.

Примечание. — Группа доводит до сведения товарищей, что за истекшее время из ее состава выбыл Анатолий Горелик.

ОТЧЕТ

ОБЪЕДИНЕННЫХ АНАРХИСТОВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ ОТ 1-ГО ДЕКАБРЯ 1922 ГОДА.

ПРИХОД:

Добровольных пожертвований от членов С. О. А. С. А. на издание журнала Обьединенных Анарх. в Берлине.	106.25
От вечеринки, устроенной С. О. А. С. А.	10.44
Членских взносов	8.00
От Союза Р. Труженников для той же цели	41.93
От В. С. Р. в Гарлеме	16.93
От Г. В.	30.00
Итого прихода —	213.27.

РАСХОД:

Переслано в Берлин	150.00
На отпечатание воззваний и подписных листов	4.50
Печать	3.00
Пересылка денег в Берлин	0.75
Итого расхода	158.25
Общий приход	213.27
Общий расход	158.25
Остаток в кассе	55.02

Обращаемся ко всем товарищам, сочувствующим помочь этому делу, посылать средства по следующему адресу:

J. Zaitzeff, c/o Frier Arbeiter Stimme, 48, Canal St, New York City.

Или непосредственно в Берлин:

Herrn Fritz Kater, für GRAD. Kopernikusstrasse 25 II Berlin O. 34. Deutschland. (Germany).

Просим пересылать долларами.

С товарищеским приветом
Союз Объединенных Анархистов Сев. Америки.

КО ВСЕМ

анархическим и синдикалистским (индустриалистским) изданиям и организациям.

Редакция «Анархического Вестника» просит все анархические, анархо-синдикалистские, синдикалистские и индустриалистские организации и издания высылать ей, для надобностей журнала и в обмен на издания Группы Рус. Ан. в Герм., их периодические и не периодические издания; а также — сообщить в редакцию «А. В.» свои адреса, в целях регулярных сношений.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Вышли из печати и будут вскоре разосланы всем анархическим организациям открытки с портретом Нестора Махно.

Просьба ко всем товарищам и организациям: направлять все деньги, вырученные от продажи открыток, в распоряжение Группы, которая принимает это издание для помощи как самому, находящемуся в Варшавской тюрьме, Н. Махно, так и другим махновцам.

Отсюда же еще просьба: если какая-либо организация пожелает сама отпечатать и продавать открытки с портретом, также направлять выручку в Группу Рус. Ан. в Германии.

Г. Р. А. в Г.